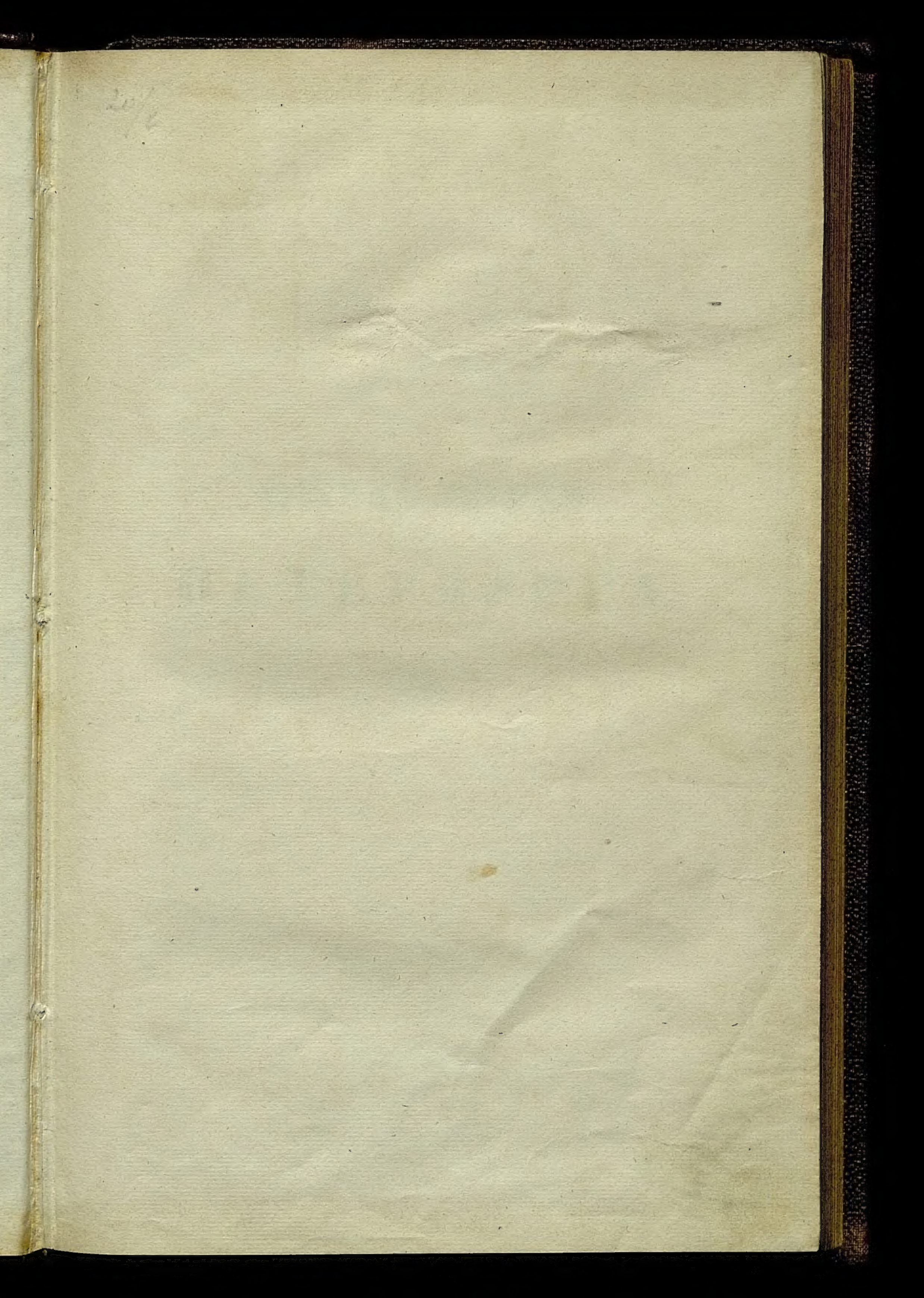

ФИЗІОЛОГІЯ

ПЕТЕРБУРГА.

II.

ФИЗІОЛОГІЯ
ПЕТЕРБУРГА,

СОСТАВЛЕННАЯ

ИЗЪ ТРУДОВЪ РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. Некрасова.

(СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.)

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. ИВАНОВА.
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

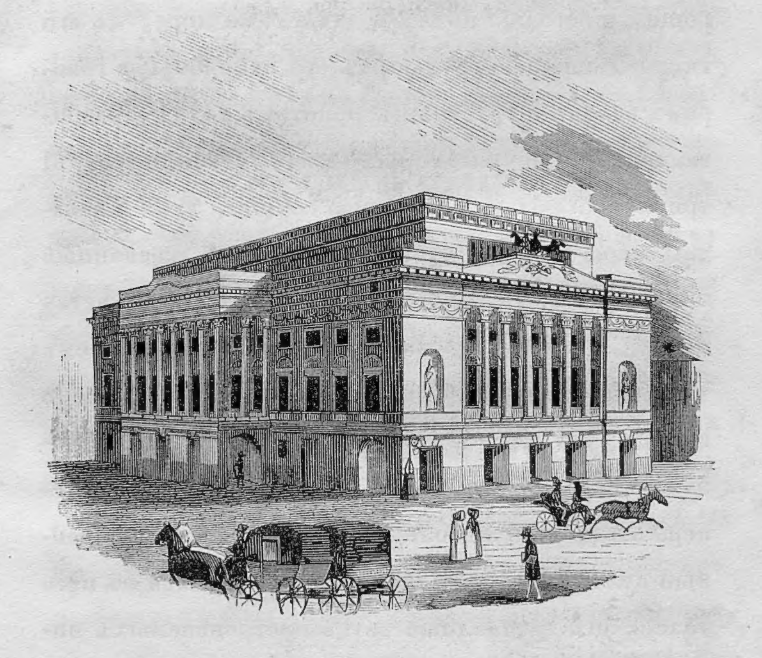
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 2 января 1845.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ-ТЕАТРЪ.

Театръ! театръ! какимъ магическимъ словомъ былъ ты для меня во время о́но! Какимъ невыразимымъ очарованіемъ потрясалъ ты тогда всѣ струны души моей, и какіе дивные аккорды срывалъ ты съ нихъ!... Въ тебѣ я видѣлъ весь міръ, всю вселенную, со всѣмъ ихъ разнообразіемъ и велико-

лѣпіемъ, со всею ихъ заманчивою таинственностію! Что передъ тобою былъ для меня и вѣчно-голубой куполъ неба, съ его свѣтлозарнымъ солнцемъ, блѣдноликою луною и миріадами томно-блестящихъ звѣздъ, — и угрюмо-безмолвные лѣса, и зеленыя рощи, и веселыя поля, и даже само море, съ его тяжко-дышащею грудью, съ его немолчнымъ говоромъ валовъ и грустнымъ ропотомъ волнъ, разбивающихся о неприступный берегъ? Твои, о театръ! тряпичныя облака, масляное солнце, луна и звѣзды, твои холстинныя деревья, твои деревянныя моря и рѣки, больше пророчили жадному чувству моему, больше говорили томящейся ожиданіемъ чудесъ душѣ моей! Такъ сильно было твое на меня вліяніе, что даже и теперь, — когда ты такъ обманулъ, такъ жестоко разочаровалъ меня, — даже и теперь этотъ еще неполный, но уже ярко-освѣщенный амфитеатръ и медленно-собирающаяся въ него толпа, эти нескладные звуки настроиваемыхъ инструментовъ, даже и теперь всё это заставляетъ трепетать мое сердце какъ-бы отъ предчувствія какого-то великаго таинства, какъ-бы отъ ожиданія какого-то великаго чуда, сейчасъ готоваго совершиться передъ моими глазами. . А тогда!... Вотъ, съ послѣднимъ ударомъ смычка, быстро взвилась

таинственная занавѣсь, сквозь которую тщетно рвался нетерпѣливый взоръ мой, чтобъ скорѣе увидѣть скрывающійся за нею волшебный міръ, гдѣ люди такъ непохожи на обыкновенныхъ людей, гдѣ они или такъ невыразимо-добры, или такіе ужасные злодѣи, и гдѣ женщины такъ обаятельно, такъ неотразимо-хороши, что, казалось, за одинъ взглядъ каждой изъ нихъ отдалъ-бы тысячу жизней!... Сердце бьется рѣдко и глухо, дыханіе замерло на устахъ, — и на волшебной сценѣ все такъ чудесно, такъ полно очарованія; молодое, неискушенное чувство такъ всѣмъ довольно, и — Боже мой! — съ какою полнотою въ душѣ выходишь, бывало, изъ театра, сколько впечатлѣній выносишь изъ него!... Даже и днёмъ, если случится пройдти мимо безобразнаго и неопрятнаго театра въ губернскомъ городѣ, — съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ смотришь, бывало, на этотъ «великолѣпный» храмъ искусства, — снять передъ нимъ шапку какъ-то стыдно при людяхъ, а остаться съ покрытой головою казалось непростительною дерзостью. Въ каждомъ актерѣ я думалъ видѣть существо высшее и счастливое — жреца высокаго искусства, служенію котораго онъ преданъ безкорыстно и усердно и служеніемъ которому онъ счастливъ... Ему —

думалъ я — улыбается слава, ему гремятъ рукоплесканія; онъ, словно чародѣй какой-нибудь, мановеніемъ руки, взоромъ, звукомъ голоса, по волѣ своей, заставляетъ и плакать и смѣяться послушную ему толпу; онъ возбуждаетъ въ ней благородныя чувства, высокіе помыслы; онъ раждаетъ въ ней любовь къ добру и отвращеніе отъ зла... Велико его призваніе, высокъ его подвигъ, – и какъ ему не смотрѣть съ благоговѣйнымъ уваженіемъ и на искусство, которому онъ служитъ, и на самого-себя, котораго возвышаетъ служеніе искусству... Сдѣлаться актеромъ — значило для меня сдѣлаться великимъ человѣкомъ, — и я чуть-было въ-самомъ-дѣлѣ не сдѣлался имъ, — т. е. актеромъ, а не великимъ человѣкомъ... Мечты ребенка! Я и не подозрѣвалъ тогда, что часть этихъ актеровъ была не служителемъ, а илотомъ искусства, и полное имѣла право смотрѣть на сцену, какъ на барщину; другая часть прикована была къ театру, какъ чиновникъ къ канцеляріи, какъ сидѣлецъ къ магазину; и что лучшіе изъ этихъ «великихъ» людей были тѣ, которыхъ житейскіе разсчеты были немного смѣшаны съ самолюбіемъ и высокимъ понятіемъ о ихъ мнимыхъ или истинныхъ талантахъ... Мнѣ и въ голову не входило, что у этихъ людей не было ни-

какого понятія объ искусствѣ, и что они знали только ремесло, одни находя его болѣе, другіе менѣе тяжкимъ и скучнымъ... Все это я узналъ уже послѣ, разставшись съ губернскимъ балаганомъ, который я добродушно принималъ за театръ, и познакомившись съ столичными... театрами, съ вашего позволенія... И я увидѣлъ ихъ, и, разумѣется, на первый разъ былъ еще больше очарованъ неотступнымъ идоломъ души моей – театромъ... но духъ движется, растетъ и мужаетъ, фантазія опережаетъ дѣйствительность; вступающій въ права свои разумъ горделиво оставляетъ за собою и опытъ, и разсудокъ, и возможность; въ душѣ возникаютъ неясные идеалы, и духи лучшаго міра незримо, но слышимо летаютъ вокругъ васъ и манятъ за собою въ лучшую сторону, въ лучшій міръ... Такъ и мнѣ на театрѣ сталъ мечтаться другой театръ, на сценѣ — другая сцена, а изъ-за лицъ, къ которымъ уже приглядѣлись глаза мои, стали мерещиться другія лица, съ такимъ чуднымъ выраженіемъ, такъ непохожія на жильцовъ здѣшняго дольняго міра... Декорація какого-нибудь совершенно-невиннаго въ здравомъ смыслѣ водевиля, представлявшая комнату помѣщика, или чиновника, превращалась, въ глазахъ моихъ, въ длинную галерею, на

концѣ которой рисовался въ полусумракѣ образъ какой-то страшной женщины, съ блѣднымъ лицомъ, распущенными волосами и открытою грудью. Дико вращала она вокругъ себя расширенные внутреннимъ ужасомъ зрачки свои, и, потирая обнаженною рукою другую руку, оледеняющимъ голосомъ шептала: «прочь, проклятое пятно! прочь, говорю я! одно, два! однакожь, кто могъ думать, чтобъ въ старикѣ было такъ много крови!...» То была лэди Макбетъ... За нею, вдали, высился колоссальный образъ мужчины: въ рукѣ его былъ окровавленный кинжалъ, глаза его дико блуждали, а блѣдныя, посинѣлыя губы невнятно шептали: «Макбетъ зарѣзалъ сонъ, и впредь отнынѣ ужь не спать Макбету!...» Въ пищаніи какой-нибудь водевильной примадонны, пѣвшей куплетъ съ плоскими остротами и грубыми экивоками, слышался мнѣ умоляющій голосъ Дездемоны, ея глухія рыданія, ея предсмертные вопли... Въ пошломъ объясненіи какого-нибудь мелодраматическаго любовника съ плѣнившею его чиновническое сердце «барышнею», представлялась мнѣ ночная сцена, въ саду, Ромео съ Юліею, слышались ихъ гармоническія слова любви, столь полныя юнаго, блаженнаго чувства, — и я самъ боялся весь улетучиться во вздохъ бла-

женствующей любви... То вдругъ и неожиданно являлся царственный старецъ, и съ ревомъ бури, съ грохотомъ грома, соединялъ страшныя слова отцовскаго проклятія неблагодарнымъ и жестокосердымъ дочерямъ... Чудесный міръ! въ немъ было мнѣ такъ хорошо, такъ привольно; сердце билось двойнымъ бытіемъ; внутреннему взору видѣлись вереницы свѣтлыхъ духовъ любви и блаженства, — и мнѣ не доставало только груди, другой души, души нѣжной и любящей, какъ душа прекрасной женщины, которой передалъ бы я мои дивныя видѣнія, — и я живѣе чувствовалъ тоску одиночества, сильнѣе томился жаждою любви и сочувствія... на сценѣ говорили, ходили, пѣли, размахивали руками, публика зѣвала и хлопала, смѣялась и шикала, восторгалась и скучала, — а я нѐ-глядя глядѣлъ вдаль, окруженный моими магнетическими ясновидѣніями, и выходилъ изъ театра, не помня, чтó въ немъ дѣлалось, но довольный, страстно-блаженный моими мечтами, моимъ тоскливымъ порываніемъ въ свѣтлый міръ искусства истиннаго и высокаго... Душа ждала совершенія чуда и *отчасти* дождалась. Но это «отчасти» тогда добродушно и страстно принято было ею за «все», за полное и торжественное удовлетвореніе. И въ-самомъ-дѣлѣ, никогда,

что́ бы горькаго еще ни послала мнѣ жизнь, никогда не забуду я этого невысокаго блѣднаго человѣка, съ такимъ благороднымъ и прекраснымъ лицомъ, осѣненнымъ черными кудрями, котораго голосъ то лился прозрачными волнами сладостной мелодіи, воспоминая о своемъ великомъ отцѣ, — то превращался въ львиное рыканіе, когда обвинялъ себя въ позорной слабости воли; то, подобясь бурѣ, гремѣлъ громами небесными (а глаза, дотолѣ столь кроткіе и меланхолическіе, бросали изъ себя молнію), когда, по открытіи ужасной тайны братоубійства, онъ потрясалъ огромный амфитеатръ своимъ не-человѣческимъ хохотомъ, а зрители сливались въ одну душу, и — то съ испуганнымъ взоромъ, затаивъ дыханіе, смотрѣли на страшнаго художника, то единодушными воплями тысячей восторженныхъ голосовъ, единодушнымъ плескомъ тысячей рукъ, въ свою очередь, заставляли дрожать своды зданія!... Увидалъ я и его — того чернаго Мавра, того великаго ребёнка, который, полюбивъ, не умѣлъ назначить границъ своей любви, а предавшись подозрѣнію, шелъ не останавливаясь до-тѣхъ-поръ, пока не палъ его жертвою, истребивъ своею проклятою рукою одинъ изъ лучшихъ, благоуханнѣйшихъ цвѣтковъ, какіе когда-либо

цвѣли подъ небомъ... О, и теперь еще возмущаютъ сонъ мой эти ужасныя, почти шопотомъ сказанныя слова: «что́ ты сдѣлала, безстыдная женщина? Что́ ты сдѣлала?...» Какъ и тогда, вижу передъ собою этотъ гордый, низверженный грозою дубъ, когда, колеблющимися шагами, съ блуждающимъ взоромъ, то подходилъ онъ къ своей уже безотвѣтной жертвѣ, то бросался къ двери, за которою стучался страшный для него свидѣтель невинности его жертвы... И мнилось моему разгоряченному воображенію, что окружающая меня толпа велика, какъ художникъ, которому рукоплещетъ она, что понимаетъ она искусство, и что полна она таинственной думы, какъ лѣсъ, какъ море... И былъ я убѣжденъ, что увидѣлъ въ театрѣ все, что̀ можетъ театръ показать и чего можно отъ театра требовать...

Но всякому очарованію бываетъ конецъ — моему былъ тоже... Сперва, я началъ замѣчать, что всегда вижу одно только лицо шекспировской драмы, но ни другихъ лицъ, ни самой драмы не вижу, и что когда сходитъ со сцены главное лицо, то все на ней темнѣетъ, тускнетъ, умираетъ и томится, становится такъ пошло, такъ скучно, теряетъ всякій смыслъ. И скоро я убѣдился, что хотя бы силы главнаго актера равнялись силамъ древняго Атлан-

та, все же ему одному не поддержать на своихъ плечахъ громаднаго зданія шекспировской драмы. Потомъ я сообразилъ, что этотъ актеръ не только не всегда одинаково хорошъ въ цѣлой своей роли, но иногда бываетъ постоянно дуренъ въ ней; что онъ великъ только минутами, которыми обязанъ своей волканической натурѣ и наитію бурнаго вдохновенія; и что высокая образованность и трудное, долговременное изученіе тайнъ искусства не научили его владѣть своими огромными средствами и повелѣвать своимъ огненнымъ вдохновеніемъ... Наконецъ, понялъ я и то́, что если этой рукоплещущей толпѣ и доступны мгновенія, въ которыя она невольно покоряется вдохновенію артиста, за то эти вспышки совершенно безсознательны, и что тѣ же самыя рукоплесканія готовы у ней и на молніеносные проблески истиннаго вдохновенія, и на гаерскія выходки посредственности, смѣлой на эффекты и умѣющей припоровляться къ вульгарнымъ требованіямъ толпы... Мнѣ стало и досадно и больно...

Но вотъ, пришло время, благосклонный мой читатель, когда я уже не досадую, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда, увидѣвъ въ длинной аффишѣ нѣсколько новыхъ пьесъ и надъ ними роковую над-

пись — «въ первый разъ» — иду себѣ, присяжный рецензентъ, въ храмъ драматическаго искусства, давно уже переставшій для меня быть храмомъ... Боже мой! какъ я перемѣнился!... Но эта метаморфоза — общій удѣлъ всѣхъ людей: и вы, мой благосклонный читатель, измѣнитесь, если ужь не измѣнились... И такъ... но прежде, чѣмъ кончите мою элегію въ прозѣ, я хочу попросить васъ объ одномъ: вы можете меня читать, или не читать — какъ вамъ угодно; но, во всякомъ случаѣ, не давайте враждебному предубѣжденію видѣть злаго и недоброжелательнаго человѣка во всякомъ, кто, въ лѣта суроваго опыта, обнажившаго передъ нимъ дѣйствительность, протирая глаза отъ ѣдкаго дыма лопающихся подобно шутихамъ фантазій, — на все смотритъ не совсѣмъ весело и обо всемъ судитъ несовсѣмъ снисходительно и мягко, даже иногда и зло: можетъ-быть, это отъ-того, что онъ нѣкогда слишкомъ многаго искалъ и желалъ, и въ его душѣ жили высокіе идеалы, а теперь онъ уже ничего не ищетъ, ничего не желаетъ, и всѣ его идеалы разлетѣлись при холодномъ свѣтѣ опыта, и онъ, своимъ докучливымъ ворчаньемъ, мститъ, ка̀къ можетъ и ка̀къ умѣетъ, столь жестоко обманувшей его дѣйствительности...

Но я, увѣряю васъ, благосклонный мой читатель, я совсѣмъ не изъ числа ворчуновъ; по-крайней-мѣрѣ, я давно уже оставилъ дурную привычку ворчать... Теперь я человѣкъ всѣмъ на свѣтѣ довольный; ничего не браню, но все слегка похваливаю... Вы легко со мной сойдетесь, и, надѣюсь, будете вполнѣ довольны мною, если не со стороны умѣнія пріятно занимать васъ остроумнымъ и пріятнымъ слогомъ, то со стороны терпимости ко всему, что́ можетъ нравиться вамъ и не нравиться мнѣ...

Послѣ этого нѣсколько длиннаго и немного поэтическаго вступленія, позвольте мнѣ, благосклонный читатель, обратиться къ немного-прозаической характеристикѣ Александрынскаго-Театра.

Есть русская пословица, что́ городъ, то̀ но́ровъ, что̀ село, то́ обычай. Въ-самомъ-дѣлѣ, во всякомъ городѣ есть что-нибудь особенное, собственно ему одному принадлежащее, короче: во всякомъ городѣ есть свой «но́ровъ». Петербургу ли быть безъ но́рова? Много родовыхъ особенностей въ физіологической жизни Петербурга; но Александрынскій-Театръ едва-ли не есть одна изъ самыхъ характеристическихъ примѣтъ ея, едва-ли это не главнѣйшій «но́ровъ» нашей огромной и прекрасной столицы. Описывать Петербургъ физіологически — и не

сказать ни слова, или не обратить особеннаго внимания на Александрынскій-Театръ; это все равно, что, рисуя чей-нибудь портретъ, забыть нарисовать носъ, или только слегка сдѣлать нѣкоторое подобіе носа. Кто хочетъ видѣть Петербургъ только съ его внѣшней стороны, какъ великолѣпный и прекрасный городъ, столицу Россіи и одинъ изъ важнѣйшихъ въ мірѣ портовыхъ городовъ, тому, разумѣется, достаточно только взглянуть на Александрынскій-Театръ, который, съ его прелестнымъ сквэромъ впереди, садомъ и арсеналомъ Аничкина-Дворца съ одной стороны, и Императорскою Публичною Библіотекою съ другой, составляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ украшеній Невскаго Проспекта. Но кто хочетъ узнать внутренній Петербургъ, не одни его дома, но и тѣхъ, кто живутъ въ нихъ, познакомиться съ его бытомъ, тотъ непремѣнно долженъ долго и постоянно посѣщать Александрынскій-Театръ преимущественно передъ всѣми другими театрами Петербурга. Тогда-то привыкшему и опытному взгляду откроется вся тайна особенности петербургской жизни. Одинъ древній мудрецъ имѣлъ обыкновеніе говорить встрѣчному и поперечному: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты друженъ — и я скажу тебѣ, каковъ ты самъ». Не имѣя чести

принадлежать не только къ древнимъ, но и къ новѣйшимъ мудрецамъ, мы тѣмъ не менѣе имѣемъ привычку однимъ говорить: «Если хотите узнать Петербургъ, какъ-можно-чаще ходите въ Александрынскій-Театръ», а другимъ: «Скажите намъ, часто ли вы ходите въ Александрынскій-Театръ, — и мы скажемъ вамъ, что́ вы за человѣкъ». У всякаго свой взглядъ на вещи – у насъ тоже свой!

При разсматриваніи какого-бы то ни было театра, представляются двѣ стороны, изъ которыхъ составляется, такъ сказать, существованіе театра: это — его актеры и его публика, ибо театръ невозможенъ ни съ актерами безъ публики, ни съ публикою безъ актеровъ. Эти двѣ стороны такъ тѣсно связаны между собою, что по актерамъ всегда можно безошибочно судить о публикѣ, а по публикѣ — объ актерахъ. Важную также сторону жизни театра составляетъ и его репертуаръ, говоря о которомъ нельзя не коснуться современныхъ драматическихъ писателей. Во всѣхъ этихъ трехъ отношеніяхъ, Александрынскій-Театръ удивительно самостоятеленъ: у него такъ же точно своя публика и свои драматурги, какъ и свои актеры. И во всѣхъ этихъ трехъ отношеніяхъ, Александрынскій - Театръ вполнѣ

оправдываетъ собою многозначительную русскую поговорку: «по Сенькѣ шапка».

Какъ Петербургъ въ настоящее время есть представитель формальнаго европеизма въ Россіи, такъ и петербургскій русскій театръ есть представитель того же европейскаго формализма на сценѣ. Къ нему крѣпко приросли-было формы классическаго сценизма — пѣвучая декламація и менуэтная выступка. Классицизмъ передавался въ немъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, – и отъ Дмитревскаго черезъ Яковлева, Колосовыхъ, Семенову, дошелъ до господина Каратыгина и г-жи Каратыгиной, которые, особенно первый, впрочемъ, поневолѣ повинуясь духу времени, были первыми замѣчательными отступниками отъ классическаго правовѣрія, взлелѣявшаго ихъ. Это классическое время было блестящею эпохою русскаго театра въ Петербургѣ: тогда въ немъ принимали живѣйшее участіе и высшая публика столицы и замѣчательнѣйшіе литераторы того времени. Для него трудились сперва — Сумароковъ, Княжнинъ, Фонвизинъ, а потомъ Озеровъ, Жандръ, Гнѣдичъ и другіе. Пушкинъ засталъ еще пышный закатъ классическаго величія русскаго театра въ Петербургѣ,— и какою допотопною древностію отзывается теперь содержаніе этихъ

*

стиховъ и собственныя имена, которыми они испещрены:

Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,
Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать *entrechat*,
Обшикать *Федру*, *Клеопатру*,
Моину вызвать — для того,
Чтобъ только слышали его.
Волшебный край! тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ *Фонвизинъ*, другъ свободы,
И переимчивый *Княжнинъ*;
Тамъ *Озеровъ* невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой *Семеновой* дѣлилъ;
Тамъ нашъ *Катенинъ* воскресилъ
Корнеля геній величавый;
Тамъ вывелъ колкій *Шаховской*
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и *Дидло* вѣнчался славой...

Балетъ, это истое чадо классицизма и XVIII вѣка — дѣлилъ съ трагедіею и комедіею вниманіе публики. Дидло считался великимъ творцомъ. Кто не помнитъ поэтическихъ стиховъ въ «Онѣгинѣ», посвященныхъ описанію танцующей *Истоминой*? Такими стихами можно было бы говорить только раз-

въ о Тальйони и Фанни Эльслеръ. Балетъ держится и теперь, но не то уже его значеніе: толпы стекались на него только при имени Тальйони, а безъ нея — имъ любуются только присяжные любители танцевъ. Но при Пушкинѣ балетъ уже побѣдилъ классическую трагедію и комедію:

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантіей мишурной
Она предъ хладною толпой;
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внемлетъ;
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой.
(Что было также въ древни лѣты,
Во время ваше и мое)...

ВъМосквѣ, развитіе театра было гораздо-свободнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Тамъ классицизмъ не могъ пустить глубокихъ корней; онъ царилъ на сценѣ потому только, что нѐ чему было замѣнить его. За то, лишь-только слово романтизмъ начало печататься русскими буквами, какъ классицизмъ сейчасъ же палъ на московской сценѣ. Надо сказать, что пѣвучая декламація и менуэтная выступка даже и во времена классицизма въ Москвѣ не были строго соблюдаемы. Мочаловъ, дебютировавшій на сценѣ, еще въ 1818 году, въ классической

роли Полиника игралъ ее натурально, т. е. совсѣмъ не-классически. Въ этомъ отношеніи, Москва далеко опередила Петербургъ. И не мудрено: все, что касается строгости формъ, условныхъ приличій, перенимаемыхъ отъ Европы, въ Москвѣ не могло имѣть большой силы. Москва не гонится за формою и даже, гонясь за нею, не умѣетъ строго держаться ея. Петербургъ, какъ извѣстно, помѣшанъ на формѣ. Каратыгинъ (В. А.) первый рѣшился на реформу, но на весьма умѣренную въ сущности; онъ долго оставался вѣренъ преданіямъ классицизма, подъ исключительнымъ вліяніемъ котораго онъ былъ образованъ, какъ артистъ. Но поѣздки въ Москву, гдѣ являлся онъ на сценѣ, заставили его, мало-по-малу, совсѣмъ отказаться отъ классической манеры. Къ этому способствовало еще и то, что классическія пьесы совершенно перестали даваться даже и на петербургскомъ театрѣ, которымъ совсѣмъ завладѣли издѣлія такъ-называемой романтической школы. Отъ этого, Каратыгинъ, какъ артистъ, много выигралъ, потому-что игра его сдѣлалась гораздо-естественнѣе. Но не безполезно было для него то обстоятельство, что онъ образовался подъ исключительнымъ вліяніемъ классической манеры, потому-что онъ черезъ это привыкъ во вся-

комъ положеніи сохранять ту картинность позы, то изящество формы, отсутствіе которыхъ не можетъ замѣнить никакой талантъ, никакое вдохновеніе, хотя и онѣ, въ свою очередь, никакъ не могутъ замѣнить недостатка въ талантѣ и вдохновеніи. Натура — главное достоинство сценическаго искусства, какъ и всякаго другаго искусства; но не должно забывать, что натура искусства совсѣмъ не то, что натура дѣйствительности: ибо первая пріобрѣтается искусствомъ, а вторая дается даромъ. Всякій человѣкъ бываетъ естественъ въ своемъ обыкновенномъ разговорѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ всякій человѣкъ могъ быть естественнымъ въ разговорѣ на сценѣ. Даровитый актеръ долженъ обладать способностъ быть естественнымъ на сценѣ, но ему надо сперва развить ее ученіемъ и привычкою, чтобы она обратилась ему въ натуру. Намъ случалось видѣть на сценѣ актеровъ, игра которыхъ была тѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ естественнѣе, какъ-бы въ доказательство, что естественность въ искусствѣ должна быть изящною, художественною. Въ этомъ отношеніи, Каратыгинъ истинный артистъ, самъ создавшій себѣ свои средства и умѣющій вполнѣ владѣть ими. И этому онъ обязанъ больше всего тому обстоятельству, что

былъ воспитанъ въ классической школѣ, которая не обращала почти никакого вниманія на натуру, исключительно обращая его только на искусство. Но для многихъ это обстоятельство было гибельно: застигнутые въ расплохъ новыми понятіями объ искусствѣ, они вдругъ лишились своего таланта, ибо то, что́ считалось въ нихъ прежде величайшимъ достоинствомъ, вдругъ стало величайшимъ недостаткомъ; переучиваться для нихъ было уже поздно, потому-что классическая манера обратилась имъ во вторую природу. Каратыгинъ умѣлъ во̀-время понять, что ему надо было совершенно измѣнить манеру своей игры, и хотя онъ не безъ борьбы, шагъ за шагомъ, уступалъ этой необходимости, но тѣмъ не менѣе успѣлъ выйти съ честью изъ борьбы между преданіемъ и новѣйшими требованіями. Новое отъ него не ушло, и старое обратилось ему въ пользу: умѣнье держаться на сценѣ не только съ приличіемъ и достоинствомъ, но и съ изяществомъ, привычка не презирать никакими средствами, чтобъ дѣйствовать на публику, обязанность безпрестанно учиться и тщательно приготовляться какъ къ важной, такъ и къ самой ничтожной роли, — все это обратилось у него во вторую природу. И по мѣрѣ того, какъ онъ отрѣшался отъ пѣвучей декламаціи и менуэт-

ной выступки (гусинымъ шагомъ, съ торжественно-поднятою дланью), — онъ все болѣе и болѣе бралъ верхъ надъ своимъ единственнымъ соперникомъ, г. Брянскимъ — артистомъ съ большимъ талантомъ, но который тщетно усиливался изъ декламаціи перейдти въ естественность, и потому, въ полнотѣ силъ своихъ, увидѣлъ себя пережившимъ свой талантъ. Молодые артисты тщетно стараются теперь пріобрѣсти себѣ талантъ для высокой драмы, копируя Каратыгина: они успѣваютъ усвоивать себѣ только его недостатки, не усвоивая ни одного изъ его достоинствъ, и такимъ образомъ безъ всякаго злаго умысла дѣлаютъ изъ своей игры каррикатуру, болѣе или менѣе злую, на игру Каратыгина. Они думаютъ, что стòитъ только передразнить даровитаго артиста, чтобъ избавиться отъ труда изучать искусство и развивать собственныя свои средства. Они не понимаютъ, что Каратыгинъ никого не бралъ себѣ въ образцы и много трудился, чтобъ выработать себѣ собственную, только съ его средствами сообразную манеру игры. Г-жа Каратыгина, — артистка тоже съ замѣчательнымъ талантомъ, подобно своему мужу, образовавшаяся въ старинной классической школѣ, тоже старалась сбросить съ себя ея принужденную манеру, но до-

стигла этого только до нѣкоторой степени, потомучто въ трагедіи у ней сохранялись слишкомъ рисующіяся позы, выкрикиванія и взвизгиванія, въ комедіи жеманность, а въ томъ и другомъ — больше принужденности, чѣмъ естественности; но вообще, въ комедіи она несравненно лучше, нежели въ трагедіи. Самъ Каратыгинъ не имѣлъ столько отчаянныхъ подражателей себѣ между молодыми артистами, — сколько г-жа Каратыгина подражательницъ между молодыми артистками, которымъ надо отдать имъ въ этомъ полную справедливость — вполнѣ удалось передразнить и перекаррикатурить всѣ ея недостатки. И потому, когда на сцену появляется г-жа Каратыгина между своими подражательницами, — вы невольно готовы принять ее за знатную даму, окруженную своимъ домашнимъ штатомъ. Особенно бьются онѣ изъ того, чтобъ усвоить себѣ ея манеру держаться на сценѣ comme-il-faut и добиваются только до ея жеманности. Очевидно, что онѣ не разсчитываютъ того, что возможность держаться comme-il-faut на сценѣ условливается постоянною привычкою держаться comme-il-faut даже у себя дома, безъ гостей, даже наединѣ съ самимъ-собою. Чтобъ дополнить характеристику г-жи Каратыгиной, мы должны сказать, что она такъ же со-

вѣстливо, какъ и мужъ ея, въ-продолженіе своего сценическаго поприща изучала и также отчетливо выполняла каждую роль, и большую и маленькую, и важную и ничтожную. Въ-слѣдствіе этого, она можетъ играть иногда лучше, иногда хуже, но никогда не можетъ играть дурно.

Чтò же касается до Каратыгина, нельзя вообразить актера болѣе влюбленнаго въ свое искусство и въ свою славу, болѣе готоваго всѣмъ жертвовать для того и другаго. Онъ не перестаетъ съ равнымъ усердіемъ и преданностію учиться и трудиться со дня своего вступленія на сцену до-сихъ-поръ, и вѣроятно, никогда не перестанетъ. Это — труженикъ искусства. Онъ сдѣлалъ для него все, чтó позволили ему сдѣлать его средства, и своей волѣ, своей страсти къ искусству онъ обязанъ, конечно, болѣе, чѣмъ своимъ средствамъ. Онъ почти всегда бываетъ превосходенъ тамъ, гдѣ требуется отъ артиста преимущественно умъ и искусство. Поэтому роль Людовика XI въ «Заколдованномъ Домѣ» есть истинное торжество его: онъ неподражаемъ въ немъ, и только отъявленное безвкусіе можетъ находить лучшими его ролями роли Гамлета и Отелло. Здѣсь мы не можемъ не напомнить публикѣ Александринскаго-Театра, кàкъ дивно хорошъ ея любимый ар-

тистъ, когда появляется онъ на сцену въ роли стараго бургграфа, остановившись на ступенькахъ башни, и тихо, съ достоинствомъ, дѣлаетъ горькіе упреки своему развратному внуку. Трудно представить себѣ что-нибудь прекраснѣе и грандіознѣе этой высокой худощавой фигуры столѣтняго старца, столь похожаго на жильца другаго міра, уже столь дряхлаго тѣломъ, но еще бодраго и юнаго духомъ, еще закованнаго въ желѣзо... И такою является она во все продолженіе роли, исключая однакожь тѣ мѣста, гдѣ должна она возвышаться до драматическаго паѳоса. Не говоря уже о томъ, что Каратыгинъ на надѣленъ отъ природы хорошимъ о́рганомъ, голосъ его переходитъ въ крикъ вездѣ, гдѣ бы онъ долженъ былъ звучать страстью. Впрочемъ, мы далеки отъ мысли, чтобы Каратыгинъ, какъ артистъ, лишенъ былъ чувства. Нѣтъ: нельзя сказать, чтобы у него не было чувства. Кто видѣлъ его, напримѣръ, въ роли Джарвиса (въ пьесѣ то́го же имени), тотъ долженъ помнить, какъ велъ Каратыгинъ сцену, въ которой онъ, готовясь къ казни, устроиваетъ будущую участь своей дочери; а кто это помнитъ, тотъ не скажетъ, чтобы у Каратыгина не было чувства. Но чувство и страсть — не всегда одно и то же; голосъ страсти часто бы-

ваетъ громокъ, но никогда не бываетъ крикомъ; онъ дѣйствуетъ на душу, а не на слуховые органы зрителя. Вообще, если мы замѣчали чувство и теплоту въ игрѣ Каратыгина, это больше въ роляхъ новой драмы, въ роляхъ частныхъ лицъ. Въ роляхъ же трагическихъ, у него преобладаетъ декламація, хотя по-возможности близкая къ натурѣ, но тѣмъ не менѣе декламація, за отсутствіемъ страсти. Но тамъ, гдѣ нужны живописныя позы, ловкость, обдуманность, искусство, эффектъ, онъ почти всегда превосходенъ. Въ этомъ отношеніи, Каратыгинъ вполнѣ петербургскій актеръ, первый и послѣдній по своему таланту и удивительному умѣнію, — первый потому, что на петербургской сценѣ теперь ему нѣтъ соперниковъ, — послѣдній потому, что ему не предвидится наслѣдниковъ, тогда-какъ у него были знаменитые предшественники...

Чтобъ показать всю разницу между петербургскимъ и московскимъ театромъ, стóитъ только провести параллель между двумя главными трагическими актерами обоихъ театровъ. Мочаловъ не воспитывался ни въ какой школѣ. Онъ вышелъ на сцену потому, что чувствовалъ въ себѣ большой талантъ; и, никогда не разсуждая, никогда не давая

себѣ отчета въ своемъ искусствѣ, вышелъ прямо его преобразователемъ. Въ классической роли *Полиника*, онъ обнаружилъ свѣжесть чувства и естественность игры, рѣшительно чуждыя классицизма. И въ этомъ отношеніи онъ остался вѣренъ самому-себѣ на всю жизнь. Но это онъ дѣлалъ безсознательно, руководимый однимъ инстинктомъ своего таланта. Бурное вдохновеніе, пламенная, жгучая страсть, глубокое чувство, прекрасное лицо, голосъ то громозвучный, то тихій, но всегда гармоническій и мелодическій — вотъ всѣ его средства. Ростъ его низокъ, фигура невзрачна, манеры не выработаны, искусства почти никакого. Онъ весь зависитъ отъ прихоти своего вдохновенія: пробудилось оно въ немъ — и пораженный зритель созерцаетъ великую тайну искусства, о которой не даетъ понятія никакая эстетика, никакая книга, которой нельзя передать словомъ, описаніемъ. Въ минуты вдохновенія, манеры его исполнены благородства и изящества, самый ростъ его кажется выше. Но лишь оставило его вдохновеніе, — и это уже совсѣмъ другой человѣкъ: зритель не видитъ ничего, кромъ подергиваній плечами, хлопанья руками по бедрамъ, словомъ, самыхъ странныхъ манеръ и самой странной (чтобъ не сказать больше)

фигуры; не слышитъ ничего болѣе, кромѣ крику и крику. Эти метаморфозы иногда случаются по нѣскольку разъ въ продолженіе одной и той же роли. Рѣдко случается Мочалову выдержать равно всю роль отъ начала до конца, — и когда это случается, тутъ должно видѣть одно торжество великаго таланта, но не искусства. Рѣдко случается, чтобы въ продолженіе цѣлой роли, дурно играемой Мочаловымъ, не было хотя одной, если не двухъ вспышекъ его могучаго вдохновенія, потрясающаго толпу словно электрическимъ ударомъ. Рѣдко, но случается, что иногда цѣлую роль, отъ начала до конца, онъ играетъ невыразимо-дурно. По-этому, равно правы какъ тѣ, которые видятъ въ немъ великаго актера, такъ и тѣ, которые видятъ въ немъ бездарнаго, дурнаго актера. Мочаловъ не безъ замѣчательнаго успѣха являлся и на петербургской сценѣ; но постояннымъ успѣхомъ онъ здѣсь пользоваться не могъ бы: публика Александрынскаго-Театра не могла бы быть снисходительной къ его недостаткамъ ради его достоинствъ. Москва всегда любила Мочалова и охотно прощала ему его недостатки за его вдохновенныя мгновенія. Слишкомъ немногіе изъ Москвичей не могутъ простить ему его недостатковъ, какъ артиста; но чѣмъ ожесто-

ченнѣе возстаютъ они противъ нихъ, тѣмъ болѣе этимъ самымъ выказываютъ свою любовь и свое уваженіе къ его таланту. Каратыгинъ пользовался огромнымъ успѣхомъ на московской сценѣ; но въ каждый новый пріѣздъ его увеличивалось число порицателей его таланта. Постояннымъ успѣхомъ на московской сценѣ онъ такъ же не могъ бы пользоваться, какъ Мочаловъ на петербургской. Изъ этого ясно видно, что въ Москвѣ требуютъ отъ артиста исключительно вдохновенія; въ Петербургѣ— искусства и формы. Собственно, Мочаловъ не актеръ, не артистъ; но вдохновенная пиѳія, прорицающая тайны искусства, когда она одушевлена мучащимъ ее восторгомъ, и говорящая не-впопадъ, когда она чувствуетъ себя въ спокойномъ расположеніи духа; Каратыгинъ — актеръ и артистъ вполнѣ, который всегда готовъ къ своему дѣлу, всегда одинаково хорошъ въ немъ. Отъ-того, Мочаловъ послѣ каждой роли, хорошо-съигранной, изнеможетъ на нѣсколько дней; а Каратыгинъ, въ сырную недѣлю, каждый день два раза является въ большой трагической или драматической роли. Еслибъ явился актеръ, который бы съ бурнымъ и страснымъ вдохновеніемъ Мочалова соединилъ трудолюбіе, строгое добросовѣстное изученіе сценическаго дѣла, и

результатъ всего этого — искусство Каратыгина,— тогда мы имѣли бы истинно-великаго актера.

Вообще, въ сценическомъ отношеніи, Петербургъ отличается отъ Москвы бо́льшимъ умѣніемъ, если не быть, то казаться удовлетворительнымъ со стороны внѣшности и формы. Словомъ, сцена въ Петербургѣ больше искусство; въ Москвѣ она — больше талантъ.

Но въ Москвѣ есть артистъ, который соединяетъ въ себѣ оба эти условія — и талантъ и искусство. Мы говорилъ о Щепкинѣ; онъ такъ же самобытенъ, такъ же безъ подражателей (разумѣется, удачныхъ), какъ и Каратыгинъ и Мочаловъ. Правда, и на петербургской и на московской сценахъ есть замѣчательные комическіе таланты (гг. Мартыновъ и Каратыгинъ 2-й, гг. Живокини и Садовскій); но талантъ Щепкина не есть только комическій талантъ. Нѣтъ спора, что Щепкинъ удивителенъ въ роляхъ Фамусова, Городничаго (въ «Ревизорѣ»), но не эти роли составляютъ его настоящее амплуа. Кто видалъ Щепкина въ маленькой роли матроса, въ пьесѣ того же имени (а кто не видалъ его въ ней?), тотъ легко можетъ составить себѣ идею о настоящемъ амплуа Щепкина. Это роли по преимуществу мѣщанскія,

роли простыхъ людей, но которыя требуютъ не одного комическаго, но и глубокаго патетическаго элемента въ талантѣ артиста. Щепкинъ образовался въ классической школѣ, и выросъ на Мольерѣ, въ которомъ видѣлъ высшій идеалъ комическаго творчества. Старинный репертуаръ не представлялъ ему ни одной хорошей роли, которая была бы совершенно въ его талантѣ. И если пьесы Мольера и Коцебу давали ему роли, которыя надо было ему изучать, и надъ которыми надо было ему думать, за то онѣ держали его талантъ въ сферѣ чисто-комической и односторонней. Не смотря на свое положеніе, дававшее ему слишкомъ-бѣдныя средства для образованія, Щепкинъ самъ создалъ себѣ образованіе, и какъ артиста и какъ человѣка, образованіе, примѣры котораго у насъ слишкомъ-рѣдки и между людьми, имѣющими всѣ средства для своего образованія. И потому, переворотъ, воспослѣдовавшій въ нашей литературѣ, подъ именемъ такъ-называемаго романтизма, не былъ не замѣченъ Щепкинымъ. Жадно знакомился онъ съ Шекспиромъ по мѣрѣ того, какъ появлялись его пьесы на русскомъ языкѣ, и радостно, безъ предубѣжденій, свойственныхъ уже опредѣлившимся людямъ, слѣдилъ за движеніемъ русской литературы. Но

Шекспиръ сталъ у насъ даваться на сценѣ очень недавно, да и то какія-нибудь три-четыре его пьесы. Щепкинъ являлся только въ роли Шайлока, и то раза два, тогда какъ ему надо явиться въ такой роли по-крайней-мѣрѣ десять разъ, чтобъ вполнѣ овладѣть ею, и показать, что́ можетъ изъ нея сдѣлать артистъ съ такимъ дарованіемъ, какъ его. Можетъ-быть, еслибъ Щепкинъ ранѣе познакомился съ Шекспиромъ, онъ былъ бы въ состояніи овладѣть и ролью Лира, которая столько же не внѣ сферы его таланта, какъ и роль шута въ этой пьесѣ (роль, которой глубокое значеніе у насъ немногіе понимаютъ, и которая именно потому, что не Щепкинъ являлся въ ней, всегда была выполняема удивительно-жалко и безсмысленно), какъ и роль Фальстафа. Многіе, можетъ-быть, удивятся, если мы скажемъ, что такой артистъ, какъ Щепкинъ, съ особеннымъ жаромъ говоритъ о маленькой роли садовника въ «Ричардѣ II»; но еслибъ онъ являлся въ ней, тогда бы поняли, что у Шекспира нѣтъ незначительныхъ ролей. Щепкинъ превосходенъ въ роли музыканта Миллера, въ пьесѣ Шиллера «Коварство и Любовь». Русская литература не могла ему представить ролей, сообразныхъ съ полнотою его таланта (ибо роли Фамусова и городничаго чи-

сто-комическія). Переводные и передѣланные водевили еще менѣе могли дать ему какія-бы то ни было роли; но роль матроса какъ-будто для него написана, и она составляетъ торжество его таланта. Изъ этого видно, какъ малъ и ограниченъ его репертуаръ. Вообще, артистическая участь Щепкина весьма-незавидна: онъ долго не зналъ своего истиннаго призванія, а сознавши, не нашелъ для него въ нашемъ репертуарѣ довольно-просторнаго поприща. Однако, это не совсѣмъ отрадное для него обстоятельство, не заставило его неглижировать своими ролями, каковы бы онѣ ни были: онъ къ каждой готовится со вниманіемъ и каждую выполняетъ тщательно. Если ему попадется и такая, изъ которой уже ничего нельзя выжать, онъ своею игрою придаетъ ей то́, чего въ ней вовсе нѣтъ — смыслъ и даже занимательность. Средства Щепкина не позволяютъ ему являться во многихъ роляхъ, какъ, напримѣръ, въ роляхъ молодыхъ и всякаго возраста худощавыхъ людей. Главный недостатокъ его, какъ артиста, состоитъ въ нѣкоторомъ однообразіи, причина котораго заключается преимущественно въ его фигурѣ. Къ числу его недостатковъ принадлежитъ также излишество чувства и страсти, которое иногда мѣшаетъ ему вполнѣ владѣть своею

ролью — недостатокъ чисто московскій!... Страсть составляетъ преобладающій характеръ его игры не только въ патетическихъ, но и въ чисто-комическихъ роляхъ; какъ иному актёру стóитъ ужаснаго труда, чтобъ въ комической роли не шутя разсердиться, или отъ души разговориться, такъ Щепкину стóитъ большаго труда, чтобъ удержать въ должныхъ границахъ комическое одушевленіе. Торжество его искусства состоитъ не въ томъ только, что онъ въ одно и то же время умѣетъ возбуждать и смѣхъ и слезы, но и въ томъ, что онъ умѣетъ заинтересовать зрителей судьбою простаго человѣка, и заставить ихъ рыдать и трепетать отъ страданій какого-нибудь матроса, какъ Мочаловъ заставляетъ ихъ рыдать и трепетать отъ страданій принца Гамлета, или полководца Отелло... Щепкинъ принимается равно хорошо всякою публикою и, въ этомъ отношеніи, на петербургской сценѣ онъ такъ же у себя дома, какъ и на московской... Но онъ могъ бы пользоваться еще бóльшимъ успѣхомъ, еслибъ его художническая добросовѣстность не дѣлала его рѣшительно-неспособнымъ подниматься на эффекты и льстить вкусу толпы. По-этому, онъ по преимуществу актеръ избранной публики, способной

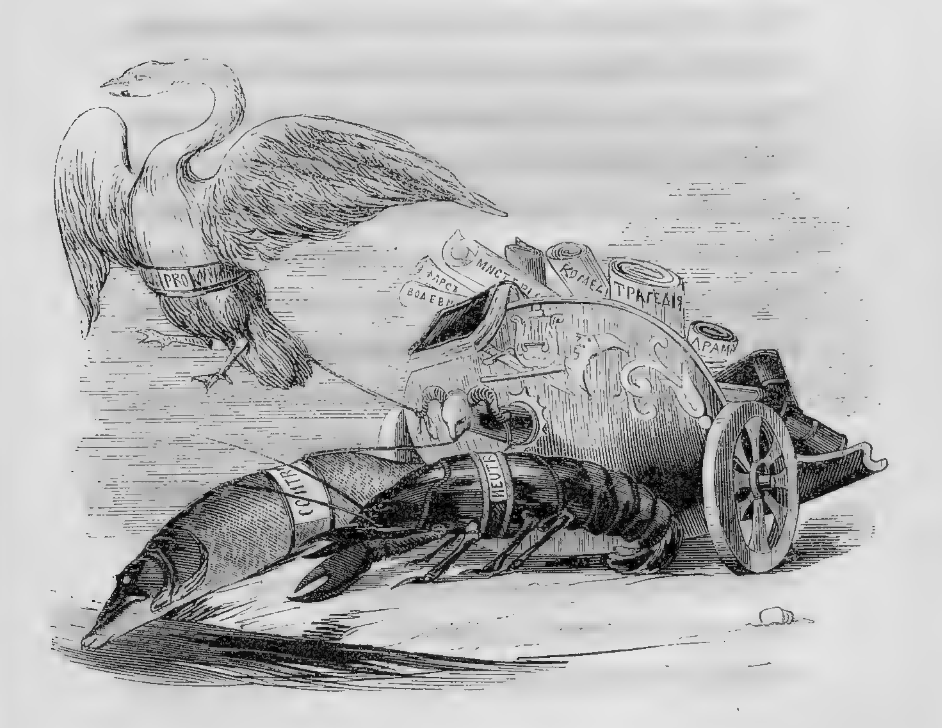
оцѣнять тонкости и оттѣнки истинно-художественной игры...

Послѣ Щепкина, замѣчательнѣйшіе артисты московской труппы — гг. Живокини, Орловъ, Садовскій, Потанчиковъ, Степановъ, Самаринъ. Въ г-жѣ Орловой московская сцена владѣетъ замѣчательною артисткою и для драмы и для комедіи; а г-жа Рѣпина, необыкновенно-даровитая артистка, долго была истиннымъ украшеніемъ московской сцены, занимая на ней амплуа, соотвѣтствующее амплуа Щепкина, потому-что въ ея талантѣ есть аналогія съ его талантомъ. Замѣчательнѣйшіе артисты на сценѣ Александрынскаго-Театра (преимущественно для комедіи и водевиля) г. Мартыновъ — артистъ съ большимъ и разнообразнымъ талантомъ, хотя, къ-сожалѣнію, пока только съ комическимъ, т. е. чуждымъ патетическаго элемента; г. П. Каратыгинъ — талантъ односторонній, годный не для многихъ ролей, но тѣмъ не менѣе весьма-замѣчательный; г. Сосницкій, очень-ловкій и хорошо-знающій сцену артистъ, который можетъ не испортить никакой роли въ легкой комедіи или водевилѣ, даже не приготовляясь къ ней; гг. Самойловъ, Максимовъ, Григорьевъ 1-й; г-жи Дюръ и Самойлова 2-я, которыхъ публика Александрын-

скаго-Театра находитъ удивительными, особенно вторую, въ патетическихъ роляхъ, и которыя обѣ иногда не безъ успѣха выполняютъ роли, не требующія паѳоса, и изъ которыхъ въ послѣдней, при другихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно могъ бы развиться драматическій талантъ; г-жа Сосницкая— артистка съ весьма-замѣчательнымъ дарованіемъ для комическихъ ролей; г-жа Валберхова – артистка старой классической школы, но съ замѣчательнымъ талантомъ и для драмы и для комедіи, и что у насъ особенно-рѣдко — артистка съ замѣчательнымъ образованіемъ; но теперь она рѣдко является на сцену, да и время ея уже прошло; г-жа Самойлова 1-я — артистка съ дарованіемъ для комическихъ и водевильныхъ ролей; особенно хороша она въ роляхъ наивныхъ дѣвушекъ простаго званія — гризетокъ, крестьянокъ, и т. п. Но идеаломъ всевозможнаго сценическаго совершенства была для публики Александрынскаго-Театра покойная Асенкова, особенно восхищавшая ее въ мужскихъ роляхъ. Дѣйствительно, Асенкова играла всегда со смысломъ, смѣло, бойко, и съ тою увѣренностію, которая скорѣе таланта ручается за успѣхъ, и которую даетъ привычка къ сценѣ и постоянная благосклонность публики.

Трудно было бы въ краткихъ словахъ опредѣлить существенную разницу между петербургскимъ и московскимъ русскимъ театромъ; но тѣмъ не менѣе между ними существуетъ большая разница. Эта разница преимущественно происходитъ отъ публики той и другой столицы. Говоря собственно, въ Москвѣ нѣтъ театральной публики. Въ Петровскій-Театръ, въ Москвѣ, стекаются люди разныхъ сословій, разной степени образованности, разныхъ вкусовъ и потребностей. Тутъ вы увидите и купцовъ безъ бородъ, и купцовъ съ бородами, и студентовъ, и людей, которые живутъ въ Москвѣ потому только, что имъ весело въ ней жить, и которые имѣютъ привычку бывать только тамъ, гдѣ имъ весело; тутъ увидите и модные фраки съ желтыми перчатками — и удалыя венгерки и пальто — и старомодныя шинели съ воротничками, и бекеши, и медвѣжьи шубы, и шляпы, и картузы, и чуть не колпаки, и шляпки съ строусовыми перьями, и шапочки на заячьемъ мѣху, головы съ платками парчевыми, шелковыми и ситцевыми. Тутъ вы найдете людей, для которыхъ и «Филатка съ Мирошкою» — пьеса забавная и интересная: и людей, для которыхъ и европейскій репертуаръ представляетъ не слишкомъ много сокровищъ; людей, которые, кро-

мѣ Шекспира, ни о чемъ не хотятъ и слышать; людей, для которыхъ комедіи Гоголя — верхъ совершенства, и людей, для которыхъ комедіи Гоголя — не болѣе, какъ грубые фарсы, хотя и не лишенные признаковъ таланта; людей, которые въ драмахъ г. Кукольника видятъ образцовыя произведенія, и людей, которые, кромѣ скуки, ничего въ нихъ не видятъ. Словомъ, въ московской театральной публикѣ почти столько же вкусовъ и судей, сколько лицъ, изъ которыхъ она составляется,

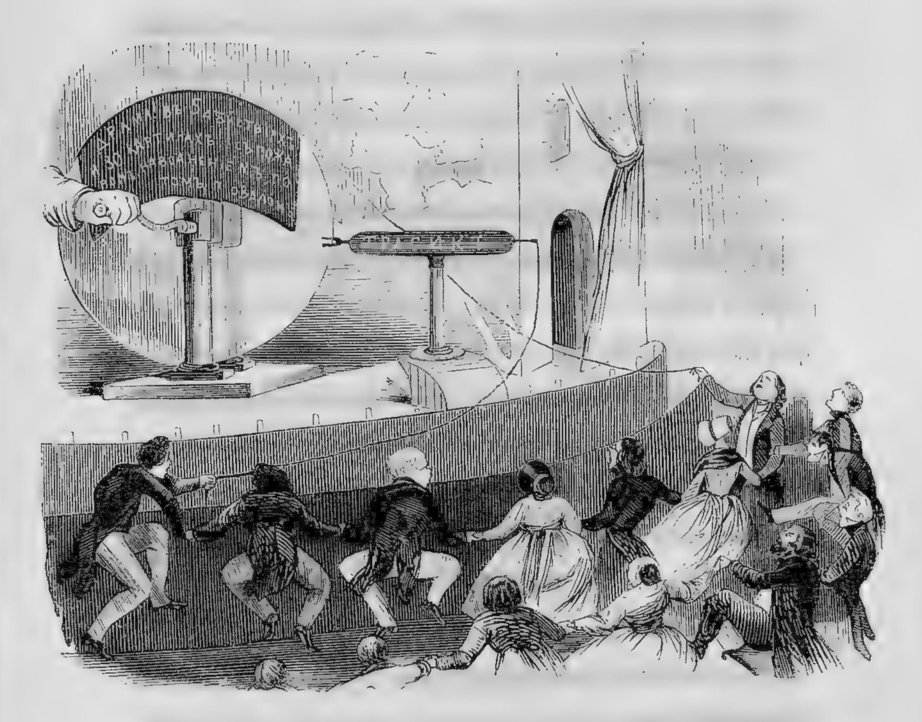
и тамъ не рѣдкость встрѣтить самый тонкій и образованный, самый изящный вкусъ въ сосѣдствѣ съ самымъ грубымъ и пошлымъ вкусомъ; не рѣдкость отъ одного сосѣда по мѣсту услышать самое умное, а отъ другаго самое нелѣпое сужденіе. Но и люди, стоящіе на одинаковой степени образованія, тамъ не говорятъ въ одинъ голосъ и одними и тѣми же словами, потому-что тамъ всякій хочетъ имѣть свой взглядъ на вещи, свое сужденіе объ нихъ. Трагедію, или патетическую драму, въ Москвѣ любятъ больше и цѣнятъ лучше, чѣмъ комедію, или водевиль. Это понятно: для комедіи нужна болѣе образованная публика, чѣмъ для трагедіи: ибо послѣдняя прямо относится къ страстямъ и чувствамъ человѣка, даже безсознательнымъ, и мощно будитъ ихъ даже въ глубоко-спящей душѣ, тогда какъ первая требуетъ, для своей оцѣнки, людей, развившихся на почвѣ созрѣвшей цивилизаціи, требуетъ аттической тонкости вкуса, наблюдательности ума, способныхъ на лету схватить каждый оттѣнокъ, каждую едва-замѣтную черту. Въ Москвѣ трагедію любятъ даже купцы и безъ бородъ, и съ бородами... И не мудрено: это большею частію люди, которыхъ расшевелить не легко, люди, которые поддаются только слишкомъ-сильнымъ ощу-

щеніямъ : имъ давай или кулачный бой, гдѣ идетъ стѣна на стѣну, или борьбу знаменитаго медвѣдя Ахана съ меделянскими собаками, за Рогожскою-Заставою; а если они рѣшатся идти въ театръ, — давай имъ Мочалова, котораго они зовутъ *Мочалдвымъ*... Многіе изъ нихъ платятъ ему, въ его бенефисъ, сто, двѣсти и болѣе рублей за ложу, за которую могли бы заплатить меньше пятидесяти рублей : они любятъ Мочалова, и любятъ, поглаживая бороду, говорить ихъ знакомымъ, и за долго до бенефиса и долго послѣ бенефиса : *Я-ста за бенефисъ Мочалдва заплатилъ столько-то!* Черта чисто-московская, которой въ Петербургѣ уже не встрѣтить теперь!..

Не такова публика Александрынскаго - Театра. Это публика въ настоящемъ, въ истинномъ значеніи слова : въ ней нѣтъ разнородныхъ сословій — она вся составлена изъ служащаго народа извѣстнаго разряда; въ ней нѣтъ разнородныхъ направленій, требованій и вкусовъ : она требуетъ одного, удовлетворяется однимъ; она никогда не противорѣчитъ самой-себѣ, всегда вѣрна самой-себѣ. Она индивидуумъ, лицо; она — не множество людей, но одинъ человѣкъ, прилично одѣтый, солидный, ни слишкомъ требовательный, ни слишкомъ уступчи-

вый, человѣкъ, который боится всякой крайности, постоянно держится въ благоразумной срединѣ, наконецъ, человѣкъ весьма-почтенной и благонамѣренной наружности. Она то же именно, что самыя почтенныя сословія во Франціи и Германіи: bourgeoisie и филистеры. Публика Александрынскаго-Театра, въ залѣ этого театра — совершенно у себя дома; ей тамъ такъ привольно и свободно; она не любитъ видѣть между собою «чужихъ», и между нею почти никогда не бываетъ чужихъ. Люди высокаго круга заходятъ иногда въ Александрынскій-Театръ только по поводу пьесъ Гоголя, весьма нелюбимыхъ и заслуженно-презираемыхъ тонкимъ, изящнымъ, исполненнымъ хорошаго свѣтскаго тона вкусомъ присяжной публики Александрынскаго-Театра, не любящей сальностей и плоскостей. Люди, непринадлежащіе къ большому свѣту, къ чему бы то ни было, не симпатизирующіе съ публикою Александрынскаго-Театра и чувствующіе себя среди ея «чужими», ходятъ въ Михайловскій-Театръ, и если не могутъ туда ходить по незнанію французскаго языка, то уже никуда не ходятъ... Это самое счастливое обстоятельство для публики Александрынскаго-Театра: оно не допускаетъ ее быть пестрою и разнообразною, но даетъ ей одинъ общій

цвѣтъ, одинъ рѣзко-опредѣленный характеръ. За то, если въ Александрынскомъ-Театрѣ хлопаютъ, то уже всѣ; если не довольны, то опять всѣ.

Ни драматическій писатель, ни актеръ, если они люди смѣтливые, не рискуютъ попасться въ просакъ; одинъ пишетъ, другой играетъ всегда на-вѣрняка, зная, чѣмъ угодить своей публикѣ. Признательность къ заслугѣ — это свойство благородныхъ душъ, составляетъ одну изъ отличнѣйшихъ чертъ въ характерѣ александрынской публики: она лю-

битъ своихъ артистовъ и не скупится ни на вызовы, ни на рукоплесканія. Она встрѣчаетъ громомъ рукоплесканій всѣхъ своихъ любимцевъ, отъ Каратыгина до Григорьева 1-го включительно. Но тутъ она дѣйствуетъ не опрометчиво, не безъ тонкаго разсчета, и умѣетъ соразмѣрять свои награды соотвѣтственно съ заслугами каждаго артиста, какъ слѣдуетъ публикѣ образованной и благовоспитанной. Такъ, напримѣръ, больше пятнадцати разъ въ одинъ вечеръ она не станетъ вызывать никого, кромѣ Каратыгина; нѣкоторыхъ же артистовъ она вызываетъ за одну роль никакъ не больше одного раза; но среднее пропорціональное число ея вызововъ постоянно держится между пятью и пятнадцатью; по тридцати же разъ она очень-рѣдко вызываетъ даже самого Каратыгина. Апплодируетъ же она безпрестанно; но это не отъ неразсчетливости, а ужь отъ слишкомъ-очевиднаго достоинства всѣхъ пьесъ, которыя для нея даются, и всѣхъ артистовъ, которые трудятся для ея удовольствія. Но если, что̀ очень-рѣдко, артистъ не съумѣетъ съ разу пріобрѣсти ея благосклонности, — не слыхать ему ея рукоплесканій.

Московскій репертуаръ составляется большею частію изъ пьесъ, написанныхъ въ Петербургѣ.

Москва можетъ гордиться только однимъ великимъ водевилистомъ — г. Соколовымъ; другой великій водевилистъ ея — г. Коровкинъ, уступленъ ей Петербургомъ, имѣющимъ полное право и таковую же готовность быть щедрымъ на подобныя великодушныя пожертвованія. Кому не извѣстно, что кипучая многолюдная драматическая дѣятельность вся сосредоточилась исключительно въ Петербургѣ, какъ и всѣ другіе роды литературной производительности? Но... о драматической литературѣ Петербурга, или, говоря точнѣе, о драматургіи Александрынскаго-Театра, намъ слѣдуетъ или совсѣмъ не говорить, или говорить обстоятельно. Рѣшаемся на послѣднее. Вниманія, читатели! предметъ важенъ и глубокомысленъ!

Прежде всего мы должны сказать, что, въ-отношеніи къ своему репертуару, Александрынскій-Театръ уже вполнѣ заслуживаетъ названія театра всемірнаго, всеобъемлющаго. Классицизмъ и романтизмъ, Расинъ и Шекспиръ, Озеровъ и Шиллеръ, Мольеръ и Скрибъ, трагедія и комедія, драматическое представленіе и водевиль, шестистопные ямбы и вольные стихи, настоящая проза и рубленая проза — все это, безъ всякой парціальности, со всевозможнымъ радушіемъ принимается на сцену Але-

ксандрынскаго-Театра, и все это, при встрѣчѣ на ней одного съ другимъ, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго удивленія. А русскія пьесы — какое разнообразіе! Пьесы историческія, пьесы патріотическія, пьесы, передѣланныя изъ романовъ, изъ повѣстей, пьесы оригинальныя, пьесы переведенныя, пьесы передѣланныя съ французскаго на русскіе нравы! А герои пьесъ: и Александръ-Македонскій, съ пажами и турецкимъ барабаномъ, и Ломоносовъ, и Державинъ, и Сумароковъ, и Тредьяковскій, и Карлъ XII, и Елизавета-Англійская, и Өедосья Сидоровна, и Сусанинъ... Не перечесть всего!

Надобно сказать, что ка́къ репертуаръ Александрынскаго-Театра, такъ и самый Александрынскій-Театръ получилъ опредѣленный характеръ, въ какомъ мы его теперь видимъ, только въ недавнее время. До 1834 года, онъ представлялъ собою зрѣлище безплодной борьбы классицизма съ романтизмомъ, — борьбы, въ которой все-таки перевѣсъ былъ на сторонѣ перваго, и Каратыгинъ даже въ ультра-романтическихъ пьесахъ игралъ больше классически, чѣмъ романтически. Но съ 1834 года, съ появленія г. Кукольника на поприщѣ драматическаго писателя, Александрынскій-Театръ быстро началъ наклоняться къ романтизму, а съ 1838 года,

съ появленія г. Полеваго на драматическое поприще, онъ сдѣлался рѣшительнымъ ультра-романтикомъ, потому-что съ этого времени окончательно установился характеръ нашей новѣйшей драматургіи въ томъ видѣ, въ какомъ мы теперь ее видимъ. До того времени, на драматическое искусство смотрѣли съ уваженіемъ немножко мистическимъ; Шиллеръ, и особенно Шекспиръ, казались всѣмъ недосягаемо-великими образцами. Но съ этого времени, драматическое искусство сдѣлалось фабрикаціею, съ простыми станками и съ паровыми машинами, смотря по запросамъ; Шиллеръ и Шекспиръ стали намъ по плечу, и написать драму не хуже шиллеровской или шекспировской сдѣлалось для насъ легче, чѣмъ написать по заказу историческій романъ или и самую исторію, потому-что драма требуетъ меньше времени и можетъ быть состряпана къ любому бенефису, если бенефиціантъ позаботится заказать ее сочинителю за мѣсяцъ до своего бенефиса. Что г. Кукольникъ — человѣкъ съ дарованіемъ, противъ этого никто не споритъ; но также достовѣрно и то́, что многочисленность произведеній онъ предпочитаетъ ихъ достоинству, и скорость въ работѣ предпочитаетъ обдуманности плана, характеровъ, отдѣлкѣ слога, потому-что все

это требуетъ много времени. Надежда на свой талантъ и на невзъискательность публики отдаляетъ отъ г. Кукольника всякое сомнѣніе въ успѣхѣ. Г. Полевой пошелъ гораздо-далѣе г. Кукольника; онъ рѣшилъ, что совсѣмъ не нужно имѣть ни призванія, ни таланта къ драматическому искусству для того, чтобъ съ успѣхомъ подвизаться на сценѣ Александрынскаго - Театра. Къ-сожалѣнію, онъ нисколько не ошибся въ своемъ разсчетѣ, и такъ-какъ г. Кукольникъ въ послѣднее время рѣже-и-рѣже является на сценѣ, а г. Полевой все чаще и чаще пожинаетъ на ней драматическіе лавры, — то г. Полевой и считается теперь первымъ драматургомъ Александрынскаго-Театра. Но онъ не одинъ фигюрируетъ и красуется на ней; восторгъ и удивленіе публики раздѣляетъ онъ съ г. Ободовскимъ. Г. Ободовскій нѣкогда былъ замѣченъ по его отрывочнымъ переводамъ, стихами шиллеровскаго донъ-Карлоса. Тогда отрывокъ доставлялъ сочинителю извѣстность, а иногда и славу. Но въ послѣднее время, г. Ободовскій уступаетъ многочисленностію и скороспѣлостію своихъ драматическихъ передѣлокъ развѣ только г. Полевому. И если нельзя не завидовать лаврамъ этихъ достойныхъ драматурговъ, то нельзя не завидовать и счастію публики

Александрынскаго-Театра: она счастливѣе и англійской публики, которая имѣла одного только Шекспира, и германской, которая имѣла одного только Шиллера: она въ лицѣ гг. Полеваго и Ободовскаго имѣетъ вдругъ и Шекспира и Шиллера! Г. Полевой — это Шекспиръ публики Александрынскаго-Театра; г. Ободовскій — это ея Шиллеръ. Первый отличается разнообразіемъ своего генія и глубокимъ знаніемъ сердца человѣческаго; второй, избыткомъ лирическаго чувства, которое такъ и хлещетъ у него черезъ край потокомъ огнедышащей лавы. Тамъ, гдѣ у Полеваго не хватаетъ генія, или оказывается недостатокъ въ сердцевѣдѣніи, онъ обыкновенно прибѣгаетъ къ балетнымъ сценамъ и, подъ звуки жалобно-протяжной музыки, устроиваетъ патетическія сцены разставанія нѣжныхъ дѣтей съ дражайшими родителями, или вѣрнаго супруга съ обожаемою супругою. Тамъ, гдѣ у Ободовскаго изсякаетъ на минуту самородный источникъ бурно-пламеннаго чувства, онъ прибѣгаетъ къ пляскѣ, заставляя героя (а иногда и героиню) патетически-патріотической драмы отхватывать въ присядку какой-нибудь національный танецъ. Обвиняютъ г. Ободовскаго въ подражаніи г. Полевому; но вѣдь и Шиллеръ подражалъ Шекспиру!

*

Обвиняютъ г. Полеваго въ похищеніяхъ у Шекспира, Гёте, Мольера, Гюго, Дюма и прочихъ, но это не только не похищенія — даже не заимствованія: извѣстно, что Шекспиръ бралъ свое, гдѣ ни находилъ его: то же дѣлаетъ и г. Полевой въ качествѣ Шекспира Александрынскаго Театра. Г. Полевой пишетъ и драмы, и комедіи, и водевили; Шекспиръ писалъ только драмы и комедіи: стало-быть, геній Полеваго еще разнообразнѣе, чѣмъ геній Шекспира. Шиллеръ писалъ однѣ драмы и не писалъ комедій: г. Ободовскій тоже пишетъ однѣ драмы и не пишетъ комедій. Г. Полевой началъ свое драматическое поприще подражаніемъ «Гамлету» Шекспира; г. Ободовскій началъ свое драматическое поприще переводомъ «Донъ-Карлоса» Шиллера. Подобно Шекспиру, г. Полевой началъ свое драматическое поприще уже въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, а до-тѣхъ-поръ, подобно Шекспиру, съ успѣхомъ упражнялся въ разныхъ родахъ искусства, свойственныхъ незрѣлой юности, и подобно Шекспиру, началъ свое литературное поприще нѣсколькими лирическими пьесами, о которыхъ, въ свое время, извѣстилъ россійскую публику г. Свиньинъ. Г. Ободовскій, подобно Шиллеру, началъ свое драматическое поприще въ лѣта пылкой юности. Намъ возразятъ,

можетъ-быть, что Шекспиръ не прибѣгалъ къ балетнымъ сценамъ, Шиллеръ не заставлялъ плясать своихъ героевъ: такъ, но вѣдь нельзя же ни въ чемъ найти совершеннаго сходства; притомъ же, балетныя сцены и пляски можно отнести скорѣе къ усовершенствованію новѣйшаго драматическаго искусства на сценѣ Александрынскаго-Театра, чѣмъ къ недостаткамъ его. Послѣ Шекспира и Шиллера, драматическое искусство должно же подвинуться впередъ, — и оно подвинулось: въ драмахъ г. Полеваго съ приличною важностію минуэтной выступки, и въ драмѣ г. Ободовскаго, съ дробною быстротою малороссійскаго трепака, — въ чемъ, сверхъ того, выразились и степенныя лѣта перваго сочинителя, и юность втораго. Что же касается до несходствъ, ихъ можно найти и еще нѣсколько: Шекспиръ началъ свое поприще несчастно: г. Полевой счастливо; Шекспиръ не обольщался своею славою и смотрѣлъ на нее съ улыбкою горькаго британскаго юмора. Г. Полевой вполнѣ умѣетъ цѣнить пожатые имъ на сценѣ Александрынскаго-Театра лавры. Шиллеръ былъ гонимъ въ юности и уважаемъ въ лѣта мужества: г. Ободовскій былъ ласкаемъ и уважаемъ со дня вступленія своего на драматическое поприще, и т. д.

Еслибъ не усердіе и трудолюбіе этихъ достойныхъ драматурговъ, — русская сцена пала бы совершенно, за неимѣніемъ драматической литературы. Теперь она только и держится, что гг. Полевымъ и Ободовскимъ, которыхъ, по-этому, можно назвать русскими драматическими Атлантами. Обыкновенно, они дѣйствуютъ такъ: когда сцена истощится, они пишутъ новую пьесу, и пьеса эта дается разъ пятьдесятъ сряду, а потомъ уже совсѣмъ не дается. Такъ нѣкогда утѣшалъ г. Ободовскій публику Александрынскаго-Театра своею безподобною драмою «Велизарій», а потомъ восхищалъ ее еще болѣе безподобною драмою «Русская Боярыня XVII вѣка»; а г. Полевой въ особенности очаровывалъ ту же публику Александрынскаго-Театра двумя дивными произведеніями своего творческаго генія — «Еленою Глинскою» и «Ломоносовымъ», который былъ данъ сряду девятнадцать разъ въ самое короткое время послѣ своего появленія; послѣднія представленія его были на масляницѣ 1843 года. Былъ ли, или будетъ ли онъ данъ въ двадцатый разъ, мы этого не знаемъ; но вотъ мнѣніе одной газеты по поводу этихъ многочисленныхъ представленій «Ломоносова»: «Дайте десять разъ сряду пьесу, и она уже старая!

Всѣ ее видѣли, всѣ наслаждались ею, и занимательность пропала! А пусть бы играли ту же пьесу два раза въ недѣлю, она была бы свѣжа въ-теченіе года. Вотъ пріидетъ масляница, и къ посту пьеса превратится въ демьянову уху». Мы не совсѣмъ согласны съ этимъ мнѣніемъ: прекрасное всегда прекрасно, сколько разъ ни наслаждайтесь имъ; «Горе отъ Ума» и «Ревизоръ» никогда не превратятся въ демьянову уху, хотя счету нѣтъ ихъ представленіямъ и хотя они никогда не были масляничными пьесами. Для пьесъ же въ родѣ «Русской Боярыни XVII вѣка» и «Ломоносова» очень-важно быть представленными девятнадцать разъ въ-продолженіи двадцати дней...

«Елена Глинская» г. Полеваго есть пародія на шекспировскаго «Макбета» съ заимствованіями изъ романа Вальтера Скотта — «Замокъ Кенильвортъ». «Ломоносовъ» г. Полеваго передѣланъ изъ романа «Біографія Ломоносова», написанной г. Ксенофонтомъ Полевымъ. «Параша Сибирячка» заимствована изъ стариннаго романа г-жи Коттенъ «Елизавета Л. (Лупалова) или несчастіе семейства, сосланнаго въ Сибирь и потомъ возвращеннаго, истинное происшествіе». «Смерть и Честь!» передѣлана изъ повѣсти Мишеля Масона — «Песчинка». Но конца не

было бы нашимъ указаніямъ источниковъ, изъ которыхъ черпалъ г. Полевой при фабрикаціи своихъ драматическихъ представленій. Въ этомъ случаѣ, онъ далеко обогналъ извѣстнаго въ нашей литературѣ драматическаго заимствователя, Княжнина. Соперничествуя съ иностранными славами, г. Полевой нисколько не хочетъ уступить, по-крайней-мѣрѣ, въ плодовитости, если не въ талантѣ, и нашимъ туземнымъ славамъ, и одинъ совмѣщаетъ въ себѣ и Ильина, и Иванова, и князя Шаховскаго. Словомъ, это Сумароковъ нашего времени, столь же многосторонній, плодовитый, дѣятельный, и столь же даровитый, какъ и Сумароковъ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія — сей трудолюбивый отецъ россійскаго театра.

Мы поступили бы очень несправедливо, если бы при этомъ пересмотрѣ современныхъ драматическихъ геніевъ забыли упомянуть о гг. Р. З. и В. З., съ большимъ успѣхомъ подвизающихся, въ-слѣдъ за гг. Полевымъ и Ободовскимъ, на драматическомъ поприщѣ. Оба они люди съ большими дарованіями и весьма дѣятельные; но первый больше классикъ, тогда какъ послѣдній больше романтикъ. Вообще, свѣжесть, легкость стиха, драматическій смыслъ, преимущественно остаются за послѣднимъ.

Что касается до водевилистовъ и вообще переводчиковъ-передѣлывателей и сочинителей мелкихъ пьесъ, — ихъ и не перечтешь всѣхъ. Первое мѣсто между ними безспорно принадлежитъ даровитому артисту Александрынскаго-Театра, г. П. Каратыгину. Въ его водевиляхъ бываетъ иногда то, что составляетъ лучшее достоинство водевиля — à-propos, и вообще, они болѣе, чѣмъ всѣ другіе водевили, похожи на русскіе водевили. Мы не скажемъ, чтобы между множествомъ водевилистовъ Александрынскаго-Театра не было хотя двухъ-трехъ человѣкъ не безъ нѣкоторой степени дарованія; но это уже неоспоримая истина, что водевиль убилъ сцену и театръ, и особенно водевиль, котораго французское содержаніе передѣлывается на русскіе нравы. Водевиль — дитя французской жизни, французскаго юмора, французскаго остроумія, легкаго, но граціознаго, игриваго, такъ какъ шипучая пѣна шампанскаго, — и потому мы слишкомъ далеки отъ этого педантизма, который удостоиваетъ своего вниманія только одно важное и серьёзное, а на все легкое и веселое смотритъ какъ на пустяки. Мы не сравнимъ самаго лучшаго французскаго водевиля съ драмою Шекспира, или трагедіею Шиллера; но мы скорѣе пойдемъ смотрѣть порядочный

водевиль, даже просто забавный фарсъ, нежели посредственную трагедію: смѣяться лучше, нежели зѣвать. Но водевиль или фарсъ пойдемъ мы смотрѣть только въ Михайловскій-Театръ, чтобы видѣть въ немъ французскихъ актеровъ; насладиться этимъ ensemble ихъ игры, исполненной такого вкуса и такого приличія, такого ума и такой граціи даже и тогда, какъ они играютъ какую-нибудь не весьма-богатую смысломъ пьесу... Русскій водевиль такая же ложь, какъ водевиль англійскій, или нѣмецкій, потому-что водевиль есть собственность французскаго юмора. Онъ непереводимъ какъ русская народная пѣсня, какъ басня Крылова; наши переводчики французскихъ водевилей переводятъ слова, оставляя въ подлинникѣ жизнь, остроуміе и грацію. Остроты ихъ тяжелы, каламбуры вытянуты за уши, шутки и намеки отзываются духомъ чиновниковъ пятнадцатаго класса. Сверхъ-того, для сцены эти переводы еще и потому не находка, что наши актёры, играя Французовъ, на зло себѣ остаются Русскими, – точно такъ же, какъ французскіе актеры, играя «Ревизора», на зло себѣ остались бы Французами. Повторимъ: водевиль – прекрасная вещь только на французскомъ языкѣ, на французской сценѣ, при игрѣ француз-

скихъ актеровъ. Подражать ему такъ же нельзя, какъ и переводить его. Водевиль русскій, нѣмецкій, англійскій — всегда останется пародіею на французскій водевиль. Недавно въ какой-то газетѣ русской было возвѣщено, что пока-де нашъ водевиль подражалъ французскому, онъ никуда не годился; и какъ-де скоро сталъ на собственныя ноги, то вышелъ изъ него молодецъ хоть куда — почище французскаго. Можетъ-быть, это и такъ, только, признаемся, если намъ случалось видѣть русскій водевиль, который ходилъ на собственныхъ ногахъ, то онъ всегда ходилъ на кривыхъ ногахъ, и глядя на него, мы невольно вспоминали эти стихи изъ русской народной пѣсни:

Ахъ, ножища-то — что вилища:
Ручища-то — что граблища!
Головища-то — что пивной котелъ!
Глазища-то — что ямища!
Губища-то — что палчища!

Русскія передѣлки съ французскаго особенно въ большомъ ходу : большая часть современнаго репертуара состоитъ изъ нихъ. Причина ихъ размноженія очевидна : публика требуетъ пьесъ оригинальныхъ, требуетъ на сценѣ русской жизни, быта русскаго общества. Наши доморощенные драматур-

ги на выдумки бѣдненьки, на сюжетцы не изобрѣтательны; что жь тутъ остается дѣлать? Разумѣется, взять французскую пьесу, перевести ее слово-въ-слово; дѣйствіе (которое, по своей сущности, могло случиться только во Франціи) перенести въ Саратовскую-Губернію или въ Петербургъ, французскія имена дѣйствующихъ лицъ перемѣнить на русскія, изъ префекта сдѣлать начальника отдѣленія, изъ аббата — семинариста, изъ блестящей свѣтской дамы — барыню, изъ гризетки — горничную, и т. д. Объ оригинальныхъ пьесахъ нечего и говорить. Въ передѣлкахъ, по-крайней-мѣрѣ, бываетъ содержаніе, завязка, узелъ и развязка; оригинальныя пьесы хорошо обходятся и безъ этой излишней принадлежности драматическаго сочиненія. Какъ тѣ, такъ и другія и знать не хотятъ, что драма, какая бы она ни была, а тѣмъ болѣе драма изъ современнаго общества, прежде всего и больше всего должна быть вѣрнымъ зеркаломъ жизни современнаго общества. Когда нашъ драматургъ хочетъ выстрѣлить въ васъ, — становитесь именно на то мѣсто, куда онъ цѣлитъ: непремѣнно дастъ промаха, а въ противномъ случаѣ — чего добраго, пожалуй, и зацѣпитъ. Общество, изображаемое нашими драмами, такъ же похоже на русское обще-

ство, какъ и на арабское. Какого бы рода и содержанія ни была пьеса, какое бы общество ни рисовала она: высшаго круга, помѣщичье, чиновничье, купеческое, мужицкое, что́ бы ни было мѣстомъ ея дѣйствія — салонъ, харчевня, площадь, шкуна, содержаніе ея всегда одно и то же: у дураковъ-родителей есть милая, образованная дочка; она влюблена въ прелестнаго молодаго человѣка, но бѣднаго — обыкновенно въ офицера, изрѣдка, для разнообразія, въ чиновника, а ее хотятъ выдать за какого-нибудь дурака, чудака, подлеца, или за все это вмѣстѣ. Или, на-оборотъ, у честолюбивыхъ родителей есть сынъ — идеалъ молодаго человѣка (т. е. лицо безцвѣтное, безхарактерное); онъ влюбленъ въ *дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей*, идеалъ всѣхъ добродѣтелей, какія только могутъ умѣститься въ водевилѣ, образецъ всякаго совершенства, которое бываетъ вездѣ, кромѣ дѣйствительности; а его хотятъ выдать замужъ, то-есть женить на той, которую онъ не любитъ. Но къ концу добродѣтель награждается, порокъ наказывается: влюбленные женятся, дражайшіе родители ихъ благословляютъ, разлучникъ съ носомъ — раекъ надъ нимъ смѣется. Дѣйствіе развивается всегда такъ: дѣвица одна, съ книжкой въ рукѣ, жалует-

ся на родителей и читаетъ сентенціи о томъ, что «сердце любитъ не спросясь людей чужихъ». Вдругъ: Ахъ! это вы, Дмитрій Ивановичъ, или Николай Александровичъ! Ахъ! Это я, Любовъ Петровна или Ивановна, или иначе какъ-нибудь... Какъ я радъ, что засталъ васъ *однѣхъ!* — Проговоривъ таковыя слова, нѣжный любовникъ цалуетъ ручку своей возлюбленной. Замѣтьте, непремѣнно цалуетъ, иначе онъ и не любовникъ и не женихъ, иначе не по чѣмъ бы и узнать публикѣ, что этотъ храбрый офицеръ, или добродѣтельный чиновникъ — любовникъ или женихъ! Мы всегда удивлялись этому неподражаемому искусству нашихъ драматурговъ такъ тонко и ловко намекать на отношенія персонажей въ своихъ драматическихъ издѣліяхъ... Далѣе: она проситъ его уйдти, чтобъ не увидѣли папенька или маменька; онъ продолжаетъ цѣловать ея ручку и говоритъ, что какъ онъ несчастливъ, что онъ умретъ съ отчаянія; но что, впрочемъ, онъ употребитъ всѣ средства; наконецъ, онъ въ послѣдній разъ цалуетъ ручку, и уходитъ.

Входитъ «разлучникъ» и тотчасъ цалуетъ ручку разъ, и два, и три, и болѣе, смотря по надобности; барышня надуваетъ губки и сыплетъ сенценціями; маменька, или папенька бранитъ и грозитъ ей; на-

конецъ къ любовнику является на помощь богатый дядя, или разлучникъ оказывается негодяемъ: дражайшіе соединяютъ руки влюбленной четы, любовникъ нѣжно ухмыляется и, чтобъ не стоять на сценѣ по пустякамъ, принимается цаловать ручку, а въ губки чмокнетъ; барышня жеманно и умильно улыбается, и будто нехотя позволяетъ цаловать свою ручку... Глядя на все это, поневолѣ воскликнешь:

Съ кого они портреты пишутъ,
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ!

Если вѣрить нашимъ драмамъ, то можно подумать, что у насъ на святой Руси всѣ только и дѣлаютъ, что влюбляются и замужъ выходятъ за тѣхъ, кого любятъ, а пока не женятся, все ручки цалуютъ у своихъ возлюбленныхъ. И это зеркало жизни, дѣйствительности, общества!.. Пора бы, кажется, понять, что это значитъ стрѣлять холостыми зарядами на воздухъ, сражаться съ мельницами и баранами, а не съ богатырями! Пора бы, наконецъ, понять, что это значитъ изображать тряпичныя куклы, а не живыхъ людей, рисовать міръ правоучительныхъ сказочекъ, способный забавлять

семилѣтнихъ дѣтей, а не современное общество! Пора бы понять, что влюбленные (если они хоть сколько-нибудь похожи на людей), встрѣчаясь другъ съ другомъ, всего рѣже говорятъ о своей любви, и всего чаще о совершенно-посороннихъ и притомъ незначительныхъ предметахъ. Они понимаютъ другъ друга молча, — а въ томъ-то и состоитъ искусство автора, чтобъ заставить ихъ высказать передъ публикою свою любовь, ни слова не говоря о ней. Конечно, они могутъ и говорить о любви, но не пошлыя, истертыя фразы, а слова, полныя души и значенія, слова, которыя вырываются невольно и рѣдко...

Обыкновенно «любовники» и «любовницы» самыя безцвѣтныя, а потому и самыя скучныя лица въ нашихъ драмахъ. Это просто куклы, приводимыя въ движеніе посредствомъ бѣлыхъ нитокъ руками автора. И очень понятно: они тутъ не сами для себя — они служатъ только внѣшнею завязкою для пьесы. И потому мнѣ всегда жалко видѣть артистовъ, осужденныхъ злою судьбою на роли любовниковъ и любовницъ. Для нихъ уже большая честь, если они съумѣютъ не украсить, а только сдѣлать свою роль сколько возможно пошлою... Для чего же выводятся нашими драматургами эти

злополучные любовники и любовницы? Для того, что безъ нихъ они не въ состояніи изобрѣсти никакого содержанія, изобрѣсти же не могутъ потому, что не знаютъ ни жизни, ни людей, ни общества, не знаютъ, что̀ и ка̀къ дѣлается въ дѣйствительности. Сверхъ-того, имъ хочется посмѣшить публику какими-нибудь чудаками и оригиналами. Для этого они создаютъ характеры, какихъ нигдѣ нельзя отыскать, нападаютъ на пороки, въ которыхъ нѣтъ ничего порочнаго, осмѣиваютъ нравы, которыхъ не знаютъ, зацѣпляютъ общество, въ которое не имѣютъ доступа. Это обыкновенно насмѣшки надъ купцомъ, который обрилъ бороду; надъ молодымъ человѣкомъ, который изъ-за границы воротился съ бородою; надъ молодою особою, которая ѣздитъ верхомъ на лошадяхъ, любитъ кавалькады; словомъ, надъ покроемъ платья, надъ прической, надъ французскимъ языкомъ, надъ лорнеткою, надъ желтыми перчатками. А какіе идеалы добродѣтелей рисуютъ они — Боже упаси! Съ этой стороны, наша комедія нисколько не измѣнилась со временъ Фонвизина: глупые въ ней иногда бываютъ забавны, хоть въ смыслѣ каррикатуры, а умные всегда и скучны и глупы...

Что касается до нашей трагедіи — она представляетъ такое же плачевное зрѣлище, какъ и комики — они изображаютъ русскую жизнь съ такою же вѣрностію и еще съ меньшимъ успѣхомъ, потому-что изображаютъ историческую русскую жизнь въ ея высшемъ значеніи. Оставляя въ сторонѣ ихъ дарованія, скажемъ, что главная причина ихъ неуспѣха — въ ошибочномъ взглядѣ на русскую исторію. Гоняясь за народностію, они все-еще смотрятъ на русскую исторію съ западной точки зрѣнія. Иначе они и не стали бы въ Россіи до временъ Петра-Великаго искать драмы. Историческая драма возможна только при условіи борьбы разнородныхъ элементовъ государственной жизни. Не даромъ только у однихъ Англичанъ драма достигла своего высшаго развитія; не случайно Шекспиръ явился въ Англіи, а не въ другомъ какомъ государствѣ: нигдѣ элементы государственной жизни не были въ такомъ противорѣчіи, въ такой борьбѣ между собою, какъ въ Англіи. Первая и главная причина этого — тройное завоеваніе: сперва туземцевъ Римлянами, потомъ Англо-Саксами, наконецъ Норманами; далѣе: борьба съ Датчанами, вѣковыя войны съ Франціею, религіозная реформа, или борьба протестантизма съ католицизмомъ. Въ русской исторіи не

было внутренней борьбы элементовъ и потому ея характеръ скорѣе эпическій, чѣмъ драматическій. Разнообразіе страстей, столкновеніе внутреннихъ интересовъ и пестрота общества — необходимыя условія драмы : а ничего этого не было въ Россіи. Пушкина «Борисъ Годуновъ» потому и не имѣлъ успѣха, что былъ глубоко-національнымъ произведеніемъ. По той же причинѣ «Борисъ Годуновъ» нисколько не драма, а развѣ поэма въ драматической формѣ. И съ этой точки зрѣнія «Борисъ Годуновъ» Пушкина — великое произведеніе, глубоко исчерпавшее сокровищницу національнаго духа. Прочіе же драматическіе наши поэты думали увидѣть національный духъ въ охабняхъ и горлатныхъ шапкахъ, да въ рѣчи на простонародный ладъ, и въ-слѣдствіе этой чисто-внѣшней народности стали рядить Нѣмцевъ въ русскій костюмъ и влагать имъ въ уста русскія поговорки. Поэтому, наша трагедія явилась въ обратномъ отношеніи къ французской псевдо-классической трагедіи; французскіе поэты въ своихъ трагедіяхъ рядили Французовъ въ римскія тоги и заставляли ихъ выражаться пародіями на древнюю рѣчь; а наши какихъ-то Нѣмцевъ и Французовъ рядятъ въ русскій костюмъ и навязываютъ имъ подобіе и призракъ

русской рѣчи. Одежда и слова русскія, а чувства, побужденія и образъ мыслей — нѣмецкій или французскій...

Какъ современная наша драма, такъ и комедія и водевиль вертятся на эффектахъ, конечно, весьма незатѣйливыхъ и невинныхъ, но тѣмъ не менѣе пустыхъ и ничтожныхъ.

Въ драмѣ, наши сочинители разсчитываютъ на патетическую встрѣчу отца съ сыномъ, матери съ дочерью, любовниковъ, супруговъ; эта внезапная встрѣча, это неожиданное признаніе близости въ людяхъ, которые сперва сошлись, какъ чужіе другъ другу, всегда сопровождаются объятіями, поцалуями, криками, охами, слезами, иногда даже обмороками. И подобные эффекты всегда достигаютъ своей цѣли: имъ апплодируютъ или восторгаются, отъ нихъ приходятъ въ изступленіе. Комедія или водевиль (потому-что теперь у насъ это одно и тоже), щеголяютъ эффектами въ другомъ родѣ, но столько же безхарактерными. Въ одной пьесѣ вы видите влюбленнаго молодаго человѣка, который притворяется сумасшедшимъ и воображаетъ себя Еруслапомъ Лазаревичемъ, чтобъ сблизиться съ предметомъ своей любви. Онъ скачетъ по сценѣ верхомъ на палочкѣ, погоняя ее хлыстикомъ, и обращаясь къ ней, какъ къ коню, съ рѣчами на манеръ богатырскихъ русскихъ сказокъ. И прочія лица пьесы такъ глупы, что принимаютъ его дѣйствительно за сумасшедшаго и позволяютъ ему обмануть ихъ. Въ этой же пьесѣ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ попадаетъ въ бассейнъ, и, надѣвъ на голову желѣзное ведро,

поетъ арію богатырской головы, изъ оперы *Русланъ и Людмила*, а публика смѣется и апплодируетъ. О достоинствѣ куплетовъ нечего и говорить. Скажемъ только, что они, по волѣ публики, поются по два и по три раза.

Теперь намъ слѣдовало бы изложить содержаніе замѣчательнѣйшихъ произведеній новой драматической литературы; но это завело бы насъ слишкомъ далеко: предметъ такъ обширенъ и такъ интересенъ, что никогда не поздно будетъ изложить его въ особой статьѣ. И потому теперь мы ограничимся только поименованіемъ этихъ пьесъ, петербургской публикѣ извѣстныхъ по Александрынскому-Театру, а провинціальной публикѣ — по *Репертуару и Пантеону* г. Песоцкаго, — пьесы, которыя могутъ служить лучшею характеристикою Александрынскаго-Театра, потому-что всѣ онѣ болѣе или менѣе благосклонно приняты его публикою и благополучно съ полнымъ успѣхомъ разъиграны его артистами. Всѣхъ, конечно, пересчитывать мы не будемъ; но вотъ замѣчательнѣйшія: «Донна Луиза, Инфанта Португальская, *историческая драма* въ пяти дѣйствіяхъ, *въ стихахъ*, *съ хорами и танцами* (сюжетъ взятъ изъ повѣсти г-жи Рейбо)». Первое дѣйствіе комедіи: «Новый

Недоросль» (знаменитое произведеніе г. *Навроцкаго*). «Александръ Македонскій, *историческое представленіе*, въ пяти дѣйствіяхъ, *въ стихахъ съ хорами и военными маршами;* дѣйствіе 1-е: Два Царя. Дѣйствіе 2-е : Побѣдитель. Дѣйствіе 3-е : Амазонская Царица. Дѣйствіе 4-е : Мать и Сынъ. Дѣйствіе 5-е : Паденіе Персиды. Дѣйствіе происходитъ въ Персіи, за 330 лѣтъ до Р. Х. (когда были въ обычаѣ пажи и въ употребленіи турецкіе барабаны). Акты первый и второй при киликійскихъ ущеліяхъ ; актъ третій въ Вавилонѣ; актъ четвертый : 1-я сцена въ Вавилонѣ, 2-я въ пещерѣ, близь Экбатаны; актъ пятый : 1 и 2-я сцены въ Персеполѣ, 3-я на границѣ Бактріаны». «Ни статскій, ни военный, не Русскій и не Французъ, или Пріѣзжій изъ-за границы. Романтическая (!) шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи». «Саардамскій Корабельный Мастеръ, или Нѣтъ имени Ему», оригинальная комедія въ двухъ дѣйстіяхъ, *россійское* сочиненіе. «Сбритая Борода вопреки пословицѣ : не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ волѣ. *Оригинальная* комедія въ трехъ дѣйствіяхъ». «Боярское Слово, или Ярославская Кружевница. Драма въ двухъ отдѣленіяхъ; содержаніе перваго акта за-

имствовано частію изъ французской пьесы». «Кумъ Иванъ, *оригинальная русская быль* въ двухъ отдѣленіяхъ.» «Шкуна Нюкарлеби. *Историческій анекдотъ* временъ Петра-Великаго, въ двухъ дѣйствіяхъ». «Костромскіе Лѣса, русская быль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ *пѣніемъ*». «Современное Бородолюбіе. Оригинальная комедія въ трехъ отдѣленіяхъ.» «Князь Серебрянный, или Отчизна и Любовь. Оригинальная драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ». — «Отецъ и Дочь. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣланная съ итальянскаго». — «Елена Глинская. Драматическое представленіе».—«Христина, Королева Шведская, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго». «Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, или Семейная Ненависть. Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ, въ стихахъ». «Святославъ. Драматическое представленіе въ четырехъ картинахъ, въ стихахъ». «Великій Актеръ, или Любовь Дебютантки. Драма въ *трехъ* дѣйствіяхъ и *пяти* отдѣленіяхъ. Дѣйствіе 1-е, отдѣленіе 1-е : Театральный Ламповщикъ и Цвѣточница. Дѣйствіе 2-е, отдѣленіе 2-е : Гамма Страстей. Дѣйствіе 3-е, отдѣле-

ніе 3-е : Театральный Буфетъ. Отдѣленіе 4-е: Уборная Актрисы. Отдѣленіе 5-е : Представленіе Лира на Дрюриленскомъ театрѣ». – «Жены наши пропали! или Маіоръ Bon-Vivant». — «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами. Сибирская сказка, въ двухъ дѣйствіяхъ , съ пѣніемъ и танцами. Дѣйствіе 1-е : Русская удаль. *Танцовать будутъ :* г. Пишо и г-жа Левкѣева *по-казацки.* Дѣйствіе 2-е: Китайская храбрость. *Танцовать будутъ :* гг. Шамбурскій , Свищевъ , Тимоѳеевъ , Волковъ и Николаевъ — *по-китайски.* Въ 1 и 2-мъ дѣйствіи хоръ пѣсенниковъ будетъ пѣть національныя пѣсни. — «Людмила, драма въ трехъ отдѣленіяхъ, подражаніе нѣмецкому (Lenore), составленная изъ баллады *В. А. Жуковскаго*, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ его стиховъ». — «Русская Боярыня XVII столѣтія. Драматическое представленіе въ одномъ дѣйствіи , *съ свадебными пѣснями и пляской*». — «Еще Русланъ и Людмила, или Новый домъ сумасшедшихъ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи». — «Заложеніе Петербурга. Русская драматическая быль въ двухъ дѣйствіяхъ». — «Волшебный Боченокъ, или Сонъ на яву. Старинная нѣмецкая сказка въ двухъ дѣй-

ствіяхъ». — «Русскій Морякъ. Историческая быль». — «Жила-была одна собака. Водевиль, перев. съ французскаго». — «Новгородцы, драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ». — «Сигарка. Комедія въ одномъ дѣйствіи.»

Довольно! Всѣхъ не перечтешь! Просимъ читателя обратить особенное вниманіе на названіе этихъ пьесъ: его мысли откроется цѣлый новый міръ! Объ однихъ этихъ названіяхъ можно было бы написать цѣлую статью. Даже въ переводныхъ пьесахъ честь изобрѣтенія этихъ остроумныхъ, затѣйливыхъ и заманчивыхъ названій принадлежитъ россійскимъ сочинителямъ. Такъ, напримѣръ, по-французски пьеса называется просто: Maître d'Ecole; по-русски она титулуется: «Школьный Учитель, или Дураковъ учить, что мертвыхъ лечить». Какая-то французская пьеса переложена на русскіе нравы подъ остроумнымъ названіемъ: «Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ». Извѣстная французская пьеса — «Le Mari à la campagne», переведена подъ названіемъ: «Дома ангелъ съ женой, въ людяхъ смотритъ сатаной». Такихъ примѣровъ доморощеннаго остроумія въ названіи пьесъ множество; но мы думаемъ, что и этихъ довольно, что-

бъ видѣть, что такое наша драматическая фабрика: вѣдь фабрики всегда узнаются по штемпелю...

Но самая дурная сторона этихъ драматическихъ фабрикацій состоитъ въ томъ, что онѣ убиваютъ сценическое искусство. Драматическія пьесы, представляющія дѣйствительность и характеры, невольно пріучаютъ даже посредственнаго актера изучать не только роли, которыя онъ долженъ играть, но и жизнь и дѣйствительность. Но наши трагедіи, драмы, *драматическія представленія*, комедіи и водевили, имѣютъ въ предметѣ не изображеніе дѣйствительности и характеровъ, а сценическіе эффекты въ мелодраматическомъ или забавномъ, смѣшномъ родѣ. Дѣйствующихъ лицъ въ этихъ пьесахъ нѣтъ, нѣтъ людей, нѣтъ характеровъ, — и артистъ, даже самый даровитый, поневолѣ привыкаетъ играть ихъ безъ ученія, безъ размышленія и обдуманности, на одинъ и тотъ же ладъ. Онъ хочетъ или поражать ужасомъ, или смѣшить, во что бы ни стало. И какъ винить его за это? — этого отъ него требуютъ наши драматурги, за это публика награждаетъ его рукоплесканіями. О вѣрномъ изображеніи жизни, о характерахъ никто и не думаетъ. Является на сцену Каратыгинъ — публика Александрынскаго-Театра уже знаетъ, что ей должно

восторгаться; является Мартыновъ, — она знаетъ, что ей должно смѣяться; удивительно ли послѣ этого, что артисты волею или неволею привыкаютъ наконецъ видѣть въ своей профессіи ремесло, и что выучить наизусть роль для многихъ изъ нихъ значитъ – изучить ее... Искусство падаетъ, таланты сбиваются, драматическій театръ превращается въ механическій театръ, — что́ однако не мѣшаетъ публикѣ быть довольною драматургами и актерами, и драматургамъ и актерамъ — публикою. А коли всѣ довольны – чего же больше?...

Въ статьѣ «Петербургъ и Москва» было замѣчено, что въ Петербургѣ среднія сословія помѣшаны на большомъ свѣтѣ и хорошемъ тонѣ. Эту страсть къ свѣтскости они переняли въ театрѣ, — и мы нарочно выписали здѣсь множество названій пьесъ, играемыхъ на сценѣ Александрынскаго-Театра, чтобъ познакомить нашихъ читателей съ тономъ, царствующимъ въ его сферѣ... Чтобъ высказать все, что́ касается до этого предмета, мы должны прибавить, что какъ артисты, такъ и публика Александрынскаго-Театра не очень-высокаго понятія о драматическомъ талантѣ Гоголя — и это преимущественно по причинѣ рѣзкихъ выраженій, которыми преисполнены комедіи Гоголя, и которыхъ не мо-

жетъ выносить «бонтонность» партизановъ Александрынскаго-Театра... При этомъ не худо замѣтить, что на сценѣ Александрынскаго-Театра пьесы Гоголя дѣйствительно кажутся болѣе фарсами, нежели комедіями. И вотъ почему «Женитьба» Гоголя пала рѣшительно при первомъ ея представленіи, такъ-что въ послѣдній пріѣздъ Щепкина, петербургская публика приняла эту пьесу какъ бы новую, неизвѣстную ей, и встрѣчала веселымъ смѣхомъ и живыми рукоплесканіями почти каждое слово этой комедіи... Но для этого нужно было, чтобъ въ ней роль Кочкарева игралъ Щепкинъ, и чтобъ имя этого артиста привлекло въ театръ не однихъ только присяжныхъ посѣтителей Александрынскаго-Театра... И какъ дивиться, что петербургскіе артисты (за исключеніемъ только одного г. Мартынова) не знаютъ надлежащей манеры для ролей, созданныхъ Гоголемъ: они привыкли къ ролямъ водевильнымъ, въ которыхъ нѣтъ оригинальности, нѣтъ жизни, нѣтъ правдоподобія и истины, нѣтъ характеровъ, къ ролямъ кукольнымъ, маріонеточнымъ?.. Но въ Москвѣ, гдѣ публика до того разнохарактерна, что не составляетъ собою публики, и гдѣ разсуждаютъ и заботятся больше объ искусствѣ, нежели о хорошемъ тонѣ и большомъ свѣтѣ, въ Мо-

сквѣ пьесы Гоголя играютъ прекрасно. Кромѣ Щепкина, о которомъ нечего говорить, каковъ онъ въ роли городничаго, роль почтмейстера прекрасно выполняется г. Потапчиковымъ, роль судьи — г. Степановымъ, роль Осипа — г. Орловымъ. Но въ Москвѣ и многое играется иначе, чѣмъ въ Петербургѣ. Такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, незамѣтно, безъ шума упала прекрасная пьеса «Восемь лѣтъ старше», а въ Москвѣ она была принята отлично, сколько по ея дѣйствительному достоинству, какъ хорошей драмы, столько и по прекрасной игрѣ Щепкина въ роли доктора, и г. Самарина въ роли героя этой пьесы.

Въ-заключеніе нашей статьи, повторимъ, что въ Петербургѣ есть театральная публика, а въ Москвѣ ея пока еще нѣтъ. Это важное преимущество со стороны Петербурга, потому-что вкусъ его публики можетъ и даже необходимо долженъ современемъ измѣниться, и когда настанетъ этотъ благодѣтельный переломъ, петербургскій театръ будетъ имѣть публику не только образованную, но и единственную публику, которая будетъ какъ-бы одно лицо, одинъ человѣкъ. Но, что́ касается до пишущаго эти строки, — въ ожиданіи этого вожделеннаго времени, онъ желалъ бы ходить въ московскій Петров-

скій-Театръ, гдѣ больше артистовъ, нежели геніевъ, гдѣ актеры богаче чувствомъ, нежели искусствомъ, — отъ-чего и играютъ иногда тѣмъ съ большимъ искусствомъ и успѣхомъ,—гдѣ актеры съ особенною любовію участвуютъ въ пьесахъ Гоголя, и гдѣ публика требуетъ отъ пьесъ больше творчества и смысла, а отъ актеровъ больше одушевленія и искусства, нежели «высшаго тона»; гдѣ каждый судитъ по своему, а всѣ, никогда не соглашаясь другъ съ другомъ объ одномъ и томъ же предметѣ, не смотря на то, очень-часто равно бываютъ близки къ истинѣ...

ТЕАТРАЛЪ EX-OFFICIO.

ЧИНОВНИКЪ.

ЧИНОВНИКЪ.

Какъ человѣкъ разумной середины
Онъ многаго въ сей жизни не желалъ:
Передъ обѣдомъ пилъ настойку изъ рябины
И чихиремъ обѣдъ свой запивалъ.

У Кинчерфа (*) заказывалъ одежду,
И съ давнихъ поръ (простительная страсть)
Питалъ въ душѣ далекую надежду
Въ коллежскіе ассесоры попасть, —
За тѣмъ, что былъ онъ крови не боярской
И не хотѣлъ, чтобъ въ жизни кто-нибудь
Дѣтей его породой семинарской
Осмѣлился надменно попрекнуть.

Былъ съ виду простъ, держалъ себя сутуло,
Смиренно все судьбѣ предоставлялъ,
Предъ старшими подскакивалъ со стула,
И въ робость безотчетную впадалъ,
Съ начальникомъ, ни по какимъ причинамъ, —
Гдѣ бъ ни было, — не вмѣшивался въ споръ,
И было въ немъ все соразмѣрно съ чиномъ —
Походка, взглядъ, усмѣшка, разговоръ.
Внимательнымъ, уступчиво-смиреннымъ
Былъ при родныхъ, при тещѣ, при женѣ,
Но поддержать умѣлъ предъ подчиненнымъ
Достоинство чиновника вполнѣ;
Могъ и распечь при случаѣ (распечь-то
Мы впрочемъ всѣ большіе мастера),
Имѣлъ даже значительное нѣчто

*) Портной на Мѣщанской, которому преимущественно заказываютъ петербургскіе чиновники и актеры.

Въ бровяхъ... Теперь тяжелая пора!
Съ тѣхъ дней, какъ сталъ пытливостью разсудка
Тревожно-безпокойнаго — нашъ вѣкъ
Задерживать развитіе желудка
Уже не тотъ и русскій человѣкъ.
Выводятся раскормленныя туши,
Какъ ни ѣдимъ геройски, какъ ни пьемъ,
И хоть теперь мы также бьемъ баклуши,
Но въ толщину отъ нихъ уже не йдемъ.
И въ наши дни, читатель мой любезной,
Лишь гдѣ-нибудь въ коснѣющей глуши
Найдете вы, по благости небесной,
Приличное вмѣстилище души.

Но мой герой — хоть онъ и шелъ за вѣкомъ —
Больныхъ вліяній вѣка избѣжалъ
И былъ такимъ какъ должно человѣкомъ:
Ни тощъ, ни толстъ. Торжественно лежалъ
Мясистый, двухъ-этажный подбородокъ
Въ воротничкахъ, — но промежутокъ былъ
Межъ головой и грудью такъ коротокъ,
Что параличъ – увы! — ему грозилъ.
Спина была — ужь сказано — горбата
И на ногахъ (шепну вамъ на ушко –
Кривыхъ немножко — нянька виновата!)
Качалося солидное брюшко...

Сиротъ и вдовъ онъ не былъ благодѣтель,
Но нищимъ иногда давалъ гроши,
И называлъ святую добродѣтель
Первѣйшимъ украшеніемъ души.
Объ ней твердилъ въ семействѣ безпрерывно,
Но не во всемъ ей слѣдовалъ подъ-часъ,
И извинялъ грѣшки свои наивно
Женой, дѣтьми, какъ многіе изъ насъ.
По службѣ велъ дѣла свои примѣрно
И не бывалъ за взятки подъ судомъ,
Но (на жену, какъ водится) въ Галерной
Купилъ давно пяти-этажный домъ.

И радовалъ родительскую душу
Сей прочный домъ — спокойствія залогъ.
И на Өому, Ванюшу и Феклушу
Безъ сладкихъ слезъ онъ посмотрѣть не могъ...

Видъ нищеты, разительнаго блеска
Смущалъ его — приличье онъ любилъ.
Отъ всякихъ словъ, произносимыхъ рѣзко,
Онъ вздрагивалъ и тотчасъ уходилъ.
Къ писателямъ враждой – не безпричинной —
Пылалъ... блѣднѣлъ и трясся самъ не свой,
Когда изъ нихъ какой нибудь безчинной
Ласкаемъ былъ чиновною рукой.
За лишнее считалъ ихъ въ мірѣ бремя,
Звалъ книги побасенками: «Читать
«Не то ли же, чтó праздно тратить время?
«А праздность всѣхъ пороковъ нашихъ мать» —
Такъ говорилъ ко благу подчиненныхъ
(Мысль глубока, хоть и весьма стара)
И изо всѣхъ открытій современныхъ
Зналъ только *консоляцію*...
Пора
Мнѣ вамъ сказать, что какъ чиновникъ дѣльной
И совершенно русскій человѣкъ,
Онъ зараженъ былъ страстью той смертельно,
Которой всѣ заражены въ нашъ вѣкъ,

Которая пустить успѣла корни
Въ обширномъ русскомъ царствѣ глубоко
Съ-тѣхъ-поръ, какъ вистъ въ потѣху нашей дворни
Мы отдали... «Пріятно и легко
«Бѣгутъ часы за преферансомъ; право,
«Кто выдумалъ — былъ малый съ головой!»
Такъ иногда, прищурившись лукаво,
Говаривалъ почтенной нашъ герой.
И выше онъ не вѣдалъ наслажденій...
Какъ онъ игралъ?.. Серьёзная статья!..
Рѣшить вопросъ съумѣлъ-бы развѣ геній,
Но такъ и быть, попробую и я.

Когда обѣдъ оканчивался чинной,
Крестясь, гостямъ хозяинъ руки жалъ
И, приказавъ поставить столъ въ гостиной,
Съ улыбкой добродушной замѣчалъ:
«Что, господа, сразиться бы не дурно?
«Жизнь коротка, а намъ не десять лѣтъ!»
Надъ нимъ неслось тогда дыханье бурно
И — вдохновенъ — онъ забывалъ весь свѣтъ —
Жену, дѣтей; единой преданъ страсти,
Молчалъ какъ жрецъ; бровями шевеля,
И для него тогда въ четыре масти
Сливалось все — и небо и земля!

Внѣ картъ не зналъ, не слышалъ и не видѣлъ
Онъ ничего, — но помнилъ каждый призъ...
Прижимистыхъ и робкихъ ненавидѣлъ,
Но къ храбрецамъ, готовымъ на ремизъ,
Исполненъ былъ глубокаго почтенья...
При трехъ тузахъ, при дамѣ сам-четвертъ
Козырной — въ вистъ ходилъ безъ опасенья.
Въ несчастьи былъ, какъ многіе, не твердъ, —
Ощипанной подобенъ куропаткѣ,
Угрюмъ, сердитъ, ворчалъ повѣся носъ,
А въ счастіи любилъ при каждой взяткѣ
Пристукивать и говорилъ: «а что-съ?»
Острилъ, какъ всѣ острятъ или острили,
И замѣчалъ, при выходѣ съ бубёнъ,
«Ну, Петръ Кузьмичъ! не даромъ вы служили
«Пятнадцать лѣтъ — вы знаете законъ!»
Валетовъ, дамъ красивыхъ, но холодныхъ
Пушилъ слегка, какъ всѣ; но никогда
На счетъ тузовъ и прочихъ картъ почетныхъ
Не говорилъ ни слова...

Господа!

Быть можетъ, здѣсь надменно вы зѣвнете,
И повѣсть благонравную мою
Въ подробностяхъ излишнихъ упрекнете...
Отвѣтъ готовъ: не пустяки пою!

Пою, что̀ Русь и тѣшитъ и чаруетъ,
Что̀ наши дни — какъ средніе вѣка
Крестовые походы — знаменуетъ,
Чѣмъ наша жизнь полна и глубока;
(Я не шучу — смотрите въ оба глаза) —
Чѣмъ отъ «Москвы родной» до Иртыша,
Отъ «финскихъ скалъ» до «грознаго Кавказа»
Волнуется славянская душа!!..

Притомъ, я самъ страсть эту уважаю, —
Я ею самъ восторженно киплю,
И хоть весьма-несчастно прикупаю,
Но вечеровъ безъ картъ я не терплю
И гдѣ ихъ нѣтъ постыдно засыпаю...

Что жь дѣлать намъ?.. Блаженные отцы
И дѣды наши пировать любили,
Весной садили лукъ, да огурцы,
Волковъ и зайцевъ осенью травили,
Ихъ увлекалъ, ихъ страсти шевелилъ
Паратый песъ, статистый иноходецъ;
Ихъ за столомъ и трогалъ и смѣшилъ
Какой-нибудь наряженный уродецъ.
Они сидѣть любили за столомъ
И было имъ и любо и доступно
Перепивать другъ друга, и потомъ,

Повздоривши по-русски, дружелюбно
Вдругъ утихать и засыпать рядкомъ.
Но мы забавъ отцовъ не понимаемъ
(Хоть мало — все жь мы ихъ переросли),
Что жь дѣлать намъ?.. играть!.. и мы играемъ
И благо, что занятіе нашли —
Сидѣть грѣшно и вредно сложа руки...

Въ недѣлю разъ, пресытившись игрой,
Въ театръ Александрынскій, ради скуки,
Являлся нашъ почтеннѣйшій герой.
Удвоенной цѣной за бенефисы
Отечественный геній поощрялъ,
Но званіе актера и актриссы
Постыднымъ по преданію считалъ.
Любилъ пальбу, кровавые сюжеты,
Гдѣ при концѣ карается порокъ...
И слушая скоромные куплеты,
Толкалъ жену легонько подъ бочокъ.
Любилъ шепнуть въ антрактѣ плотной дамѣ —
(Всему научитъ хитрый Петербургъ) —
Что страсти и движенье нужны въ драмѣ
И что Шекспиръ — великій драматургъ, —
Но, впрочемъ, не былъ твердо въ томъ увѣренъ
И черезъ часъ другое подтверждалъ,

По службѣ бывъ всегда благонамѣренъ,
Онъ прочее другимъ предоставлялъ.
За то, когда являлася сатира,
Гдѣ авторъ — тунеядецъ и нахалъ —
Честь общества и украшенье міра
Чиновниковъ за взятки порицалъ, —
Свирѣпствовалъ онъ, не жалѣя груди,

Дивился, какъ допущена въ печать
И какъ благонамѣренные люди
Не совѣстятся видѣть и читать.
Съ досады пилъ (сильна была досада)!
Въ удвоенномъ количествѣ чихирь,
И говорилъ, что авторовъ бы надо
За дерзости подобныя — въ Сибирь!..

Н. НЕКРАСОВЪ.

ОМНИБУСЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДАЧНОЙ ЖИЗНИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГЕРОЙ, петербургско-нѣмецкой породы, сначала неизвѣстнаго званія, но подъ-конецъ сильно смахивающій на сапожника.

Г-нъ ИКСЪ. } Наперсники его.
Г-нъ ЗЕТЪ. }

Пассажиры въ Омнибусѣ:

СЛОНООБРАЗНЫЙ ГОСПОДИНЪ.
ДАМА СРЕДНЕЙ РУКИ.
МАЛЬЧИКЪ 10-ти ЛѢТЪ. } Дѣти ея.
ДѢВОЧКА 7-ми }
ЧИНОВНИКЪ, желающій казаться тонкимъ дипломатомъ.
СОПЛИВЫЙ ГОСПОДИНЪ.
ОФИЦЕРЪ съ длинными усами.
ГОСПОДИНЪ СЪ СТЕКЛУШКОМЪ.
ГОСПОДИНЪ ВЪ ОЧКАХЪ.
ГОСПОДИНЪ СЪ ПАЛКОЙ.
ГОСПОДИНЪ ВЪ ЧАЛМѢ.
СКРОМНАЯ ДѢВИЦА.
ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ ДАМА.
КУПЕЦЪ-БОРОДА.
КОНДУКТОРЪ.
КУЧЕРЪ.

ПОСТОРОННЯЯ ДАМА.
ПОСТОРОННІЙ ОФИЦЕРЪ.
ХОЖАЛЫЙ и ПОЛИЦЕЙСКІЕ СОЛДАТЫ.
ГУЛЯЮЩІЕ и ПРОХОЖІЕ, безъ рѣчей.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ, по дорогѣ и въ Петербургѣ.

Примѣчаніе. Статья эта писана давно, тотчасъ по открытіи въ Петербургѣ перваго омнибуса, въ которомъ, какъ во всякой первоначальной попыткѣ, были нѣкоторыя неудобства, — потому намековъ на эти неудобства не должны принимать на свой счетъ нынѣшніе петербургскіе омнибусы, которые устроены прекрасно и вообще одно изъ полезнѣйшихъ нововведеній въ Петербургѣ.

ОМНИБУСЪ.

—

СЦЕНЫ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДАЧНОЙ ЖИЗНИ.

Сцена первая.

Петербургская дача. Іюль. Мокро и холодно. — Трактиришка; въ растворенныя окна слышенъ стукъ шаровъ. Возлѣ, на площадкѣ, стоитъ омнибусъ, безъ лошадей. Вокругъ паркъ и виды, легко напоминающіе лѣто и деревню. Вечеръ. Гуляющіе, съ удивительнымъ удовольствіемъ, блуждаютъ по дорожкамъ, усыпаннымъ толченымъ кирпичемъ.

I.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ И Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ,
обыкновенные молодые люди.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Ну, что жь! Поѣдемъ въ омнибусъ.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Надо спросить кондуктора, когда отходитъ. Эй, кондукторъ!

Является **КОНДУКТОРЪ**, обыкновенная лакейская морда въ галунахъ и въ круглой шляпѣ.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Въ которомъ часу отходитъ омнибусъ?

КОНДУКТОРЪ.

Въ половинѣ десятаго.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ, смотритъ на часы.

Т. е. чрезъ полчаса. Теперь ровно 9-ть.

КОНДУКТОРЪ.

Да-съ: только нынче будемъ сажать раньше; въ четверть.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Какъ сажать? Что̀ это значитъ?

КОНДУКТОРЪ.

А сажать! Изволите придти, такъ мы васъ и посадимъ.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Да, хорошо; но отъ-чего же раньше?

КОНДУКТОРЪ.

А отъ-того, что нынче, вишь, публики много; пока-то усадишь.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Развѣ всѣ мѣста ужь разобраны?

КОНДУКТОРЪ.

Нѣтъ, мѣстовъ еще никто не бралъ.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Такъ дай намъ два билета.

КОНДУКТОРЪ.

У насъ не по билетамъ; у насъ просто на чистыя деньги.

ОБА ГОСПОДИНА.

Ха, ха, ха! Такъ вотъ тебѣ деньги, оставь намъ два мѣста.

КОНДУКТОРЪ.

Теперь нельзя-съ. Пожалуйте ужо, какъ будемъ садиться.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Какъ же это, братецъ? И билетовъ нѣтъ, и

мѣстъ не продаешь! Что жь намъ стоять здѣсь у экипажа, да дожидаться?

КОНДУКТОРЪ.

И подождете.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Но это глупо?

КОНДУКТОРЪ.

А если не угодно, извольте идти прогуливаться; али, вотъ, сядьте на скамѣечку (указываетъ на скамью), али, какъ прочіе господа, въ трактиръ (указываетъ на трактиръ)... Можно, то-есть, закусить...

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ съ досадой.

C'est une bête! Пойдемъ.

(Уходятъ).

II.

ГОСПОДИНЪ ВЪ ЧАЛМѢ степенно-строгая азіатская физіономія, **ПОСТОРОННЯЯ ДАМА** (безъ особенныхъ примѣтъ).

ПОСТОР. ДАМА.

Si vous voulez partir avec cet omnibus, ne vous éloignez pas.

Г-НЪ ВЪ ЧАЛМѢ.

Je crois qu'il vaut mieux prendre un billet.

ПОСТОР. ДАМА.

Pardon, on ne vend pas ici des billets, c'est...

(Проходятъ).

III.

ГОСПОДИНЪ ИКСЪ и ГОСПОДИНЪ ЗЕТЪ,

(очень молодые люди, изъ которыхъ по-видимому могутъ со временемъ выдти хорошіе сапожники).

Г-НЪ ИКСЪ.

Кондукторъ! Эй, кондукторъ!

(Кондукторъ является).

Г-НЪ ЗЕТЪ.

Скоро ѣдетъ?

Смотритъ на часы, вдѣланные въ наружной сторонѣ омнибуса.

КОНДУКТОРЪ

тоже смотритъ на часы, потомъ почесываетъ затылокъ.

Садиться, такъ черезъ 5 минутъ, а ѣхать такъ черезъ 20.

Г-НЪ ИКСЪ.

А я думалъ—садиться чрезъ 20, а ѣхать чрезъ 5.

Смѣется, довольный собою.

Г-НЪ ЗЕТЪ смѣется, довольный г-номъ Иксъ.

Г-НЪ ИКСЪ.

Ну, хорошо, это хорошо. Мы поѣдемъ всѣ трое. Вотъ тебѣ полтинникъ; сдачи 5 коп. Я поѣду—разъ; онъ поѣдетъ (указываетъ на г-на Зетъ) два;—и еще третій поѣдетъ—три. Третій господинъ здѣсь (указываетъ на трактиръ) Friedrich, komm her!

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТРАКТИРА.

Nehmen Sie für mich einen Platz. Я буду еще партію начинать... буду выиграть. Эй!

Слышны биліардныя восклицанія.

Г-НЪ ИКСЪ.

Ну, какъ теперь? Теперь можно садиться?

КОНДУКТОРЪ опять смотритъ на часы.

Теперь можно садиться.

Г-НЪ ЗЕТЪ.

Чортъ побери – садиться! а гдѣ же лошади?

Г-НЪ ИКСЪ.

Ай, — вай! Еще нѣтъ лошадей? Зачѣмъ же садиться?

КОНДУКТОРЪ.

Заложить не долго.

Г-ДА ИКСЪ и ЗЕТЪ
въ недоумѣнiи отходятъ на нѣсколько шаговъ.

IV.

ДАМА СРЕДНЕЙ РУКИ, МАЛЬЧИКЪ и ДѢВОЧКА.

ДАМА СР. РУКИ.

Кондукторъ! Вотъ за троихъ (даетъ деньги). Дѣти, садитесь.

МАЛЬЧИКЪ.

Ахъ, какъ тутъ страшно, маменька!

ДѢВОЧКА.

Темно, темно.

Влѣзаютъ въ омнибусъ; за ними мать.

Г-НЪ ИКСЪ.

Чортъ побери! всѣ идутъ. Надо садиться.

Г-НЪ ЗЕТЪ.

Фридрихъ! ай, Фридрихъ!.. Уже всѣ.

Влазятъ въ омнибусъ.

V.

ЧИНОВНИКЪ, ЖЕЛАЮЩІЙ КАЗАТЬСЯ ДИПЛОМАТОМЪ, на лбу написано много, много.

ЧИНОВНИКЪ къ кондуктору.

Любезнѣйшій!.. Какъ бы... не тѣсно ли? (смотритъ въ омнибусъ). Вотъ вамъ четвертакъ; мнѣ слѣдуетъ гривенникъ : такъ? (беретъ сдачу) Благодарствую! (Осторожно входитъ въ омнибусъ).

VI.

СКРОМНАЯ ДѢВИЦА съ совершенно невиннымъ взоромъ.

Кондукторъ! Пустите меня.

Вынимаетъ изъ узелка пятиалтынный.

КОНДУКТОРЪ.

Извольте-съ, сударыня.

Подсаживаетъ ее съ особенной граціей.

VII.

Г-ДИНЪ ВЪ ОЧКАХЪ и Г-ДИНЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Ну, что же? Полѣземъ и мы.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Полѣземъ-то полѣземъ, да вотъ что (отводитъ его въ сторону; въ-полголоса) у тебя нѣтъ денегъ?

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Нѣтъ ни копейки.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Гмъ!.. У меня вѣдь только всего три гривенника.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Этого и достаточно, чтобъ намъ доѣхать.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Я, однакожь, боюсь.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Чего?

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Да чортъ знаетъ... Ну, какъ ради прилива публики они вздумали надбавить цѣну и вмѣсто пятиалтыннаго пустили по четвертаку?

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Можно спросить.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Спроси, пожалуйста.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Отъ-чего-же ты не хочешь?

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Да я... да я... Ей-Богу, боюсь, братецъ!.. Ну, какъ онъ скажетъ: четвертакъ! Вѣдь осрамитъ.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Отъ-чего-же осрамитъ? Поѣдешь одинъ.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Ну, вздоръ! Тогда лучше возьмемъ извощика.

(Приближаются).

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Дай сюда деньги. (Кондуктору) Кондукторъ! что́ сто́итъ мѣсто?

КОНДУКТОРЪ.

15 копеекъ серебромъ.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Вотъ за два.

(Входятъ оба).

VIII.

КУПЕЦЪ-БОРОДА кондуктору.

Почтеннѣйшій! По пятиалтынному, что-ли? — Ась? Ладно! — Господи благослови!

Пыхтитъ и лѣзетъ въ омнибусъ.

Сцена вторая, въ омнибусѣ.

Сидятъ: съ правой стороны **МАЛЬЧИКЪ, ДАМА СРЕДНЕЙ РУКИ, ДѢВОЧКА, ЧИНОВНИКЪ, СКРОМНАЯ ДѢВИЦА, КУПЕЦЪ-БОРОДА**, съ лѣвой г-да **ИКСЪ** и **ЗЕТЪ, Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ, Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ**. Кромѣ прежнихъ, входятъ: **СОНЛИВЫЙ ГОСПОДИНЪ** (пожилой человѣкъ, похожій на метлу) садится съ лѣвой стороны подлѣ г-на съ палкой; **ГОСПОДИНЪ ВЪ ЧАЛМѢ** съ правой, подлѣ купца. **ОФИЦЕРЪ СЪ ДЛИННЫМИ УСАМИ** подлѣ г-на въ чалмѣ. Всѣ тѣснятся и жалуются на жаръ и духоту.

I.

СОНЛИВЫЙ ГОСПОДИНЪ къ господину въ чалмѣ.

Permettez, monsieur, que je vous demande : êtes vous Turc?

Г-НЪ ВЪ ЧАЛМѢ.

Non, monsieur.

Сонливый г-нъ закрываетъ глаза. Молчаніе.

Г-НЪ ИКСЪ, высовываясь въ окно.

Эй, Фридрихъ! Geschwinder!

Г-НЪ ЗЕТЪ тоже.

Geschwinder! Geschwinder!

Молчаніе.

II.

Показывается **ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ ДАМА,** въ сопровожденіи **ПОСТОРОННЯГО ОФИЦЕРА.**

ЧУВ. ДАМА.

Ахъ, Боже мой! Да здѣсь все уже занято! (останавливается на подножкѣ) кондукторъ!

ПОСТОР. ОФИЦЕРЪ внѣ омнибуса, у дверей.

Кондукторъ! Да гдѣ же ты, братецъ, ходишь? Тебя спрашиваетъ дама.

КОНДУКТОРЪ.

Что прикажете?

ЧУВ. ДАМА.

Гдѣ мое мѣсто?

КОНДУКТОРЪ.

Извольте садиться гдѣ угодно.

ЧУВ. ДАМА.

Гдѣ угодно! А если нѐгдѣ?

КОНДУКТОРЪ.

Помилуйте-съ! Какъ нѐгдѣ-съ? Тутъ всего тринадцать парсонъ, а мѣстовъ всѣхъ восемьнадцать. Будетъ гдѣ сѣсть; да и господа̀ пожмутся. Пожалуйте.

ЧУВ. ДАМА.

Тринадцать!.. Это ужасно!..

(Всѣ тѣснятся, **ЧУВ. ДАМА** входитъ и съ недовольнымъ видомъ садится съ правой стороны, подлѣ **Г-НА ВЪ ЧАЛМѢ**.)

ЧУВ. ДАМА, въ дверцы, посторопнему офицеру.

Вообразите! Насъ здѣсь четырнадцать... Какъ сельди въ боченкѣ!.. Какая духота... C'est affreux.

ПОСТОР. ОФИЦЕРЪ, пожимая плечами.

Que faire, madame! Это, такъ сказать, общая участь (улыбается). Au plaisir de vous revoir...

(Шаркаетъ и отходитъ прочь).

ЧУВ. ДАМА.

Bon jour! (кондуктору). Что же ты не ѣдешь? Пора ѣхать.

КОНДУКТОРЪ.

Сейчасъ. (Кучеру) Веди поить лошадей.

ВСѢ съ ужасомъ.

Какъ? Еще лошади не поены? Еще не запряжены? Когда же мы поѣдемъ? Кондукторъ! На что это похоже? Это чортъ знаетъ что такое. (Смотрятъ въ окно; мимо ведутъ четырехъ клячь). Это просто гадость!

КУПЕЦЪ въ свою очередь.

Мѣшковатенько, мѣшковатенько.

КОНДУКТОРЪ.

Сей моментъ! Сей моментъ! Вѣдь не ѣхать же не нимши.

Г-ДА ИКСЪ и **ЗЕГЪ** въ окно.

Фридрихъ! Фридрихъ!

III.

Въ дверцахъ, подобно полной лунѣ, появляется лицо **СЛОНООБРАЗНАГО ГОСПОДИНА**. Всѣ смотрятъ на него съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ ужасомъ. Слышны восклицанія: *«не-уже-ли это сюда? Не можетъ быть!»* **СЛОНООБРАЗНЫЙ ГОСПОДИНЪ** становится на подножку и лѣзетъ въ омнибусъ. **ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ ДАМА** блѣднѣетъ, и съ словомъ *Боже!* прячется въ уголъ. **КОНДУКТОРЪ** подсаживаетъ слонообразнаго господина, который напираетъ болѣе на лѣвую сторону. Пассажиры лѣвой стороны тѣснятся, жмутся и кряхтятъ. **СЛОНООБРАЗНЫЙ ГОСПОДИНЪ** сѣлъ, омнибусъ сильно покачнулся на лѣвую сторону. **ЧУВ. ДАМА** вскрикиваетъ, **СОНЛИВЫЙ Г-НЪ** открываетъ глаза. Всѣ продолжаютъ пожиматься и съ ужасомъ оглядывать **СЛОНООБРАЗНАГО ГОСПОДИНА.**

ЧУВ. ДАМА.

Ахъ, Боже мой! Да гдѣ же еще помѣстятся три пассажира? Какъ же мы будемъ сидѣть?

(Хочетъ плакать.)

СЛОНООБР. Г-НЪ

оглядываетъ всѣхъ съ вопрошающимъ видомъ, и послѣ нѣкотораго размышленія, приподнявшись къ дверцамъ:

Кондукторъ!

КОНДУКТОРЪ.

Чего изволите?

СЛОНООБР. Г-НЪ.

Есть еще мѣста?

КОНДУКТОРЪ.

Есть.

СЛОНООБР. Г-НЪ.

Много ли?

КОНДУКТОРЪ

считаетъ пассажировъ про себя.

Три, четыре, семь, десять, тринадцать (громко). Три.

НѢКОТ. ГОЛОСА.

Какъ три? Помилуй, что ты! Не-уже-ли еще трое?

Г-НЪ ИКСЪ.

Помни, что одно мѣсто ужь продано. Тотъ господинъ, что́ тамъ: онъ сейчасъ пріидетъ.

КОНДУКТОРЪ.

Да, да, точно-съ. Такъ! еще есть два мѣста; точно, два мѣста. Такъ точно!

СЛОНООБР. Г-НЪ вынимаетъ деньги.

Дай мнѣ еще одно.

КОНДУКТОРЪ.

Вамъ-съ? То-есть... за кого-же? Али кто пріидетъ еще?.. Братецъ вашъ?..

СЛОНООБР. Г-НЪ.

Для меня.

КОНДУКТОРЪ.

То-есть...

СЛОНООБР. Г-НЪ.

Для меня одного. Бери же.

Бросаетъ ему деньги.

КОНДУКТОРЪ про себя.

Знатная птица! На одномъ мѣстѣ и сидѣть не хочетъ!

IV.

ТѢ ЖЕ и ГЕРОЙ;

волоса всклочены; сюртукъ въ мѣлу. Глаза нѣсколько на искосѣ. Лѣзетъ по ногамъ, пробираясь къ наперсникамъ и ни передъ кѣмъ не извиняется.

ЧУВ. ДАМА въ полголоса.

Ну, вотъ и еще одинъ!

ГЕРОЙ,

услышавъ, останавливается по-срединѣ, и обращаясь къ дамѣ, хладнокровно:

Одинъ, а не два.

Пробирается дальше и садится между г-дами Иксъ и Зетъ.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ тихо г-ну съ палкой.

Не слышишь ли ты чего-нибудь?..

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ, нюхая воздухъ.

И очень... Кажется какъ-будто понесло кабакомъ.

Нѣкоторые пассажиры, смотря на **Г-НА СЪ ПАЛКОЙ**, тоже начинаютъ нюхать воздухъ.

ГЕРОЙ,

выдаваясь впередъ, никого и ничего не замѣчая, громко кондуктору.

Чтожь ти, кондукторъ! Гдѣ твой машина? Заводи... Сколько будетъ часъ?

Наперсники смѣются; дѣти смотрятъ на **ГЕРОЯ** съ любопытствомъ; часы бьютъ половину десятаго. Кондукторъ начинаетъ трубить въ волторну самымъ плачевнымъ образомъ. Омнибусъ трогается съ мѣста и тихо ѣдетъ по аллеѣ. Слышны восклицанія пассажировъ: *«Слава Богу! Наконецъ-то! Ѣдемъ! ѣдемъ!»* Прохаживающіеся останавливаются и смотрятъ).

ГЕРОЙ.

Ну, вотъ, вотъ!.. Пошла!.. Пошла!.. А я не до-

кончилъ. 35 и 28. Жолтый посредину — пафъ! и мой партій!..

Кондукторъ трубитъ, идя пѣшкомъ за омнибусомъ. Лошади чуть плетутся шагомъ.

ГЕРОЙ.

Труби! Труби! Я сказалъ полпартій за мной! Полпартій въ будущій разъ! А онъ дуракъ, не можетъ понимайтъ, что значитъ въ будущій разъ! Ге!

Дѣлаетъ гримасу. **ДѢТИ** смѣются. Нѣкоторые изъ пассажировъ переглядываются; **СОНЛИВЫЙ Г-НЪ** закрываетъ глаза. **КОНДУКТОРЪ** трубитъ.

ГЕРОЙ, высовываясь въ окошко.

Труби не труби!.. Ага!.. Ты братъ не Рубини, ты трубини!.. Ге!

Дѣлаетъ еще гримасу. Дѣти хохочатъ.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Что это за персона́жъ?

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Нѣмецъ; отъ него страшно начинаетъ вонять.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

А вотъ, погоди, какъ его растрясетъ!.. Пріятно будетъ дамамъ.

КОНДУКТОРЪ трубитъ.

ГЕРОЙ машетъ ему рукой.

Не труби! Не труби!.. Уже всѣ коровъ здѣсь...

ДѢТИ хохочатъ громко; **НАПЕРСНИКИ** радостно смѣются; **ДАМА СРЕД. РУКИ** кусаетъ губы; **ЧИНОВНИКЪ**, взглянувъ на нее, пожимаетъ плечами; **ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ ДАМА** морщится. **Г-НЪ ВЪ ЧАЛМѢ** сохраняетъ неподвижное величіе.

ЧУВ. ДАМА,

обращаясь къ пассажирамъ неопредѣленно.

Кто этотъ молодой человѣкъ?

(Молчаніе).

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ г-ну съ палкой.

Недурно!... Очевидно, что онъ будетъ нашимъ героемъ.

КОНДУКТОРЪ трубитъ въ послѣдній разъ прежалобно; потомъ садится возлѣ дверецъ. Омнибусъ выѣзжаетъ изъ парка на шоссейную дорогу и начинаетъ ѣхать рысью. Шумъ. Шляпа падаетъ съ головы **СОНЛИВАГО Г-НА** и катится къ ногамъ **СКРОМ. ДѢВИЦЫ. Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ** смотритъ на шляпу и въ то же время на **СКРОМ. ДѢВИЦУ. СКРОМ ДѢВИЦА** смотритъ па шляпу и въ то же время на **Г-НА СЪ ПАЛКОЙ.** Оба улыбаются.

ГЕРОЙ машетъ руками.

Ага! Пошла! пошла! Вотъ какъ машина: Фу! Фу! Фу! Фу!.. Трбрру... го!.. го!..

СОНЛИВ. Г-НЪ, съ испугомъ просыпаясь.

А! Что?

ГЕРОЙ,

обращаясь къ **СОНЛИВ. Г-НУ,** который между тѣмъ поднялъ шляпу и поставилъ ее на колѣно.

Вы имѣете страхъ? А?.. ничего!.. Машина бравый, аглицкій... Фу! фу! фу!.. Черезъ пять часовъ будемъ на заставъ. Ге!

Дѣлаетъ третью гримасу. **ДѢТИ** хохочатъ громко; мать удерживаетъ ихъ. Сосѣди отворачиваются; **СОНЛИВЫЙ Г-НЪ** закрываетъ глаза.

ОФИЦЕРЪ, посматривая на героя.

Что онъ пьянъ, что-ли?

ЧУВ. ДАМА.

Ахъ, не-уже-ли? Я боюсь...

V.

Извнѣ слышенъ крикъ: *«Есть мѣсто?»* И отвѣтъ кондуктора *«Есть»*. Омнибусъ останавливается, пассажиры приходятъ въ тревогу. Отворяются дверцы и входитъ **Г-НЪ СЪ СТЕКЛЫШКОМЪ,** маленькая, худенькая фигурка. Учтиво поклонившись **ЧУВ. ДАМѢ,** онъ легко усаживается подлѣ нея.

ГЕРОЙ.

Ага! Еще одинъ... Теперь ужь все стадо... Кондукторъ! Прячьте ваши роги. . Ну пошелъ!

Омнибусъ ѣдетъ. **Г-НЪ СЪ СТЕКЛ.** осматриваетъ всѣхъ, потомъ устремляетъ свое стеклышко на **ГЕРОЯ.**

ГЕРОЙ, смотря на него.

Ну, что тутъ? Какой имѣетъ наблюденіе?

(Г-да Иксъ и Зетъ шепчутъ ему что-то на ухо).

ГЕРОЙ.

Какъ?.. (Нахмуриваетъ брови и подымаетъ чубъ). Ни-

кто не можетъ!.. Я свой мѣста имѣю... Какое наблюденіе! (Начинаетъ пѣть и покачиваться). Тра! ла! ла!

Г-НЪ СЪ СТЕКЛЫШКОМЪ продолжаетъ смотрѣть на героя. Шляпа падаетъ съ колѣнъ **СОНЛИВАГО ГОСПОДИНА**. Онъ продолжаетъ спать, стучась головой объ раму окна. **Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ** и **СКРОМНАЯ ДѢВИЦА** опять пересмѣиваются — по поводу шляпы.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ г-ну съ палкой.

Однако, этотъ господинъ начинаетъ допекать его сильно! Смотри, какъ его коробитъ.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Чувствительное самолюбіе Нѣмца оскорбилось.

ГЕРОЙ,

забывая всякое приличіе, машетъ руками, стучитъ ногами и проч.

Трала, ла, ла, ла!... Важный особа... Тоже наблюденіе показуетъ... и стекла имѣетъ! У меня битыхъ много. Двадцать-пять оконъ... Ге!

Дѣлаетъ гримасы и плюетъ; въ омнибусѣ распространяется сильный винный запахъ. Пассажиры приходятъ въ негодованіе.

ЧУВ. ДАМА къ офицеру.

Вѣдь эдакъ онъ пожалуй начнетъ... Я боюсь... Скажите ему...

ОФИЦЕРЪ хладнокровно.

Ничего, сударыня.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ въ-полголоса.

Пора бы его вывесть.

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ПАССАЖИРОВЪ.

Вывесть, право! Посмотрите...

ВСѢ.

Вывесть! Вывесть! Это неприлично. Кондукторъ! Стой!

Смутный шумъ. Омнибусъ останавливается. **КОНДУКТОРЪ** отворяетъ дверцы. **Г-НЪ СЪ СТЕКЛЫШКОМЪ**, видя, что наступаетъ рѣшительная минута и взоры всѣхъ устремлены на **ГЕРОЯ**, уходитъ. Тишина.

ГЕРОЙ.

Ну, что это? Какой остановка?

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ПАССАЖИРОВЪ
герою, довольно робко.

Выходите.

ГЕРОЙ выпучиваетъ глаза.

Какъ?.? выходите?

ДРУГІЕ смѣлѣе.

Да, да! Выходите, выходите!

ГЕРОЙ грозно и очень громко.

А зачѣмъ?

Молчаніе.

СОНЛИВЫЙ ГОСПОДИНЪ, во снѣ.

Не Турокъ...

Всѣ смѣются. Онъ просыпается и странно осматриваетъ всѣхъ.

Что это значитъ? Зачѣмъ мы остановились?

ГЕРОЙ.

Ну, сдѣлайте милость, спросите! Я уже спросилъ.

ГОСПОДИНЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Вы хотѣли выдти; такъ выходите!

ВСѢ.

Да, да! Вы хотѣли выходить.

ГЕРОЙ величественно.

Ай!... Я хотѣлъ выходить? Ну, теперь знайте: я не хочу! Пошелъ!

Машетъ повелительно рукою и свиститъ. Омнибусъ трогается съ мѣста. Толчекъ. **Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ И СКРОМНАЯ ДѢВИЦА** пошатнулись въ особенности, при чемъ послѣдняя, улыбаясь, потупляетъ взоры. **СОНЛИВЫЙ Г-НЪ** ставитъ шляпу себѣ подъ-ноги и закрываетъ глаза.

ГЕРОЙ, торжествуя.

Я хочу... Ага! я хочу... Можетъ я еще больше захочу... Ла, ла, ла! фю, фю, фю!...

Мигаетъ **СКРОМНОЙ ДѢВИЦѢ** и дѣлаетъ ей разные знаки.

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ПАССАЖИРОВЪ.

Что же, господа! Надо его вывесть. (Къ нему.)

М. г.! Вы непристойно ведете себя. Вы оскорбляете дамъ. Здѣсь есть дамы!

ЧИНОВНИКЪ, подъ общій шумъ.

Вы дѣлаете безчинство.

КУПЕЦЪ-БОРОДА

хочетъ что-то сказать, но вмѣсто словъ издаетъ странный рыкъ.

Ирр!... Просимъ прощенья.

Закрываетъ ротъ и потомъ поглаживаетъ бороду.

ДѢВОЧКА, шопотомъ.

Маменька! Ахъ какъ вдругъ завоняло лукомъ?

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ герою.

Вы неприлично ведете себя.

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ПАССАЖИРОВЪ.

Оскорбляете всѣхъ насъ.

ГЕРОЙ

вслушивается въ общій говоръ и поймавъ слово: *оскорбленіе.*

Оскорбляете? Га!... Кондукторъ! Стой!

Встаетъ на ноги. Омнибусъ останавливается.

ЧУВ. ДАМА, съ крикомъ.

Ah, quelle histoire!

Выскакиваетъ на подножку.

ГЕРОЙ, величаво обращаясь ко всѣмъ.

Вы, милостивый государи, говорить, что я оскорб-

ляй... Кто говоритъ? Начинай первый! Кто говоритъ? Молчаніе. Никто не отвѣчаетъ.

ГЕРОЙ,

обращаясь къ **ДАМѢ СРЕД. РУКИ**. Дѣти жмутся со страха.

Я васъ, милостивый государыня, оскорбилъ?

ДАМА СРЕД. РУКИ отворачивается молча.

ГЕРОЙ.

Нѣтъ? (къ чиновнику.) Отвѣчайте мнѣ, милостивый государь — я васъ оскорбилъ?

Чиновникъ потупляетъ глаза и разсматриваетъ наконечникъ палки г-на съ палкой.

ГЕРОЙ къ г-ну съ палкой.

Я васъ оскорбилъ?

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Меня вы оскорбить не можете; но здѣсь есть дамы.

ГЕРОЙ, размахивая руками.

Ну, какъ же это вы говорите! Ну, помилуйте! Вѣдь вы не дама!... Пошелъ! (Молчаніе.) Пошелъ! Эй, кондукторъ! Мнѣ есть важный должность: будешь отвѣтитъ!..

ЧУВ. ДАМА входитъ; **КОНДУКТОРЪ** закрываетъ дверцы, омнибусъ трогается.

ГЕРОЙ во всю глотку.

Ага!.. Какой есть особы важни!.. Оскорбляйтъ!.. Тра, ла, ла, ла... (поетъ.)

Saufen Bier und Brantewein,
Schmeissen alle Fenstern ein...

Г-ДА ИКСЪ И ЗЕТЪ что-то шепчутъ ему на-ухо.

ГЕРОЙ съ досадой.

Уйдить къ чорту! Развѣ мой деньги хуже? Развѣ я далъ кожаны поговицы, а эти господа золотой? Я такое же мѣсто имѣю. Ага! — (Смотритъ на всѣхъ дерзко, потомъ въ окно:) Эй, извощикъ! Тфу!...

(Плюетъ, и схватившись за ремни сверху, раскачиваетъ омнибусъ и поетъ:)

Ich bin liederlich,
Du bist liederlich,
Sind wir nicht liederlich Leute, a?!

ЧУВСТВ. ДАМА.

Ахъ, Боже мой! онъ насъ переверпетъ!

СКРОМНАЯ ДѢВИЦА.

Ай, что это? (Смотритъ на **Г-НА СЪ ПАЛКОЙ** и смѣется.)

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Ничего. (Смотритъ на **СКР. ДѢВИЦУ** и смѣется. Омнибусъ качается.)

СОНЛИВЫЙ ГОСПОДИНЪ, во снѣ.

Ай, батюшки!... не удержалъ...

Просыпается; шляпа его катается подъ ногами пассажировъ, онъ беретъ ее, и надѣваетъ туго на голову.

ГЕРОЙ.

Не удержалъ?... ай, ай, ай... Хорошо!

Наперсники смѣются. СОНЛИВЫЙ Г-НЪ смотритъ на ГЕРОЯ недоумѣвающимъ взоромъ, потомъ закрываетъ глаза.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Нѣмецъ торжествуетъ; а быть ему въ будкѣ. Ужь не одинъ будочникъ посматривалъ на него двусмысленно.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Я буду душевно радъ. Смотри, смотри!

ГЕРОЙ мимо-проходящей дамѣ.

Эй, душечка!... Ты очень хорошо... Ага! иди сюда... Ппп!... (Дѣлаетъ ей ручку.)

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ПАССАЖИРОВЪ
съ негодованіемъ.

Это ни на что не похоже! Это изъ рукъ вонъ!

ГЕРОЙ
смотритъ на нихъ блуждающими глазами. Онъ совершенно пьянъ.

Иммъ?... Гле-è?...

МНОГІЕ рѣшительнымъ тономъ.

Да, да! это срамъ! Надо его вывесть! Стой! Кондукторъ! Стой!

ГЕРОЙ, блѣднѣя.

Что-о-ó?

Омнибусъ останавливается, народъ мало-по-малу собирается вокругъ.

СЛОНООБР. Г-НЪ, хладнокровно.

Кондукторъ! выведи этого господина.

(Указываетъ на **ГЕРОЯ** пальцемъ; наперсники прижимаются къ стѣнкѣ).

ЧУВ. ДАМА.

Творецъ!.. я умру нынче.

(Вскакиваетъ).

КОНДУКТОРЪ, робко герою.

Пожалуйте.

ГЕРОЙ старается сдѣлать видъ, будто не слышитъ.

КОНДУКТОРЪ.

Пожалуйте, сударь, васъ просятъ.

ГЕРОЙ.

Меня? а зачѣмъ?

КОНДУКТОРЪ.

За тѣмъ что...

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ПАССАЖИРОВЪ.

Вы неприлично себя ведете!

КОНДУКТОРЪ.

Точно такъ-съ, неприлично ведете.

ВСѢ.

Да, да, неприлично! Выходите!

ГЕРОЙ,

одной рукой вздымая чубъ, другой подбоченясь.

Ну, еще!.. Ха, ха, ха, ха!.. Вотъ какъ!.. Я не знай приличіе!.. Ха, ха, ха!.. Я дурно веду себѣ. . Меня вывесть!.. Ха, ха, ха! Ну, что же? Кто не осмѣлиться? (Кондуктору съ угрозой). Ты отвѣщай, развѣ я не заплатилъ такой же денегъ? Эти господа больше платили? Ты отвѣщай!

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Выходите, сударь, выходите; вы неприлично себя ведете.

ГЕРОЙ.

Какъ смѣете говорить? Какой есть приличіе?.. Можетъ-быть лучше васъ знаемъ обращеніе въ обществѣ! Вы, можетъ-быть, не знаете обращеніе обществѣ! Мы у всѣхъ бываемъ, и есть получше графи и князи, у которыхъ бываемъ... Да! Э, ме, ме!.. (передразниваетъ всѣхъ, потомъ къ г-ну въ очкахъ). А вы, милостивый государь, кто вы такой?

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Убирайтесь вонъ!

ГЕРОЙ.

Сами выходите прочь. А-а!.. Что вы въ очкахъ, такъ и важная птица! Нѣтъ! Тбрру!.. Надъ нами нельзя такъ вальцировать!

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Выходите же, м. г., а не то мы позовемъ будочника, и онъ васъ вытащитъ отсюда.

ГЕРОЙ.

Будочникъ!.. Попробуй!.. Я васъ самъ всѣхъ посажу въ полицію. Я никого не боюсь!

МНОГІЕ ИЗЪ ПАССАЖИРОВЪ.

Выходите, выходите! Вы задерживаете экипажъ; вы шумите, вы дѣлаете неблагопристойности.

ЧИНОВНИКЪ, подъ общій шумъ.

Вы затѣваете бунтъ, бунтъ!

КУПЕЦЪ.

Не годится, почтеннѣйшій!

ГЕРОЙ, обращаясь ко всѣмъ.

Мм. Гг! Позвольте вамъ сказать — идите сами прочь! (Вынимаетъ бумажникъ. Кондуктору) Здѣсь сто рублей — я плачу за всѣхъ! выходите!

СЛОНООБР. Г-НЪ хладнокровно.

Милостивый государь! Если вы сію минуту не выйдете вонъ, я васъ выкину въ окошко.

Общее молчаніе.

ГЕРОЙ,

поражениый, нѣкоторое время молчитъ; потомъ гораздо тише.

Выкину въ окошку... (подвигается впередъ) Я не какой нибудь ветошка... Я не пойду! (подвигается еще) Здѣсь сто рублей серебромъ. Всѣ мѣста откуплю на цѣлую недѣлю!.. Никто не поѣдетъ... Въ окошко!.. (подвигается еще: всѣ пятятся и жмутся въ сторону).

Попробуй!.. я не хочу идти. (подвигается) Развѣ кто другой лучше... Въ окошко! (у дверецъ) важная персона, что онъ выше адмиралтейской шпицъ.

Соскакиваетъ.

*

ЧУВ. ДАМА внѣ омнибуса.

Ай!

Поспѣшно вскакиваетъ въ омнибусъ. Кондукторъ захлопываетъ дверцы и кричитъ «пошелъ».

ГЕРОЙ бѣжитъ за экипажемъ.

Стой!.. Какъ смѣешь? На цѣлый годъ откуплю!.. Вотъ сто рублей серебромъ! На цѣлый годъ! Всѣхъ посажу въ часть...

Народъ разступается; **ГЕРОЙ** беретъ извощика и провожаетъ омнибусъ, грозя по временамъ кулакомъ кондуктору.

Сцена третія.

I.

(Въ омнибусѣ безъ героя. Общее молчаніе; потомъ мало-по-малу начинаются разговоры.)

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ г-ну въ очкахъ.

Посмотри, какъ присмирѣли дѣти. Это останется надолго въ ихъ памяти.

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Да, хорошее воспоминаніе.

ДАМА СРЕД. РУКИ чиновнику.

А этотъ господинъ ѣдетъ за нами. Я боюсь, чтобъ онъ при выходѣ не сдѣлалъ намъ какихъ-нибудь непріятностей.

ЧИНОВНИКЪ галантерейно.

О, не извольте опасаться, сударыня. Пьяный, какъ бы ужь онъ ни былъ... того-съ... все ужь пьяный, и трезвый всегда имѣетъ предъ нимъ преферансъ.

ДАМА СРЕД. РУКИ.

Но...

ЧИНОВНИКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ-съ, повѣрьте. Одно только слово — *пьяный*... Впрочемъ (значительно) я полагаю, что этотъ господинъ не былъ-съ... такъ сказать...

ДАМА СРЕД. РУКИ.

Вы полагаете?..

ЧИНОВНИКЪ.

Да-съ, да-съ. Это только такъ-съ... Тутъ было другое... (еще значительнѣе) Я полагаю... гмъ! гмъ!..

ДАМА СРЕД. РУКИ съ удивленіемъ.

Скажите!..

Качаетъ головой.

ГЕРОЙ,

рядомъ съ омнибусомъ на дрожкахъ, грозитъ пассажирамъ кулакомъ.

Вы думаете — кончилъ балъ!.. Нѣтъ, постой!.. Я покажу!..

ЧУВ. ДАМА.

Скажите, не-уже-ли онъ еще будетъ срамить насъ въ городѣ? Онъ указываетъ на насъ пальцемъ...

ОФИЦЕРЪ.

Удивляюсь, какъ его не взяли еще въ полицію.

КУПЕЦЪ-БОРОДА.

Должно быть не замѣтили.

ОФИЦЕРЪ.

Что?

КУПЕЦЪ-БОРОДА.

Я говорю... (Опять издаетъ странный звукъ) Ирр!.. Извините! Я говорю: должно быть не замѣтили.

ЧУВ. ДАМА.

И какъ позволяютъ всякому сброду, Богъ-знаетъ откуда... (поражается запахомъ лука и рѣдьки) Фи! откуда это?..

Смотритъ на купца и въ негодованіи затыкаетъ носъ.

ЧИНОВНИКЪ.

Нужно бы, я полагаю, вотъ здѣсь (показываетъ на заднюю стѣну омнибуса) прибить правило, какъ долж-

но благоприлично обращаться. Тогда бы этого не случилось. Зашумѣлъ; а ему и показать правило: дискать, вотъ, извольте посмотрѣть...

Г-НЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

Когда нельзя вбить въ голову правилъ, такъ безполезно прибивать ихъ на стѣны.

ЧИНОВНИКЪ.

Ге, ге, ге... Оно такъ точно, но вотъ изволите видѣть...

ГЕРОЙ, внѣ.

Всѣхъ посажу въ полицію!..

ДѢВОЧКА.

Маменька! скоро мы пріѣдемъ?

ДАМА СРЕД. РУКИ.

Сейчасъ.

ДѢВОЧКА.

А этотъ господинъ... сердитый... онъ опять будетъ на насъ кричать?

ДАМА СРЕД. РУКИ.

Нѣтъ, душечка.

ДѢВОЧКА.

А вотъ этотъ (указываетъ на сопливаго г-на). Онъ здѣсь останется?

ДАМА СРЕД. РУКИ.

Молчи.

ДѢВОЧКА.

А кто же его разбудитъ?

ГЕРОЙ,
подъѣхавъ къ самому окну, во все горло.

Ага!.. Нѣтъ! Тбрру!..

СОНЛИВЫЙ Г-НЪ, просыпаясь въ испугѣ.

Что? что такое? (осматривается) Чортъ возьми! Да когда же мы пріѣдемъ!

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

А вотъ, пріѣхали.

Омнибусъ останавливается на Невскомъ.

КОНДУКТОРЪ,
отворяя дверцы, къ чувствительной дамѣ.

Пожалуйте.

(Чув. дама собирается выходить).

ГЕРОЙ,
соскочивъ съ дрожекъ, къ кондуктору.

Нѣтъ, постой!.. А!.. ты смѣлъ! Эй, полиція!

ЧУВ. ДАМА.

Ахъ, какой срамъ!

Прячется въ омнибусъ.

КОНДУКТОРЪ, герою.

Пустите-съ, сударь. Мнѣ нѣкогда.

ГЕРОЙ.

Нѣкогда! увидимъ!.. Эй, господинъ гожалый!

Возлѣ омнибуса собирается толпа. Хожалый и два полицейскіе солдата подходятъ.

ЧУВ. ДАМА.

Боже, что съ нами будетъ!

СЛОНООБР. Г-НЪ.

Не безпокойтесь, сударыня. Позвольте только мнѣ выйти. (Вылазитъ съ трудомъ; къ полицейскимъ).

Возьмите этого сапожника. Онъ не давалъ намъ покоя цѣлую дорогу.

Солдаты схватываютъ героя.

ГЕРОЙ.

Сапожника?.. Нѣтъ, не свисти!.. Пустите.... Я не сапожникъ. Можетъ-быть, онъ сапожникъ, его батюшка сапожникъ... А я не сапожникъ. Я никогда дратвы не имѣлъ на рукахъ... Я не позволю... Сто рублей серебромъ... Пусти! Будетъ отвѣчать.

Скрывается въ отдаленіи, ведомый двумя полицейскими солдатами. Пассажиры и толпа расходятся. Темнѣетъ.

II.

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ

въ слѣдъ за уходящей скромной дѣвицей.

Куда вы идете?

СКРОМНАЯ ДѢВИЦА.

А вамъ на что?

Г-НЪ СЪ ПАЛКОЙ.

Можетъ быть намъ по дорогѣ.

СКРОМНАЯ ДѢВИЦА.

Разумѣется не по крышѣ.

(Исчезаютъ).

III.

КОНДУКТОРЪ,

подходя къ кучеру, который, между тѣмъ, распрягъ лошадей и убираетъ возжи.

Не хочешь ли, Ерёма?

Подаетъ раскрытую табакерку.

КУЧЕРЪ.

Благодарствую. (нюхаетъ) А что братъ, Пантелей, кажись мы замѣшкали. Что за гисторія?

КОНДУКТОРЪ, тоже нюхая.

Да гисторія. Вишь господа не поладили за что-то. Одинъ говоритъ: ты выходи, а другой, нѣтъ ты.

КУЧЕРЪ.

Ну?

КОНДУКТОРЪ.

Ну одного и вывели; а онъ и осерчалъ, да и давай... того... загинать.

КУЧЕРЪ.

Знать былъ выпимши.

КОНДУКТОРЪ.

Кажись нѣтъ; а можетъ... Кто ихъ разберетъ!..

КУЧЕРЪ.

Какъ же нѣтъ? Знать былъ, когда повели подъ ручку, какъ иной разъ и нашего брата. (Качаетъ головой) То-то вѣдь пословица говоритъ: пей, да ума не пропей.

КОНДУКТОРЪ.

Правда...али: языкомъ хоть того... а рукамъ воли не давай! — Ну, я пойду, а ты скоро?

Уходитъ въ ближайшее *заведеніе.*

КУЧЕРЪ.

Приду.

Уводитъ лошадей.

ГОВОРИЛИНЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ЛИТЕРАТУРА.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Выраженія : *петербургская литература*, *московская литература*, совсѣмъ не такъ неумѣстны и произвольны, какъ обыкновенно думаютъ тѣ, которые признаютъ только русскую литературу. Конечно, нѣтъ спора, что такіе писатели, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, принадлежатъ Россіи, а отнюдь не Петербургу и не Москвѣ, и должны называться русскими, а не петербургскими, или московскими писателями. Прошло уже то время, когда обѣ наши столицы считались между собою писателями, каждая усиливаясь присвоить себѣ знаменитаго писателя, и когда Москва печатно доказывала, что такой-то поэтъ воспитывался въ ней, а Петербургъ отвѣчалъ, что этотъ поэтъ родился и провелъ въ немъ большую часть своей жизни. Что за вздоръ! И. А. Крыловъ

по преимуществу гражданинъ Петербурга, русскаго города, основаннаго на нѣмецкой землѣ, и наполовину наполненнаго Нѣмцами и преисполненнаго иноземными обычаями; а между-тѣмъ, укажите на другаго писателя, который бы и родился, и выросъ, и жилъ, и умеръ въ Москвѣ, и больше Крылова былъ бы народенъ, больше Крылова былъ бы русскій писатель. Всѣ другіе писатели, по-большой-части, равно принадлежатъ и Петербургу и Москвѣ: одинъ родился въ Петербургѣ, но воспитывался въ Москвѣ, другой жилъ и писалъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ; многіе, родившись и проведя дѣтство въ провинціи, окончательно воспитывались, жили и писали то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Лермонтовъ, на-примѣръ, родился и провелъ свое дѣтство въ Пензенской-Губерніи; потомъ учился въ Московскомъ Университетѣ и, не окончивъ въ немъ курса наукъ, перешелъ въ Петербургъ, въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ. Пушкинъ родился въ Псковской Губерніи, воспитывался въ Петербургѣ и жилъ большею частію въ немъ же; но это не мѣшало ему ни знать, ни любить «родной Москвы», какъ называлъ онъ ее.

Со всѣмъ тѣмъ, нельзя не признать, что и на великихъ писателей имѣетъ вліяніе исключительное

гражданство той или другой столицы. Поэтъ, который болѣе сжился бы съ нравами московскими и менѣе былъ бы гражданиномъ Петербурга, чѣмъ Пушкинъ, или не написалъ бы «Онѣгина», или написалъ бы его иначе. Многія изъ замѣчательнѣйшихъ пьесъ Гоголя показываютъ, что этотъ писатель провелъ въ Петербургѣ одну изъ самыхъ свѣжихъ и впечатлительныхъ эпохъ своей жизни. Печать Петербурга видна на большей части его произведеній, не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобъ онъ Петербургу обязанъ былъ своею манерою писать, но въ томъ смыслѣ, что онъ Петербургу обязанъ многими типами созданныхъ имъ характеровъ. Такія пьесы, *какъ Невскій Проспектъ*, *Записки Сумашедшаго*, *Носъ*, *Шинель*, *Женитьба*, *Утро Дѣловаго Человѣка*, *Разъѣздъ*, могли быть написаны не только человѣкомъ съ огромнымъ талантомъ и геніальнымъ взглядомъ на вещи, но и человѣкомъ, который при этомъ знаетъ Петербургъ не по наслышкѣ. Вообще жизнь въ Петербургѣ много способствуетъ развитію юмористическаго и сатирическаго направленія великихъ талантовъ. *Горе отъ Ума* хотя и посвящено изображенію Москвы, однако могло быть написано опять-таки петербургскимъ человѣкомъ. Скажемъ болѣе: даже въ жосткомъ,

холодно-безотрадномъ и страстно-ироническомъ колоритѣ поэзіи Лермонтова мы видимъ признакъ того, что лучшіе годы поэта были проведены въ Петербургѣ. Если бы эти писатели провели большую часть своей жизни, особенно свою молодость, въ Москвѣ, можно не безъ основанія предположить, что въ ихъ произведеніяхъ было бы больше мягкости и спокойствія, больше положительныхъ, нежели отрицательныхъ элементовъ, а потому самому меньше глубины и силы. Здѣсь опять является во всей своей рѣзкости разница обѣихъ столицъ и ихъ противоположное значеніе.

Если преимущественное гражданство того или другаго города можетъ имѣть такое вліяніе на произведенія великихъ талантовъ, которыхъ назначеніе: быть представителями національнаго духа — то изъ произведеній талантовъ обыкновенныхъ еще болѣе видно, къ какому изъ двухъ городовъ принадлежатъ эти таланты. Въ этомъ отношеніи, существованіе петербургской и московской литературы еще менѣе подвержено сомнѣнію, нежели существованіе русской литературы. Литературу какого-нибудь народа должно искать не въ однихъ только произведеніяхъ великихъ талантовъ, но и въ общей ежедневной производительности всѣхъ ея

великихъ талантовъ, это итогъ литературы, чистый приходъ ея, за вычетомъ расхода, послѣдній результатъ ея внутреннихъ процессовъ. Міръ журналистики обыкновенно почти ничего не представляетъ для такихъ *итоговъ*, потому-что всѣ произведенія необыкновенныхъ талантовъ, помѣщаемыя въ журналахъ, потомъ издаются особо, а все остальное въ журналахъ имѣетъ интересъ современный, слѣдовательно относительный. И однакожь, это нисколько не отрицаетъ вліянія журналовъ на ходъ общественнаго образованія и просвѣщенія, а слѣдовательно и ихъ важности. И потому журналистка составляетъ важную сторону всякой литературы. Обыкновенные таланты, часто столь неважные въ глазахъ потомства, весьма важны для своихъ современниковъ: они имѣютъ на нихъ большое вліяніе, потому-что служатъ посредниками между толпою и геніальными писателями, приближая новыя идеи, порождаемыя великими писателями, къ понятію массъ.

Съ этой точки зрѣнія на литературу вообще, разница между петербургскою и московскою литературою довольно велика.

Въ статьѣ «Александрынскій-Театръ» мы старались показать, чѣмъ отличается театральная петер-

бургская публика отъ театральной московской публики: почти то же различіе существуетъ и между читающею публикою въ обѣихъ столицахъ. Въ Петербургѣ вообще читаютъ больше, чѣмъ въ Москвѣ, такъ же какъ и въ театръ ходятъ больше, чѣмъ въ Москвѣ. Въ смыслѣ общественнаго прогресса, въ этомъ отношеніи, преимущество остается за Петербургомъ; по искусству и литературѣ, особенно въ настоящее время, отъ этого выгоды не много. Въ Петербургѣ всѣ читаютъ. Мы не имѣемъ нужды объяснять, что́ мы разумѣемъ подъ словомъ *всѣ:* кому не извѣстно, что Петербургъ *весь* состоитъ изъ служащаго народа, за которымъ неслужащихъ не видно, слѣдовательно, Петербургъ весь состоитъ изъ людей «образованныхъ». И въ-самомъ-дѣлѣ, трудно было бы найдти въ Петербургѣ человѣка, который, нося фракъ и умѣя читать по-русски, не читалъ бы, напримѣръ, *Сѣверной Пчелы* и *Репертуара*. Въ Москвѣ не такъ: тамъ одни ровно ничего не читаютъ (за исключеніемъ Прибавленій къ Московскимъ Вѣдомостямъ и развѣ, чтобы ужь не даромъ платить за нихъ деньги, — переднихъ статей), а другіе все читаютъ. Число первыхъ огромно, громадно, въ сравненіи съ числомъ вторыхъ. За то между послѣд-

ними въ Москвѣ очень-много людей, которые знаютъ, чтò и для чего читаютъ они, и которые чтеніемъ занимаются какъ дѣломъ. Въ Петербургѣ, чтеніе – образованный обычай, плодъ цивилизаціи. Кому неизвѣстно, что въ Европѣ газеты составляютъ необходимость каждаго грамотнаго человѣка, и что эта необходимость проистекаетъ изъ публичности, составляющей основу европейской жизни? Но кому также не извѣстно, что въ Европѣ — читать газеты совсѣмъ не значитъ заниматься чтеніемъ? Тамъ читаютъ газеты, чтобы каждый день узнать, чтó дѣлается на божьемъ свѣтѣ, какъ у насъ читаютъ газеты, чтобъ знать о производствахъ и подрядахъ. Слѣдовательно, въ Европѣ, газета есть вѣстовщикъ, почтальйонъ, который всѣхъ заставляетъ читать, но котораго никто не считаетъ книгою. И между-тѣмъ, точно такъ большинство петербургской публики читаетъ и газеты, и журналы, и стихи, и романы. Все, чтó надѣлаетъ своимъ появленіемъ большаго шума – все тò Петербуржцу непремѣнно надобно прочесть — безъ того онъ не уснетъ спокойно. «Парижскія Тайны» Эжена Сю, какъ извѣстно, надѣлали на свѣтѣ страшнаго шуму, – и Петербургъ прочелъ ихъ и по-французски и по-русски, и остался въ полной увѣрен-

ности, безъ малѣйшаго сомнѣнія, что эта сказка — безпримѣрно-великое художественное произведеніе. Если бы въ то же время въ Петербургѣ прочли дѣйствительно прекрасное произведеніе, французское или русское, но которое не нашумѣло своимъ появленіемъ, — Петербургу и въ голову не вошло бы, что онъ прочелъ прекрасное произведеніе. Петербургъ любитъ читать все новое, современное, животрепещущее, о чемъ *всѣ* говорятъ; поэтому, онъ читаетъ почти все, что̀ появляется во французскихъ книжныхъ лавкахъ и въ русскихъ журналахъ. Старыхъ писателей Петербургъ очень уважаетъ, если они общимъ голосомъ признаны знаменитыми писателями, но не читаетъ ихъ вовсе, такъ же, какъ и старыхъ книгъ: ему некогда, онъ занятъ новымъ - отъ утреннихъ афишъ и фёльетона *Сѣверной Пчелы* до послѣдняго вновь появившагося романа, повѣсти или драмы. Петербуржцамъ, занятымъ службою, визитами, прогулками по Невскому, вечерами, клубами, театрами и концертами, Петербуржцамъ нѐкогда думать и отличать самимъ истинно-хорошее отъ посредственнаго и дурнаго въ литературѣ: и потому Петербуржцы очень любятъ руководствоваться сужденіями заслуженныхъ авторитетовъ, отъ своихъ начальниковъ до

знакомыхъ критиковъ и рецензентовъ включительно. Авторитетъ критика въ Петербургѣ пріобрѣсти не такъ-то легко, какъ думаютъ: для этого надо сдѣлаться или начальникомъ, или печатать свое имя на разныхъ изданіяхъ или въ разныхъ изданіяхъ, по-крайней-мѣрѣ, лѣтъ двадцать, чтобы глаза всѣхъ примелькались къ нему, какъ къ вывѣскѣ, счастливо помѣщенной на крайнемъ домѣ многоугольной улицы, которой не минуешь, куда бы ни шелъ. Это разумѣется объ авторитетахъ великихъ: маленькимъ авторитетомъ легко сдѣлаться всякому фёльетонисту, всякому рецензенту, но только въ своемъ кружкѣ, между своими пріятелями. Оно, коли хотите, публика небольшая, за то преданная и несомнѣвающаяся въ своемъ сочинителѣ, съ которымъ она часто и ѣстъ и пьетъ вмѣстѣ! Что касается до большихъ авторитетовъ, отъ нихъ требуется если не чина большаго, то чести быть издателемъ журнала, или газеты, имѣющихъ большой ходъ, или, по-крайней-мѣрѣ, чести быть главнымъ сотрудникомъ по части критики въ такомъ журналѣ, или въ такой газетѣ. Внѣшній успѣхъ тутъ всегда — доказательство ума, знанія, таланта и безпристрастія. Но не этимъ только все

оканчивается; есть и еще условіе, и притомъ весьма важное, для пріобрѣтенія авторитета въ качествѣ критика. Мы сейчасъ объяснимъ его: пока журналистъ, или критикъ еще свѣжъ и новъ въ его идеяхъ, на него смотрятъ недовѣрчиво, какъ на выскочку, который захотѣлъ быть умнѣе *всѣхъ*, спорить противъ того, въ чемъ рѣшительно *всѣ* убѣждены. Подобное направленіе здѣсь приписывается не убѣжденію, не самобытному взгляду, не страстной любви къ истинѣ, но пристрастію, неблагонамѣренности и другимъ непохвальнымъ чувствамъ. Но когда литературныя идеи, распространенныя этимъ журналистомъ, или критикомъ, уже утвердятся въ обществѣ и сдѣлаются общими ходячими мѣстами, раны оскорбленныхъ ими самолюбій, за давностію лѣтъ, залечатся, и журналистъ-критикъ начнетъ самъ со славою и успѣхомъ подвизаться въ сочиненіяхъ такого же сорта, какія нѣкогда безпощадно преслѣдовала его критика, вооруженная умомъ и вкусомъ, — тогда, о! тогда онъ авторитетъ несокрушимый, незыблемый, и ему вѣрятъ на слово!.. Въ Петербургѣ сейчасъ же готовы повѣрить статьѣ и такого критика, который не только безъизвѣстенъ въ Петербургѣ, но еще и напалъ на петербургскій авторитетъ; но для этого

необходимо нужно, чтобъ статья надѣлала большаго шуму между безчисленнымъ множествомъ чиновныхъ и литературныхъ авторитетовъ и авторитетиковъ. Если въ Петербургѣ выйдетъ книга, о которой не отозвался ни одинъ критическій авторитетъ, тогда вѣрятъ первой рецензіи, кѣмъ бы ни была она написана. Книга въ ходу, всѣ хвалятъ, всѣ превозносятъ ее; но лишь появилась статья авторитета — книга гибнетъ — ее всѣ бранятъ. Въ полемическихъ перестрѣлкахъ Петербургъ всегда вѣритъ тому, кто сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ, хотя бы и холостымъ зарядомъ. Между писателями въ Петербургѣ такъ же есть свои авторитеты, какъ и между журналистами и критиками. Изъ такихъ можно особенно указать въ прозѣ на Марлинскаго, въ стихахъ на г. Бенедиктова. Съ нѣкотораго времени, эти авторитеты уже не у всѣхъ на языкѣ, но это не столько отъ усилій критики, сколько отъ того, что первый принадлежитъ уже къ старымъ писателямъ, а второй давно уже ничего не пишетъ. За то, Гоголь никогда не имѣлъ чести быть авторитетомъ въ Петербургѣ; мало того: въ Петербургѣ сочиненій Гоголя не любятъ, и его, какъ автора, считаютъ наравнѣ съ Поль-де-Кокомъ за то, что *вѣрно копируетъ* только *низкую*

природу, а петербургская публика средней руки больше всего цѣнитъ въ писателѣ изображеніе сильныхъ страстей на маперъ Марлинскаго и хорошій тонъ въ родѣ того, который блеститъ въ безподобныхъ твореніяхъ ея сочинителей, набравшихся хорошаго тона въ Клубѣ Соединеннаго Общества. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ въ Петербургѣ Гоголя не читали, какъ и вездѣ на Руси. Гоголь пользуется въ Петербургѣ исключительною и, по нашему мнѣнію, самою завидною, самою великою славою: чѣмъ больше его бранятъ, тѣмъ больше его читаютъ. Конечно, и въ Петербургѣ, какъ и вездѣ на Руси, найдется нѣсколько людей, глубоко понимающихъ и глубоко уважающихъ талантъ Гоголя (и Петербургъ не безъ исключеній *въ этомъ родѣ*); но большинство судитъ о немъ такъ, какъ судятъ о немъ въ Петербургѣ «почтенные» люди, т. е. люди извѣстныхъ лѣтъ и уже въ чинахъ. По-этому, есть надежда, что когда теперешнее молодое поколѣніе Петербурга сдѣлается уже пожилымъ и «почтеннымъ» поколѣніемъ, слѣдовательно, пріобрѣтетъ право *смѣть свое сужденіе имѣть*, мнѣніе большинства будетъ рѣшительно въ пользу Гоголя, отъ-чего, впрочемъ, эстетическая образованность общества не слишкомъ двинется

впередъ. Это отъ-того, что всякій Петербуржецъ знаетъ не только имя Байрона, но и то, что это поэтъ мрачный и сатанинскій; Петербуржецъ охотно готовъ, при случаѣ, отпустить нѣсколько громкихъ фразъ во изъявленіе своего высокаго уваженія къ колоссальному генію Шекспира, съ которымъ онъ познакомился въ Александрынскомъ-Театрѣ. Петербуржца нельзя удивить никакимъ именемъ извѣстнаго автора, никакимъ названіемъ извѣстнаго сочиненія, словомъ никакою знаменитостію: онъ все знаетъ, хотя и ничѣмъ этимъ не занятъ внутренно, и ни о чемъ этомъ спорить не будетъ. Если бы онъ и заспорилъ съ вами о чемъ-нибудь, онъ въ оправданіе своего мнѣнія скажетъ вамъ, что вѣдь всѣ такъ думаютъ, а потомъ прибавитъ, изъ вѣжливости, что можетъ-быть и вы правы. И въ-самомъ-дѣлѣ, изъ чего спорить, изъ чего горячиться: вѣдь обо всѣхъ этихъ Байронахъ и Шекспирахъ онъ взялъ готовыя мнѣнія или своего начальника, или другаго какого-нибудь почтеннаго человѣка, или знаменитаго критическаго авторитета, или, наконецъ, своего пріятеля фёльетониста. Съ него довольно, что онъ все знаетъ, обо всемъ имѣетъ понятіе, и что, слѣдовательно, онъ чело-

вѣкъ «образованнный», а въ этомъ состоитъ главное его честолюбіе.

Въ Москвѣ совсѣмъ иначе. Тамъ очень часто даже подъ платьемъ хорошаго фасона можно встрѣтить самое невинное, самое блаженное невѣдѣніе обо всѣхъ вещахъ, касающихся до учености и литературности. Я очень люблю и очень уважаю такихъ людей, и готовъ говорить съ ними только о томъ, о чемъ они сами любятъ говорить, хотя бы это было о новооткрытыхъ и вѣрнѣйшихъ средствахъ вырощать волосы на плѣшивой головѣ и въ короткое время сдѣлать себѣ блестящую служебную карьеру. Если бы одинъ изъ тѣхъ господъ заговорилъ со мною о литературѣ, я почувствовалъ бы смертельную тоску... За то, тамъ очень часто можно встрѣтить людей, которые говорятъ *о Байронѣ и матерьяхъ важныхъ* не съ чужаго голоса, потому-что знаютъ и понимаютъ о чемъ говорятъ, — людей, которыхъ не собьешь съ толку никакимъ авторитетомъ и ничьимъ мнѣніемъ. Тамъ нерѣдко можно встрѣтить людей, которые разсуждаютъ странно, коли хотите, даже ложно, но зато по своему, какъ они сами понимаютъ дѣло, а не какъ понимаетъ его господинъ такой-то, или этакой. И это мнѣ нравится больше, нежели способность го-

ворить обо всемъ, чего не знаешь и чѣмъ не интересуешься, и способность соглашаться со всѣми. Что же касается до вралей и чудаковъ разнаго рода — гдѣ ихъ нѣтъ? — И если Грибоѣдовъ въ Москвѣ отъискалъ Репетилова, то Гоголь въ Петербургѣ нашелъ Ивана Александровича Хлестакова. Въ Москвѣ авторитеты уважаются гораздо меньше не только истины, но и каждаго личнаго убѣжденія. Старыя имена гораздо меньше возбуждаютъ къ себѣ довѣрія, нежели вновь появляющіяся молодыя дарованія. Слова: *выписался*, *отсталъ*, совершенно неизвѣстныя въ Петербургѣ, въ Москвѣ въ большомъ ходу, къ крайнему огорченію пожилыхъ геніевъ. Въ Москвѣ есть свои авторитеты, утвердившіеся за давностію лѣтъ, — люди, изъ которыхъ одинъ въ двадцать лѣтъ написалъ пятокъ повѣстей, другой — десятка два фразистыхъ стихотвореній, и т. п. Но это — *авторитеты между собою*, авторитеты, которые сами же составляютъ и свою публику, хваля другъ-друга чрезъ третье лицо, которое, въ ожиданіи такого же ѳиміама и себѣ, вѣрно передаетъ похвалы по принадлежности. Настоящая же публика судитъ тамъ объ этихъ «знаменитостяхъ» по-своему, не справляясь съ ихъ мнѣніемъ о самихъ-

себѣ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что Московскій Университетъ даетъ особенный колоритъ читающей московской публикѣ, потому-что его члены, и учащіе и учащіеся, составляютъ истинный базисъ московской публики. По-этому, въ Москвѣ больше, нежели гдѣ-нибудь въ Россіи, молодыхъ людей, способныхъ принадлежать наукѣ и литературѣ. Значительная часть учителей, переводчиковъ, журнальныхъ сотрудниковъ, равно какъ и служащихъ по гражданской части въ Петербургѣ, переселенцы изъ Москвы. Оно и не мудрено: по литературѣ, какъ и по службѣ, Москва не представляетъ достаточно обширнаго поприща дѣятельности для желающихъ что-нибудь дѣлать. И потому, тѣ, которые лучше хотятъ «дѣлать ничего», нежели «ничего не дѣлать», спѣшатъ переселиться изъ Москвы въ Петербургъ, боясь изъ людей способныхъ къ дѣлу превратиться въ людей, способныхъ только говорить о дѣлѣ.

Въ Петербургѣ литераторами дѣлаются случайно, — не по призванію, не по страсти, даже не по способности, а по бѣдности и обстоятельствамъ. Въ Петербургѣ много періодическихъ изданій, и есть хоть какая-нибудь книжная торговля: стало быть, нужны пишущія руки, и онѣ вербуются гдѣ

Богъ послалъ. Какой-нибудь юный департаментскій чиновникъ, никогда не думавшій сдѣлаться сочинителемъ, потому-что онъ никогда не былъ и читателемъ, знакомится нечаянно съ какимъ-нибудь сочинителемъ, фёльетонистомъ, рецензентомъ, и въ короткое время позволяетъ ему убѣдить себя, что и онъ можетъ быть сочинителемъ не хуже другаго. Чиновникъ сперва пишетъ въ фёльетонахъ о портныхъ, цигарочныхъ и помадныхъ лавочкахъ, потомъ начинаетъ пускаться въ сужденія о русской литературѣ, а наконецъ и самъ пишетъ повѣсти, водевили, даже драмы и романы: вѣдь это такъ легко! Въ Петербургѣ литературная извѣстность дешевле пареной рѣпы: стóитъ только поработать *посходнѣе* въ какой-нибудь газетѣ, похожей на корзину, въ которую всякій можетъ сбрасывать чтó ему угодно, или безвозмездно потрудиться въ какомъ-нибудь журналѣ, который съ каждымъ годомъ теряетъ по сотнѣ подписчиковъ, — и хозяинъ этой газеты сейчасъ же объявитъ васъ молодымъ литераторомъ, подающимъ о себѣ блестящія надежды, а хозяинъ убогаго и юродиваго журнала сейчасъ же произведетъ васъ въ геніи, хотя бы вы и просто способнымъ на что-нибудь человѣкомъ никогда не были. Отъ васъ потребуютъ толь-

ко навыка выражаться общими мѣстами современной журналистики — навыка, который пріобрѣсти гораздо легче, нежели порядочно выучиться грамотѣ. Отъ-того, литераторовъ въ Петербургѣ – тьма-тьмущая. Потомъ отъ васъ потребуютъ, чтобы вы хвалили и прославляли своихъ, и бранили чужихъ. Этому выучиться тоже легко. Въ Москвѣ, если вы рецензентъ или критикъ, и нападаете на сочиненія какого-нибудь писателя, — въ Москвѣ не только публика, но и самъ этотъ писатель можетъ понять, что вы дѣйствуете такъ не по личному предубѣжденію, не по низкимъ разсчетамъ, а по убѣжденію, можетъ-быть ошибочному, но тѣмъ не менѣе искреннему и честному. Въ Петербургѣ этого рѣшительно не понимаютъ. «Что я ему сдѣлалъ? За что онъ меня обругалъ?» — говоритъ тотъ сочинитель, о книгѣ или статьѣ котораго вы отозвались неблагосклонно. — «Я его всегда хвалилъ; да изъ чего и ссориться намъ: вѣдь я пишу совсѣмъ въ другомъ родѣ, нежели въ какомъ онъ пишетъ, и мѣшать ему не могу». Любовь къ истинѣ, святость убѣжденія, способность оскорбляться книгою или статьею за оскорбленіе, нанесенное ею эстетическому чувству или здравому смыслу, — обо всемъ этомъ почти никто и не хочетъ знать. И между-

тѣмъ, въ Петербургѣ нѣтъ ни одного писаки, который бы не толковалъ больше всего о добросовѣстности, благонамѣренности, любви къ наукѣ и усердіи къ успѣхамъ русской литературы, и часто объ этомъ громче другихъ кричитъ иной сотрудникъ, перемѣнившій нѣсколько хозяевъ и каждому изъ нихъ измѣнившій по нѣскольку разъ. Въ Москвѣ пишущіе люди щекотливы въ дѣлѣ ихъ убѣжденій и ихъ репутаціи. Оскорбленный вами печатно, московскій литераторъ не подружится потомъ съ вами за бутылкою шампанскаго. Непамятозлобивость и вообще способность прощать враговъ при первой выгодѣ сдѣлать это, есть одна изъ самыхъ замѣчательныхъ добродѣтелей петербургскихъ литераторовъ. Въ Москвѣ, люди противоположныхъ убѣжденій не любятъ сходиться между собою даже и въ простыхъ житейскихъ отношеніяхъ. И по нашему мнѣнію, источникъ подобнаго поведенія столь же похваленъ, сколько его крайность можетъ заслуживать порицанія. Эту привычку нѣкоторые изъ московскихъ литераторовъ сохраняютъ и въ Петербургѣ,—и за то здѣсь смотрятъ на нихъ, какъ на нравственныхъ чудовищъ и уродовъ, потому-что здѣсь важны только отношенія, а отнюдь не убѣжденія.

Въ Петербургѣ, книги издаются красивѣе, чѣмъ

въ Москвѣ. Петербургскій романистъ пятнадцатаго класса пишетъ все «нѣкоторыя черты» изъ жизни великихъ людей, и честь быть героями его романовъ предоставляетъ только Наполеону, Фридриху II-му и т. д. Московской писака изображаетъ въ своихъ романахъ семейную жизнь, гдѣ рисуются *онъ* и *она*, проклятыя мѣста и тому подобныя штуки, или описываетъ поколебаніе татарскаго владычества въ Сокольникахъ, подвиги Таньки-разбойницы въ Марьиной-Рощѣ. Петербургскій писака, никогда не видавшій даже прихожей порядочнаго дома, изображаетъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ высшій свѣтъ и хорошій тонъ, аристократовъ и жизнь какъ она есть. Московскій писака рисуетъ разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной Рощѣ, и описываетъ козла-бунтовщика. Видите ли, какая разница даже и между писаками обѣихъ столицъ! Фёльетонистовъ и рецензентовъ въ Москвѣ мало, потому-что газетъ тамъ вовсе нѣтъ, журналовъ — тоже. Въ Петербургѣ фёльетонисты и рецензенты составляютъ особенный и многочисленный цехъ. Вообще, кто хочетъ познакомиться короче съ характеромъ петербургскихъ писакъ средней руки, — тому совѣтуемъ внимательнѣе прочесть не-повѣсть г. Панаева «Тля» и его же

«Фёльетониста». Со временемъ мы представимъ въ нашемъ изданіи статью подъ названіемъ: «Литературщики и Книжныхъ Дѣлъ Мастера», въ которой будутъ раскрыты тайны и любопытные явленія мелкаго петербургскаго литературнаго и книгодѣльнаго міра.

Новые журналы теперь также принадлежатъ исключительно Петербургу, — какъ новыя идеи и направленія всегда принадлежали Москвѣ. Но до 1834-го года, Петербургъ былъ бѣденъ и журналами, тогда какъ Москва была центромъ журнальной дѣятельности. Впрочемъ, ея упадокъ въ Москвѣ очень понятенъ. Москва — умѣетъ мыслить и понимать, но за дѣло браться она не мастерица, — по-крайней-мѣрѣ, въ литературной сферѣ. Многіе съ насмѣшкою говорятъ объ аккуратности, съ какою выходятъ въ положенное время книжки петербургскихъ журналовъ; но какъ бы ни смѣялись надъ этимъ, а это все-таки — не порокъ, а достоинство. Въ-продолженіе каждаго полугодія выдавать вдругъ и первыя книжки за этотъ годъ и послѣднія книжки за прошлый, а иногда (что̀ нерѣдко случалось въ Москвѣ) и предпрошлый годъ, - это ни на что не похоже. И между-тѣмъ, въ Москвѣ не было ни одного журнала, который бы издавался аккуратно.

Причина этого та, что Москвичи до-сихъ-поръ вѣрны до-петровской старинѣ и любятъ все дѣлать и на авось и съ прохладою. Они не привыкли еще думать, что и въ дѣлѣ литературы есть своя житейская, чернорабочая, практическая сторона, безъ знанія которой и на идеяхъ недалеко уѣдешь, и которая требуетъ своего рода таланта. Въ Москвѣ журналы издавались — какъ бы сказать? — какъ-то патріархально. Плата за сотрудничество и за статьи тамъ считалась чѣмъ-то страннымъ, исключительнымъ, даже несовмѣстнымъ съ достоинствомъ литературной культуры, — хотя подобное рыцарское убѣжденіе нисколько не мѣшало издателямъ пользоваться доходами отъ ихъ изданій. Въ Москвѣ издавался старѣйшій и, до 1825-го года, лучшій рускій журналъ — *Вѣстникъ Европы*, основанный Карамзинымъ въ 1802-мъ году, который послѣ Карамзина издавался Жуковскимъ, то вмѣстѣ, то попеременно съ Каченовскимъ, а потомъ совершенно перешедшій въ руки послѣдняго. Но самое цвѣтущее время московской журналистики было отъ 1825 до 1830-го года включительно: въ этомъ году прекратилось вдругъ нѣсколько изданій — *Вѣстникъ Европы*, *Московскій Вѣстникъ*, *Атеней*, *Галатея*, чтобы воскреснуть съ 1831-го года подъ

именемъ *Телескопа.* Но хотя этотъ журналъ и соединилъ въ себѣ труды почти всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ тѣхъ четырехъ журналахъ, однако онъ не умѣлъ, какъ бы могъ, овладѣть вниманіемъ публики, число его подписчиковъ не переходило за завѣтную черту одной тысячи, и потомъ онъ медленно исчахъ. Впрочемъ, самый лучшій журналъ того времени — *Московскій Телеграфъ*, славившійся между-прочимъ и *огромнымъ* числомъ подписчиковъ, никогда не имѣлъ ихъ болѣе тысячи-пятисотъ, а большею частію держался на тысячѣ двухъстахъ. Всѣ эти журналы издавались въ небольшихъ форматахъ и довольно-щедушными книгами. Наконецъ, Петербургъ почувствовалъ, что настало его время. Онъ понялъ, что кромѣ таланта, въ журналистикѣ великую двигательную силу составляютъ матеріальныя средства, и что если деньги не родятъ таланта, то заставляютъ его быть трудолюбивѣе, обезпечивая его положеніе, избавляя его отъ необходимости прибѣгать къ средствамъ существованія внѣ литературной дѣятельности. Подобная мысль могла родиться только въ Петербургѣ, и всего менѣе въ Москвѣ. Понявши, что въ Россіи еще не настало время для журналовъ, которые могли бы держаться исключительно своимъ напра-

вленіемъ, привлекая къ себѣ массу людей, раздѣляющихъ его образъ мыслей, *Библіотека для Чтенія* рѣшилась, во-первыхъ, соединить въ себѣ труды по возможности всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ литераторовъ, а во-вторыхъ, угодить вкусу и потребностямъ самой разнохарактерной публики. Для этого она рѣшилась выходить толстою книгою разъ въ мѣсяцъ, и энциклопедическое разнообразіе содержанія принять за основу своего существованія. Оказалось, что она не ошиблась въ своихъ разсчетахъ, что̀ доказали *пять тысячь* подписчиковъ въ первый годъ ея изданія. Хотя время и доказало потомъ, что несоединимаго внутренно нельзя соединить внѣшнимъ образомъ, и хотя въ послѣдующіе годы ея изданія число ея подписчиковъ противъ перваго года было меньше, однако журналъ этотъ тѣмъ не менѣе сталъ твердою ногою. Съ-тѣхъ-поръ, журналъ, имѣющій меньше тысячи подписчиковъ и прежде считавшійся богатымъ, почти лишился возможности существовать. Съ-тѣхъ-поръ, съ открытіемъ тайны успѣха, основаннаго на матеріальныхъ средствахъ, даже и мысль и движеніе перешли въ петербургскіе журналы, въ ущербъ московскимъ.

Библіотека для Чтенія — журналъ, насквозь

проникнутый петербургскимъ геніемъ, совершенно противоположнымъ московскому. Какъ въ московскихъ журналахъ царствовалъ энтузіазмъ и идеальность, такъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* явился духъ положительности, проніи и насмѣшки, конечно надъ такими предметами, надъ которыми шутить никому не запрещено, но которые тѣмъ не менѣе заслуживаютъ уваженія. Впрочемъ, это шуточное направленіе оказало свою пользу, какъ противодѣйствіе дѣтскому и неосновательному идеализму и энтузіазму, который и при умѣренности бываетъ смѣшонъ, а въ крайностяхъ просто невыносимъ. Крайности всегда излечиваются крайностями же.

Какъ бы то ни было, появленіе *Библіотеки для Чтенія* имѣло огромное вліяніе не только на русскую журналистику, но и вообще на русскую литературу. Мы помнимъ, какъ при появленіи этого журнала, многіе литераторы были скандализированы тѣмъ, что онъ платитъ своимъ сотрудникамъ за каждую строку и платитъ хорошо, слѣдовательно, принося выгоды своему владѣльцу, даетъ средства существованія многимъ людямъ, работающимъ для него постоянно. Мы теперь такъ далеки отъ этого дѣтскаго воззрѣнія на такъ-называемую *тор-*

говлю въ литературѣ, что съ трудомъ понимаемъ, какъ оно могло существовать когда-нибудь. Торгашъ-литераторъ, готовый писать и *за* и *противъ* чего ни наймутъ его, всегда будетъ торгашомъ, такъ же какъ литераторъ съ убѣжденіемъ никогда не измѣнитъ ему ради денегъ.

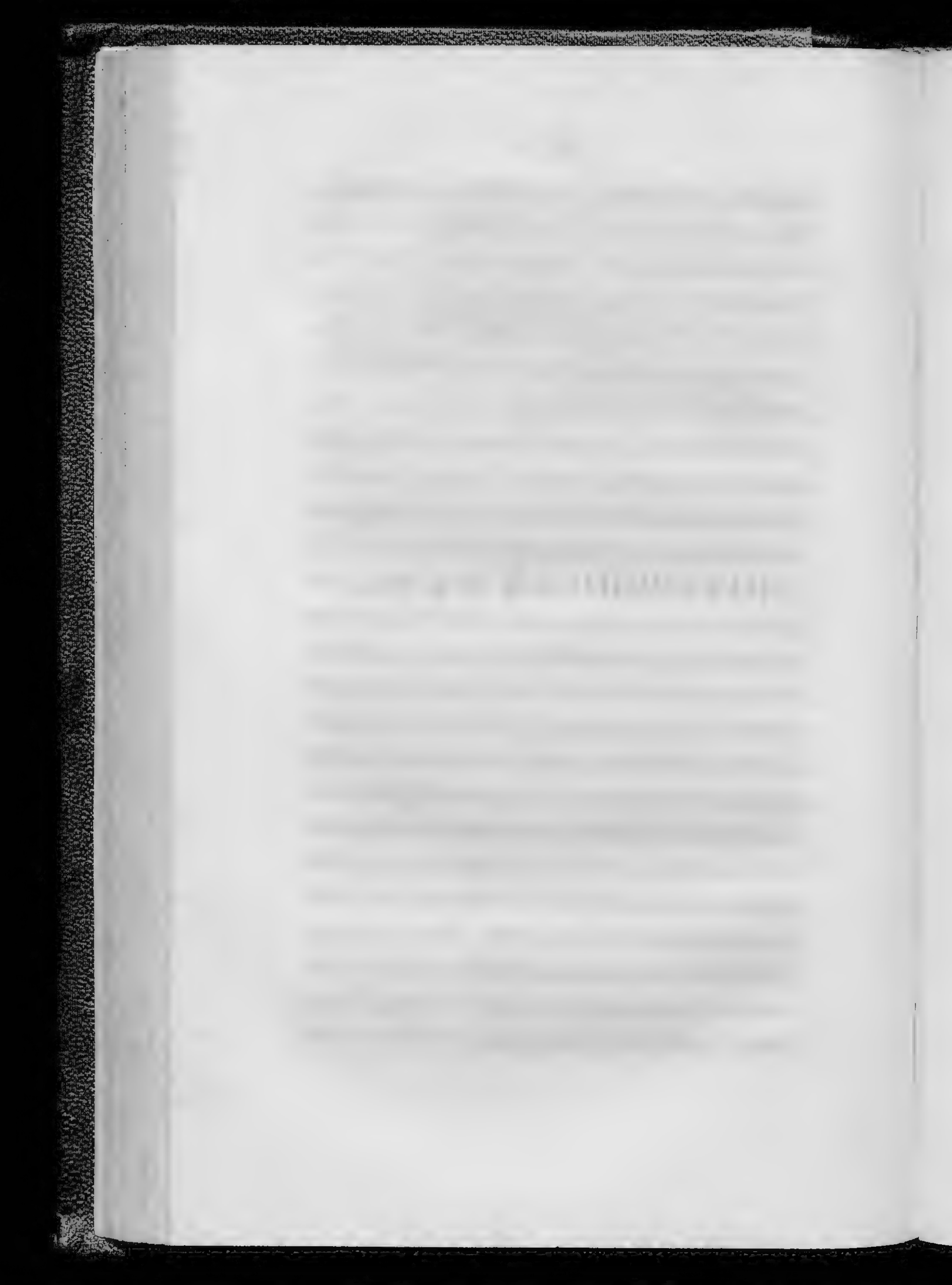
Не продается сочиненье,
Но можно рукопись продать —

сказалъ Пушкинъ. Еслибъ на рынкахъ говядина и хлѣбъ, а въ магазинахъ сукно и другіе товары отдавались всѣмъ изъ чести, — тогда можно было бы и писать въ журналахъ не изъ денегъ, а изъ чести. Байронъ не писалъ въ журналахъ, не былъ торгашомъ, не продавалъ своего вдохновенія, а за рукописи своихъ сочиненій получалъ тѣмъ не менѣе огромныя суммы.

Вообще, изъ всего этого видно одно и то же: именно, что какъ Петербургъ, такъ и Москва, каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ свое значеніе и свою важность въ Россіи, которыя обнаружатся яснѣе, когда желѣзная дорога соединитъ обѣ столицы. Великое дѣло — желѣзная дорога: широкій путь для цивилизаціи, просвѣщенія и образованности... А между-тѣмъ, она прежде всего — дѣло коммерческое, порожденіе разсчета и денегъ...

В. Б.

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БАЛЪ.

ЛОТЕРЕЙНЫЙ ЗАЛЪ.

Въ Петербургѣ (не говоря уже о другихъ городахъ Россіи) съ наступленіемъ 17-го сентября происходитъ несравненно болѣе движенія, нежели въ остальные обыкновенные дни.

Кареты безпрерывно сталкиваются у входа магазиновъ; особы разнаго рода и даже лица вовсе неимѣющія въ себѣ ничего особеннаго, выходятъ большею частію изъ кондитерскихъ, неся подъ мышкою узлы и корзины; модныя и игрушечныя лавки опустошаются; въ залахъ англійскаго магазина и *à la renommée* нѣтъ рѣшительно прохода; въ милютиныхъ, — давка и тѣснота; не только на улицахъ, но и въ каждомъ почти домѣ движеніе въ этотъ день возрастаетъ съ неимовѣрною силою. Тутъ натираютъ паркетъ, тамъ, противъ обыкновенія, привѣшиваютъ гардины; въ другомъ мѣстѣ, также вопреки установленному порядку, сальныя свѣчи замѣняются стеариновыми; въ третьемъ, къ

обычнымъ двумъ или тремъ ломбернымъ столамъ, разставляемымъ съ нѣмецкою аккуратностію каждый вечеръ, присоединяютъ еще два или три; словомъ, подъ каждою почти кровлею происходитъ бѣготня, суматоха, преобразованіе....

Вамъ, можетъ-быть, покажется весьма страннымъ, почему именно все это дѣлается 17-го сентября. Помилуйте! да какъ же можетъ быть иначе? сами посудите: — у того — жена Софья, у другаго — двѣ дочери, Вѣра и Любовь; у третьяго — сестра Надежда; у четвертаго — свояченица Агафоклея (къ счастію это случается всего рѣже) и наконецъ, пятаго судьба надѣлила всѣмъ вмѣстѣ, — Вѣрою, Любовію, Надеждою, Агафоклеею и Софьею; — какъ же можетъ быть иначе?... Но вся эта кутерьма, относительно говоря, ничего не можетъ значить въ сравненіи съ тою, которая происходила въ этотъ день, прошлаго года, на Петербургской Сторонѣ, въ домѣ коллежскаго секретаря Ѳомы Ѳомича Крутобрюшкова.

Представьте: судьба, эта судьба, не обращающая даже рѣшительно никакого вниманія на чины, а слѣдовательно и соотвѣтствующее имъ жалованье, надѣлила его женою и тремя дочерьми. Предвидя горестное свое положеніе и издержки, которыя на-

влекутъ ему ежегодныя празднованія дочернихъ именинъ (ибо это по сію пору считается у насъ священнѣйшимъ долгомъ), Ѳома Ѳомичъ далъ дѣтямъ своимъ имена святыхъ, празднуемыхъ въ одинъ и тотъ же день.

Впрочемъ, такъ поступаютъ люди и не находящіеся въ положеніи Крутобрюшкова; я даже увѣренъ, что цѣль ихъ въ такомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ болѣе экономическую идею, нежели удовольствіе изображать семейство аллегорически, т. е. крестомъ, якоремъ и пылающимъ сердцемъ.

Именины не произвели бы въ домѣ Ѳомы Ѳомича особеннаго переворота, и отпраздновались бы по обыкновенію тихо и скромно, еслибъ почтенному чиновнику не пришло въ голову, мѣсяца за два до описываемаго нами событія, затѣять лотерею. Разумѣется, идея эта, равно какъ и всякая другая, родилась въ головѣ коллежскаго секретаря не слѣдствіемъ мышленія, а случайно; вотъ какимъ образомъ это было:

Старшій братъ его, содержавшій между третьею и четвертою линіями Васильевскаго Острова лавочку, гдѣ продавались разныя старинныя вещи, какъ то: мёбель, жесть, *картины* и книги, умеръ вдругъ скоропостижно, оставивъ ему по завѣщанію все свое

имущество. Ѳома Ѳомичъ имѣлъ столько твердости характера, что не смотря на грусть, тяготившую его душу, на другой же день послѣ горестнаго событія приступилъ къ распродажѣ полученнаго наслѣдства. Нѣкоторыя однако вещи были пощажены; Ѳома Ѳомичъ, наслышавшійся отъ добрыхъ людей о необыкновенныхъ выгодахъ дѣлать лотереи, положилъ ими воспользоваться и испытать счастіе. Дѣйствительно, не прошло одного мѣсяца, какъ совѣты пріятелей оказались основательными и осуществили мечты его даже сверхъ ожиданія. Билеты разбирались съ неимовѣрною быстротою.

Не взирая на то, что большая часть билетовъ была уже взята, Крутобрюшковъ безъ-сомнѣнія отложилъ бы розыгрышъ до другаго раза, продолжая дѣйствовать такимъ образомъ до безконечности, какъ это дѣлаютъ весьма-многіе, даже весьма-почтенные люди, еслибъ одно важное обстоятельство не препятствовало ему въ этомъ.

Случилось какъ-то Ѳомѣ Ѳомичу сѣсть въ Департаментѣ подлѣ совѣтника, Александра Петровича Циркуляева; совѣтникъ, сохранявшій во всѣхъ случаяхъ жизни необыкновенную важность, неизвѣстно почему на этотъ разъ не могъ скрыть хоро-

шаго своего расположенія и былъ чрезвычайно въ духѣ.

Движимый какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ умиленія, рождающимся у каждаго подчиненнаго, которому удастся сѣсть подлѣ старшаго въ добрый часъ, Крутобрюшковъ не могъ утерпѣть, чтобы не сообщить ему своего намѣренія. Александръ Петровичъ, желая показать себя вполнѣ снисходительнымъ начальникомъ, не только одобрилъ предпріятіе подчиненнаго, но даже взялъ два билета, тутъ же обѣщавъ присутствовать при розыгрышѣ.

Какъ видите, не было возможности отложить лотереи, и Ѳома Ѳомичъ, въ избѣжаніе лишнихъ издержекъ, назначилъ розыгрышъ въ день именинъ жены и дочекъ.

Но прежде нежели приступимъ къ описанію приготовленій для вечера, слѣдуетъ короче познакомить читателя съ лицами, разъигрывающими на немъ главную роль.

Ѳома Ѳомичъ Крутобрюшковъ — человѣкъ небольшаго роста, довольно толстый, съ необыкновенно-краснымъ лицомъ и гладкою лысиною. Въ наружности его нѣтъ ничего особенно-замѣчательнаго, развѣ только то, что онъ совершенно лишенъ бро-

вей, отъ-чего лицо его принимаетъ какое-то сладко-медовое, временами даже приторное выраженіе. Онъ чрезвычайно-богомоленъ, исправенъ къ службѣ, въ которой состоитъ уже 13 лѣтъ, хорошій отецъ семейства, плохо знаетъ грамотѣ и необыкновенно склоненъ къ спекуляціи. Супруга его (Софья Ивановна) средней полноты женщина, совершенный pendant мужу за исключеніемъ бровей, которыя у ней какъ нарочно чрезвычайно густы и черны. Сосѣдки увѣряютъ, будто она большая сплетница, но я приписываю это мнѣніе болѣе зависти, возбужденной тѣмъ, что Софья Ивановна кума одного гарнизоннаго майора, нежели справедливости. Г-жа Крутобрюшкова чрезвычайно горячая женщина и часто употребляетъ во зло дарованныя ей отъ природы физическія силы (въ этомъ сознается иногда и самъ Ѳома Ѳомичъ). Дочерей держитъ она въ ежовыхъ рукавицахъ, управляетъ рѣшительно всѣмъ домомъ и стряпаетъ на кухнѣ, когда къ обѣду назначена кулебяка, — блюдо, прославившее ее въ околодкѣ. Одна изъ отличительныхъ чертъ Софьи Ивановны — память; въ этомъ отношеніи, она до того счастлива, что помнитъ наизусть весь календарь; спросите вы у ней хоть день Мамельфы, Евпсихія и Евтихія и она тотчасъ же безошибочно отвѣтитъ вамъ въ какіе именно дни празднуются

Мамельфа, Евтихій и Евпсихій. Софья Ивановна большая охотница приглашать гостей; иную зоветъ на чай, другую на ватрушку, третью на яичницу, хотя обыкновенно по истеченіи визита ругаетъ ихъ наповалъ и увѣряетъ, что ее объѣдаютъ, по московской привычкѣ хлѣбосольства. Все это не мѣшаетъ однако г-жѣ Крутобрюшковой быть весьма хорошею хозяйкою и доброю супругою. Что жь касается до дочерей Ѳомы Ѳомича,

одно казанское стихотвореніе избавитъ насъ отъ описанія ихъ наружности:

. . . .
Одна изъ нихъ, Вѣра, брюнетка;
Другая, Любинька, кокетка,
А третья, Надинька, блондинъ,
Всѣхъ лучше же изъ нихъ блондинъ!

И дѣйствительно, Надинька, младшая дочь почтеннаго чиновника, отличается отъ сестеръ довольно хорошенькимъ личикомъ, возбуждающимъ зависть Вѣры и Любви. Любочка, старшая изъ нихъ, перешла уже за предѣлы невѣсты: ей около 27 лѣтъ; но это обстоятельство еще болѣе возбуждаетъ въ ней желаніе нравиться и кокетничать. Съ нею случилось много романическихъ приключеній, между которыми одно достойно быть поименовано. Она влюбилась разъ въ какого-то коллежскаго регистратора, посѣщавшаго довольно часто ихъ домъ; регистраторъ подавалъ большія надежды сдѣлаться ея супругомъ; но потомъ оказалось, что онъ дѣлалъ это только такъ, для препровожденія времени, въ особенности послѣ того, какъ онъ женился на купчихѣ. Любовь Ѳоминишна, въ порывѣ отчаянія и ревности, хотѣла сначала броситься въ Малую Невку,

но къ счастію ограничилась отправленіемъ къ измѣннику письма слѣдующаго содержанія:

«Стыдитесь што вы меня обманули, не только передъ вами и передъ Богомъ честь моя дорога, Богъ накажитъ васъ какъ вы могли это сдѣлать.... Ахъ несносно, за добро слышать зло, я записку вашу прочитала и въ обморакъ упала легче бы вы испесталета убили меня я не мучилась бы.... ахъ, ахъ я страдаю отвасъ съ добростью души Богъ накажитъ жестоко меня обижать Богъ стабой умираю аттаски ахъ ахъ злодей...»

Изливъ такимъ образомъ свое отчаяніе, Любовь Ѳоминишна, какъ-бы въ отмщеніе вѣроломному любовнику, стала безъ разбора кокетничать со всѣми его пріятелями; но такъ-какъ ни одинъ изъ нихъ не примѣчалъ ея авансовъ, то по сію еще пору она находится въ дѣвическомъ званіи.

Вѣрочка совершенная противоположность сестры; она чрезвычайно застѣнчива и сантиментальна. Чувствительность у нея также доходитъ до высшей степени. Бьетъ-ли на дворѣ пѣтухъ курицу — она плачетъ; не удастся ей продѣть нитку въ иголочную скважинку — опять плачетъ; случится ли ей уронить тарелку или разорвать фартукъ — новыя слезы; словомъ, она готова плакать во всякое время и во всякій часъ. У Вѣрочки подъ

*

головами всегда хранится какой-нибудь мрачный романъ въ родѣ: «Любовь негра или черный, какихъ мало бѣлыхъ», или тому подобная книга. Любочка находитъ неизъяснимое наслажденіе дразнить Вѣрочку, называя ее *зюзей*. Надинька совершенный ребенокъ и безпрерывно поетъ: «вдругъ взбрунтило фортепьяно, — ууу — летай тоска моя!» и т. д.

Всѣ три безъ исключенія страстныя охотницы наряжаться и гулять по гостиному двору.

Чтобы дополнить картину семейнаго счастія коллежскаго секретаря, необходимо познакомить читателя съ Савишной, состоящею у него (выраженіе чисто-департаментское) въ должности кухарки. Савишна, какъ и всѣ русскія бабы, занимающіяся кухмистерскимъ искусствомъ, не можетъ похвастать лишнею чистоплотностію. Особенною смѣтливостію также не обладаетъ, ибо только-что привезена изъ Калуги, мѣста ея рожденія. Савишна терпѣть не можетъ стирать пыль; она никакъ даже не можетъ понять, къ чему это дѣлается и говоритъ, когда принуждаетъ ее къ тому Софья Ивановна: «Чтобъ тебѣ лопнуть... право! да ты хоть стирай ее сколько хошь, а завтра же набѣжитъ ее окаянной вдвое больше.» Любовь, Вѣру и Надиньку называетъ она молоденькими барышнями и въ сво-

бодное время гадаетъ имъ довольно удачно въ карты.

17-го сентября, семейство коллежскаго секретаря поднялось несравненно ранѣе обыкновеннаго. Послѣ обычныхъ поздравленій и послѣ того, какъ Савишна поднесла Софьѣ Ивановнѣ двухъ-съ-полтинный крендель, оно расположилось вокругъ кипящаго самовара и принялось пить чай.

— Ну, матушка, вотъ и добрались мы до твоихъ имянинъ, — сказалъ Ѳома Ѳомичъ, хлѣбнувъ чаю. Ну что, Надя (она была его любимица), я чай ты рада, что сегодня будутъ гости? да ужь я думаю и всѣмъ-то вамъ цѣлыя двѣ недѣли только и мерещилось, а?...

— Поговоримъ-ка лучше о дѣлѣ, отвѣчала серьёзнымъ тономъ Софья Ивановна: — вѣдь шутка-ли, я думаю сколько народу наберется... куда-то мы ихъ помѣстимъ, подумай хорошенько... всего двѣ комнаты...

— Что жь дѣлать!... кромѣ своихъ должны пріѣхать и тѣ, которые взяли билеты на лотерею... я и самъ думалъ, что квартирка-то будетъ маленинька, ну, да авось не всѣ будутъ...

— Какъ бы не такъ! Эхъ ты простофиля, про-

стофиля! не знаешь развѣ, что они только и ждутъ ка́къ-бы поѣсть да попить на чужой счетъ.

— Оно все такъ, Софья Ивановна, ну, да авось Богъ дастъ, какъ-нибудь... постой! надо посмотрѣть сколько еще остается невзятыхъ билетовъ.

Сказавъ это, Ѳома Ѳомичъ подбѣжалъ къ коммоду, открылъ его, и вынулъ изъ втораго ящика снизу листъ бумаги, на которомъ были означены выигрыши и нумера. Онъ зналъ списокъ наизусть давнымъ-

давно, равно какъ и всѣ члены семейства, но дѣлалъ это потому, что находилъ большое удовольствіе любоваться имъ, во-первыхъ, какъ собственною своею *придумочкою*, а во-вторыхъ, какъ порукою за изрядное количество цѣлковыхъ (нѣкоторые чиновники взяли билеты въ долгъ.)

Вотъ что въ сотый разъ прочелъ коллежскій секретарь:

«Разъигрывается дружеская лотерея, съ баломъ, музыкою, танцами и ужиномъ и разными забавами. Предметы:

1. Кольцо бриліантовое.

2. Часы серебряные англицкіе.

3. Золотая цѣпочка съ ключикомъ.

4. Фортепіаны обоктавахъ.

5. Большая пенковая трубка въ серебряной оправѣ и большой власяной чубукъ.

6. Ящикъ изъ Италіи, съ дамскими вещами, какъ-то: ножницы, наперстокъ, игольникъ, продивательная иголка, двѣ перломутровыя мотовки и зеркаломъ. Цѣна билету одинъ рубль серебромъ.»

Внизу, гдѣ означены были нумера, знакомые и пріятели Ѳомы Ѳомича росписались каждый противъ избраннаго имъ билета. Маленькіе крестики, наставленные аккуратнымъ хозяиномъ съ лѣвой

стороны нѣкоторыхъ билетовъ, означали, что они взяты за наличныя деньги, словомъ, все было какъ слѣдуетъ. Одно только въ спискѣ могло показаться страннымъ человѣку, чуждому мелкаго чиновничьяго круга: то, что большая часть чиновниковъ не выставила на немъ своихъ фамилій, но вмѣсто ихъ листъ былъ испещренъ разными аллегорическими надписями; напримѣръ, противъ восьмаго нумера было написано: *счастливецъ*; въ другомъ мѣстѣ, вѣроятно какой-нибудь забавникъ или такъ называемый «душа департаментскаго общества» довольно-тщательно вырисовалъ: *адье монъ шеръ ами*; въ третьемъ фамилія была замѣнена, неизвѣстно по какимъ причинамъ, слѣдующими словами: *мое почтеніе*, и т. д.

Ѳома Ѳомичъ, казалось, былъ чрезвычайно-доволенъ такими любезностями и продолжалъ читать: «Конецъ сихъ билетовъ, коллежскій секретарь Ѳома Крутобрюшковъ, 1844-го года, августа 17-го».

— Одинъ только Михайло Михайловичъ Желчный не взялъ билета, сказалъ онъ, окончивъ чтеніе. — Нѣтъ, говоритъ, знаемъ мы эти лотереи, да и притомъ сколько ни бралъ билетовъ, никогда не выигрывалъ, такъ ужь и закаялся. — Скряга, знаетъ только таскаться по гостямъ да наушничать.

— Ужь я его когда-нибудь да отдѣлаю по своему... перечти-ка кто да кто будетъ, вѣдь надо приготовить кое-что...

— Будетъ, во-первыхъ, Александръ Петровичъ Цвиркуляевъ, совѣтникъ нашъ... онъ взялъ два билета... Пожалуйста, Люба, не забудь ему первому подавать яблочки, закуску и все, что ни есть... да и всѣ-то вы старайтесь какъ-можно-болѣе угождать ему... потомъ будетъ еще Вакхъ Онуфріевичъ...

— Ахъ, Ѳоша, онъ и у насъ напьется, пожалуй, какъ на крестинахъ у Ивана Ивановича Масляникова.

— Ну, во избѣжаніе этого, распорядись такъ, чтобы каждому пришлось не болѣе одного *пунштика*... еще пріѣдутъ: Меѳодій Карпычъ, коллежскій ассессоръ, Акула Герасимовичъ Ершовъ, экзекуторъ, кума Арина Петровна, ну да эта своя; Сила Мамонтовичъ съ супругою... Иванъ Ивановичъ Масляниковъ...

— Да самъ ты посуди, Ѳома Ѳомичъ, ну чѣмъ мы ихъ накормимъ? шутка-ли, почти весь департаментъ... самъ посуди...

— Нельзя иначе, матушка, вѣдь за то лотерея, не даромъ же ихъ угощаемъ... будутъ еще: Волосковъ, помощникъ столоначальника, Владиміръ Макаро-

вичъ Семяничкинъ съ супругою... Наталья Кузминишна... я бишь и позабылъ Ивана Ивановича Елкина... прекрасный молодой человѣкъ, на хорошемъ счету у начальства, жалованье-то такое, что... вотъ женихъ Любочкѣ...

— Ну ужь хорошъ вашъ Елкинъ, отвѣчала отрывисто и грубо старшая дочь Крутобрюшкова:— да я лучше повѣшусь, чѣмъ пойду за такого елистратишку...

— На тебя никакъ не угодишь! и чѣмъ Елкинъ не женихъ тебѣ? право не понимаю! — Чтобы только не измѣнилъ Аполлонъ Игнатьевичъ; онъ обѣщался непремѣнно пріѣхать побрянчать на фортепьянахъ; да Богъ его знаетъ, неравно намъ на бѣду выпьетъ, такъ и поминай какъ звали... Ну, смотрите же, дѣти, продолжалъ Ѳома Ѳомичъ, ради Христа будьте обходительнѣе съ гостьми; въ особенности съ нашимъ совѣтникомъ; человѣкъ онъ старшій, можетъ при случаѣ оказать покровительство.

— Да, есть чѣмъ намъ взять, сказала Любочка, толкнувъ чашку:—хоть бы сшили намъ новыя платья, а то какъ какія-нибудь салопницы...

— Что такое? мать хуже тебя, что ли? а! сказывай, хуже тебя мать, что въ старомъ капотѣ ходитъ да переворачиваетъ его каждые два года... хуже

тебя сестра-то, что-ли? а!... произнесла вдругъ Софья Ивановна, подступая къ дочери.

— Полно... Сонюшка... оставь ее... и для такого дня... сказалъ Өома Өомичъ, удерживая длань супруги, готовившуюся опуститься на дочернія плечи (мы уже говорили, что Софья Ивановна любила прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ).

— Нѣтъ, нѣтъ, хуже тебя мать, что-ли?...

— Да что вы въ-самомъ-дѣлѣ раскричались, завопила Любочка: — пусть онѣ себѣ дуры слушаются васъ, а я и знать-то не хочу!

— Ги, ги, ги... жалобно запищала Вѣрочка:— какъ она смѣетъ называть насъ дурами...

Любовь Өоминишна вышла въ другую комнату, сильно хлопнувъ дверью. Вскорѣ послышался ужасный вой, который какъ бы мгновенно водворилъ спокойствіе въ остальныхъ членахъ семейства. Софья Ивановна, привыкнувшая къ подобнымъ сценамъ, налила себѣ новую чашку чаю; Вѣрочка перестала хныкать, Өома Өомичъ развалился на диванѣ.

— Ну, мать моя, сказалъ онъ:— ты ужь тамъ распорядись, какъ знаешь, на счетъ покупокъ, а я покуда съ дѣтьми приберу все къ мѣсту, нельзя же такъ оставить. Вотъ тебѣ двѣ красненькія, продол-

жалъ супругъ, вынимая деньги изъ кожанаго замасляннаго бумажника: — больше право не могу...

— Я думаю, будетъ довольно... да бишь, не лучше-ли записать, что надо купить, неравно позабуду... встань же, что ты развалился, время ли теперь отдыхать...

Ѳома Ѳомичъ всталъ, придвинулъ къ себѣ баночку съ чернилами и началъ писать подъ диктовку:

— Полфунта чаю, бутылку рома, два фунта винныхъ ягодъ и пастилокъ, Надѣ башмаки, пять лимоновъ, стеариновыхъ свѣчъ восемь штукъ...

— Маменька, купите пожалуйста помады, только розовой, — перебила Надинька.

— Да... ну запиши; помады розовой, шнурокъ черный, двѣ желтыя ленты, восемь фунтовъ телятины...

— Этакъ ты пожалуй весь Петербургъ вздумаешь закупить... помилуй, Софья Ивановна, да и денегъ не хватитъ... на что примѣрно телятина, на кой чортъ телятина?...

— Ужь ты сдѣлай такую милость, не мѣшайся не въ свое дѣло, а знай только пиши...

—Ей Богу, Софья Ивановна, телятина совершенно лишнее... а вотъ по моему купи лучше икорки, свѣ-

жей, хорошей икорки... это будетъ лучше да и дешевле...

— Ну, хорошо, хорошо, запиши...

— Икорки... ну теперь кажется все... съ Богомъ, а мы займемся дѣломъ; пора! скоро уже десять часовъ, а еще ничего не готово.

Софья Ивановна надѣла салопъ, завязала въ платокъ списокъ и ассигнаціи и, сопровождаемая Савишною, вскорѣ отправилась на ванькѣ въ городъ.

Трудъ, предпринятый почтеннымъ отцомъ семейства, былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что самое расположеніе квартиры было весьма неудобно. Во-первыхъ, она имѣла общій недостатокъ всѣхъ петербургскихъ, а именно начиналась кухней; изъ кухни тянулся узенькій корридоръ, дѣлавшійся рѣшительно непроходимымъ чрезъ двухспальную постель обоихъ супруговъ, которую не было никакой возможности помѣстить въ другое мѣсто, такъ-что попасть въ слѣдующую за корридоромъ комнату можно не иначе, какъ пробравшись бочкомъ или, если кому излишняя дородность не позволяла это сдѣлать, перескочивъ чрезъ нее; впрочемъ, при дородности и этотъ способъ не могъ быть употребленъ въ дѣйствіе. — За корридоромъ находились двѣ комнаты; первая изъ нихъ служила гостиною и залою, вторая спальнею Вѣрочки, Надиньки и Любочки.

Ѳома Ѳомичъ, не взирая на всѣ затрудненія, не падалъ однако духомъ (таково было его обыкновеніе). Посреди первой комнаты поставилъ онъ фортепьяны, какъ главный предметъ и выигрышъ лотереи; на нихъ весьма-красиво лежали остальные выигрыши, между которыми отличались: ящикъ изъ Италіи и баснословной величины пѣнковая

трубка, горделиво возвышавшаяся на пестрой тарелкѣ. Кругомъ были разставлены стулья и два дивана, обитые хотя старенькой, но красивенькой клеенкой; стѣны сѣро-молочнаго цвѣта пестрѣли картинами, между которыми портретъ директора департамента, гдѣ служилъ Крутобрюшковъ (необходимая принадлежность каждаго *ищущаго* чиновника) и какой-то ландшафтъ, писанный масляными красками и почерпѣвшій до того, что едва можно было различить на немъ небо отъ земли, были болѣе другихъ достойны вниманія. Противъ одного изъ дивановъ, Ѳома Ѳомичъ поставилъ круглый столикъ, купленный имъ въ старые годы по оказіи. Стѣнные часы остались на старомъ мѣстѣ подлѣ окна.

Убранство второй комнаты требовало еще большихъ хлопотъ; Любочка рѣшительно отказывалась сдвинуться съ мѣста, не смотря на увѣщанія отца и Вѣрочкины слезы. Наконецъ, кое-какъ уговорили ее, и спальня трехъ дѣвушекъ приняла также довольно-благообразный видъ. Она была назначена для играющихъ въ карты.

Ѳома Ѳомичъ и дочери его не успѣли еще совершенно устроиться, какъ въ комнату вошла кума Арина Петровна съ изрядной величины кренделемъ (общепринятымъ приношеніемъ кухарокъ, куму-

шекъ, старушекъ, которымъ оказали какое-нибудь пособіе, и ключницъ). — Здравствуй, Ѳома Ѳомичъ, здравствуйте, дѣвушки, сказала она, ставя свою ношу на кругленькій столикъ: — поздравляю васъ всѣхъ отъ чистаго сердца, дай вамъ Господь Богъ (тутъ она перекрестилась) всякаго счастія, благополучія, да хорошихъ женишковъ. (Арина Петровна поочередно поцаловала дѣвушекъ.) Ну, а гдѣ же жена-то твоя? сказала она, перемѣнивъ вдругъ интонацію: — я чай за покупками, да за хлопотами; дай ей Богъ дешево отдѣлаться, рыбка нынче стала куда-какъ дорога, проклятые купчишки дерутъ безъ всякой совѣсти; — послѣднія слова проговорила она чрезвычайно быстро.

— Да ужь нечего говорить, матушка, стоитъ мнѣ на порядкахъ вся эта кутерьма, сказалъ Ѳома Ѳомичъ, нѣсколько недовольный неумѣстнымъ посѣщеніемъ кумы, а главное, извѣстіемъ о дороговизнѣ провизіи... благодарю покорно, что не забыли и зашли навѣстить насъ...

— Какое забыть, я вотъ и крендѣлекъ принесла вамъ, думаю себѣ: авось пригодится, взяла да и купила... чай много гостей будетъ у васъ вечеромъ?

— Да, матушка Арина Петровна, не мало... не мало... присядьте же, что жь вы стоите...

— Нѣтъ, благодарствуй, я только такъ на минуточку забѣжала, чтобы поздравить васъ... знаю, и безъ меня много вамъ хлопотъ... а вотъ вечеркомъ такъ пріиду...

— Непремѣнно... мы васъ ожидаемъ... Послѣ новыхъ лобызаній, Арина Петровна вышла, сопровождаемая крестницею (Надинькою), и семейство Крутобрюшкова снова принялось за работу. Все уже было готово, когда возвратилась Софья Ивановна, увѣшенная узлами и кулечками; окинувъ взоромъ комнаты, она осталась весьма довольна ихъ видомъ; одно только смущало ее — это двухспальная постель, такъ неумѣстно раздвинувшаяся поперегъ корридора. Пообѣдавъ на-скоро, какъ говорятъ, чѣмъ Богъ послалъ, семейство коллежскаго секретаря приступило къ собственному своему преобразованію.

Въ восьмомъ часу, лѣстница Крутобрюшковыхъ освѣтилась сальными огарками, тщательно-сберегаемыми экономною хозяйкою дома. Огарки эти были весьма искусно вставлены въ огромныя рѣпы, посреди которыхъ самъ Ѳома Ѳомичъ просверлилъ дыры; на подъѣздѣ горѣли двѣ плошки; въ комнатахъ на каждомъ почти столѣ возвышались на высокихъ подсвѣчникахъ *стеариновыя* свѣчи; судя

по иллюминаціи, балъ обѣщалъ быть великолѣпнымъ.

Ѳома Ѳомичъ, въ бѣломъ галстухѣ и новомъ вицмундирѣ, бѣгалъ изъ одной комнаты въ другую, безпрерывно поправляя то какую-нибудь мёбель, то свѣчку, плохо повинующуюся дрожащимъ его пальцамъ (Ѳома Ѳомичъ былъ въ сильномъ волненіи), то наконецъ обращался къ дочерямъ, умоляя ихъ окончить какъ-можно-скорѣе туалетъ.

Софья Ивановна уже давно была на кухнѣ; стараніями заботливой хозяйки воздвигнулись на тарелкахъ груды винныхъ ягодъ, пастилокъ, крымскихъ яблокъ (принадлежность всякаго рода баловъ, вечеровъ и пикниковъ), разрѣзанныхъ пополамъ; бутерброды также занимали не послѣднее мѣсто. Шеренги стакановъ, покуда пустыхъ, вытягивались на коммодѣ кухни, готовые принять въ свою пустоту тотъ благотворный нектаръ, который чиновникъ окрестилъ названіемъ *пуншика*. Не смотря на такого рода занятія, Софья Ивановна находила время присматривать за Савишной, мѣсившей на сундукѣ кулебяку (столы всѣ до единаго были заняты).

— Ну, смотри же, Савишна, сказала Софья Ивановна: — дѣлай такъ, какъ я тебѣ сказывала; го-

стямъ мужеска пола подавай пуншть, а женщинамъ чай; да не забудь: не наливать по второму стакану, пока сама не скажу... Эхъ! кулебяку-то не поджарь...

— Слушаюсь, Софья Ивановна, не обмолвлюсь...

— То-то же, да нарѣжь ее... Нѣтъ, нѣтъ, я сама это сдѣлаю... ты только знай подавай, когда я прикажу.

— Слушаю-съ, Софья Ивановна... Нешто гостевъ-то много буде?

— Да, да, чортъ бы ихъ взялъ, прости Господи, не мало...

— Что же это они не ѣдутъ, Софья Ивановна? произнесъ Θома Θомичъ, входя на кухню: — скоро девятый часъ...

– Успѣютъ еще... ну, а что Люба, Надя готовы? я чай, время было примазаться...

— Нѣтъ еще, я не мало говорилъ имъ: вотъ застанутъ васъ гости; а онѣ то косыночку, то булавочку... просто бѣда мнѣ съ ними да и только.

— Постой, вотъ я ихъ потороплю! Сказавъ это Софья Ивановна направилась въ гостиную, гдѣ имянинницы снаряжались къ балу.

— Что, скоро ли вы? Люба! долго ли ты станешь еще жеманиться передъ зеркаломъ?

*

— Господи! и одѣться-то не дадутъ! салопницами вы хотите, чтобы мы показались, что-ли?.. ужь безъ того Богъ знаетъ на что похожи...

— А вотъ, поговори-ка у меня еще... Въ эту самую минуту въ кухнѣ послышался шумъ и Софья Ивановна, не докончивъ рѣчи, опрометью бросилась въ корридоръ. Вѣра, Люба и Надя въ одну секунду спрятали подъ диванъ помаду, зеркальцо, гребни, и стали какъ бы ни въ чемъ не бывали у дверей. Когда хозяйка дома вошла въ кухню, Ѳома Ѳомичъ снималъ уже лисій салопъ съ плечь Натальи Васильевны Семяничкиной, пріѣхавшей съ мужемъ и двумя дочерьми Анфисою и Аннинькой.

— Здравствуйте, любезнѣйшая Софья Ивановна, сказала Семяничкина, страстная охотница разъигрывать роль свѣтской женщины: — вотъ и мы къ вамъ, поздравляю съ имянинами и имянинницами... дѣтокъ своихъ привезла...

— Да-съ, и своихъ дѣтокъ привезли къ вамъ, робко произнесъ Владиміръ Макаровичъ Семяничкинъ.

— Ахъ! сколько, я думаю, вамъ хлопотъ, милая Софья Ивановна! Ужь я говорила сегодня мужу: надобно быть такой хозяйкой, какъ Софья Ивано-

вна, чтобы успѣть приготовить все для такого множества гостей...

— Да-съ, жена говорила-съ... снова пробормоталъ Семяничкинъ.

— Пожалуйте въ комнату... Наталья Васильевна... Владиміръ Макаровичъ... Анфиса Владиміровна... прошу покорно...

— Владиміръ Макаровичъ, прошу покорно, сказалъ Ѳома Ѳомичъ, приглашая гостя рукою.

Семейство Семяничкиныхъ тронулось. Впереди всѣхъ выступала Наталья Васильевна, разодѣтая какъ говорится въ пухъ, въ желтыхъ лентахъ и чрезвычайно похожая въ этомъ нарядѣ на индійкое божество; позади ея шли обѣ барышни, весьма недурной наружности; шествіе закрывалъ робкій Семяничкинъ, жиденькій, маленькій, желтенькой, въ мѣшковатомъ какъ-то неловко сидящемъ виц-мундирѣ и вѣчно слезившимся лѣвымъ глазомъ. Миновавъ ѳермопильское ущелье (узкое пространство между стѣною и кроватью), Семяничкины благополучно достигли гостиной, гдѣ ожидали ихъ дочери Крутобрюшкова.

Но едва Софья Ивановна успѣла усадить гостей на диванъ и начать съ ними интересный разговоръ о дороговизнѣ квартиры, о ея теплотѣ, удобствахъ

и неудобствахъ, какъ въ кухнѣ послышался снова шумъ и голосъ Ѳомы Ѳомича возвѣстилъ прибытіе новыхъ гостей. Софья Ивановна почла за необходимое поспѣшить къ нимъ на встрѣчу.

На этотъ разъ, взорамъ ея предсталъ бухгалтеръ Сила Мамонтовичъ Бусловъ. Кряхтя и пыхтя, снималъ онъ съ себя лѣтній пальто (Силѣ Мамонтовичу никогда не было холодно, и потому онъ не считалъ нужнымъ носить въ зимнее время другой одежды); толстые пальцы его, чрезвычайно похожіе на моркови, никакъ не повиновались своему хозяину и казалось болѣе и болѣе топырились. Освободившись наконецъ отъ пальто, тучный бухгалтеръ пожалъ сначала руку Ѳомѣ Ѳомичу и потомъ уже обратился къ Софьѣ Ивановнѣ.

— Радъ душевно, сударыня, имѣть случай лично поздравить васъ съ имянинами равно какъ почтеннѣйшаго нашего Ѳому Ѳомича... вотъ и жену привезъ съ собою и дочь... прошу любить и жаловать...

Съ этими словами, онъ отодвинулся въ сторону и представилъ Софьѣ Ивановнѣ худощавую какъ щепку женщину, съ взбитою прическою и до того накрахмаленнымъ платьемъ, что въ случаѣ надоб-

ности оно могло служить убѣжищемъ и самому Силѣ Мамонтовичу; съ своей стороны, г-жа Буслова представила дочь, молодую дѣвушку лѣтъ девятнадцати.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и лобызаній, дамы отправились въ гостиную, гдѣ запахъ *гвоздичной* сдѣлался еще болѣе ощутителенъ.

— Софья Ивановна, сказала Семяничкина, вставая съ дивана: — я еще не видала выигрышей: что̀, они всѣ тутъ?

— Всѣ, Наталья Васильевна; посмотрите, какой прекрасный робочій ящичекъ, просто объѣденье, и настоящей французской работы.

— Да, ящичекъ очень хорошенькой... Что̀ бы тебѣ хотѣлось выиграть, Анфиса? продолжала Семяничкина, обращаясь къ дочери, когда вышла хозяйка: — ящикъ для рукодѣлья или фортепьяно? не бось фортепьяны-то очень хочется?...

— Нѣтъ, маменька, мнѣ нравится болѣе кольцо брильянтовое.

— А я желала бы лучше выиграть золотую цѣпочку съ ключикомъ, сказала Аннинька.

— А я такъ просто думаю, прибавили Наталья Васильевна въ-полголоса: — что намъ ничего не достанется; ужь вѣрно сами хозяева прибрали себѣ лучшіе билеты... вотъ вы увидите... Владиміръ Макаровичъ, куда же ты забился? сидитъ себѣ въ углу и на выигрыши даже посмотрѣть не хочетъ!

Необходимо здѣсь замѣтить, что г. Семяничкинъ имѣетъ маленькую слабость тотчасъ засыпать, куда бы только его ни посадили; кромѣ этого, переходъ отъ бдѣнія къ сну у него такъ быстръ, что не успѣешь повернуться, какъ уже онъ закрылъ глаза и испускаетъ маленькій носовой свистъ. Онъ все спалъ, такъ-что настоящая жизнь грезилась ему какъ во снѣ.

Голосъ супруги (единственное средство, выводящее Владиміра Макаровича изъ летаргіи) мгновенно пробудилъ его.

«Что-съ... Наталья Васильевна? произнесъ онъ, подходя къ женѣ.

— Ну, а тебѣ что́ бы хотѣлось выиграть? спросила она: — не бось часы?

— Часы, Наталья Васильевна...

— Ну, и отъ фортепьянъ бы не отказался?

«Пѣнковая трубочка больно хороша, Наталья Васильевна...

— Ну ужь, нашелъ что̀ сказать! пѣнковая трубка!... да я и даромъ не возьму ее... а вотъ кабы рабочій ящикъ... ну это другое дѣло...

— Да, рабочій ящичекъ... лучше...

Щепкообразная жена и дочь Силы Мамонтовича не принимали рѣшительно никакого участія въ

лотереѣ и какъ вкопаныя сидѣли на одномъ мѣстѣ.

Вскорѣ, тяжкіе вздохи, раздавшіеся въ корридорѣ, возвѣстили, что толстый бухгалтеръ силится пройдти между постелью и стѣною; но къ общему удивленію онъ не замедлилъ явиться въ гостиную.

Пока почтенный этотъ мужъ, страстный любитель музыки, театровъ и вообще изящнаго, какъ то: росписныхъ московскихъ табакерокъ, оружія и статуэтокъ, продающихся на улицахъ, распространялся съ дамами объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ ему такого рода предметами, квартира Крутобрюшкова наполнилась народомъ.

Одинъ за другимъ появлялись: Вакхъ Ануфріевичъ Петерка, извѣстная уже читателю кума Арина Петровна, состоящій въ должности помощника бухгалтера, Аристархъ Висаріоновичъ, у котораго глаза были необыкновенно похожи на глаза болонки, которую баловница-барыня кормитъ мясомъ, т. е. тонули въ какомъ-то брусничномъ вареньи.

Въ гостиной Ѳомы Ѳомича становилось уже тѣсно, когда явились Иванъ Ивановичъ Масляниковъ съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Ванюшею, Михайло Михайловичъ Желчный, чинов-

никъ въ отставкѣ, и Аполлонъ Игнатьевичъ, тотъ самый, который долженъ быть играть на фортепьянахъ. Особенно появленіе послѣдняго чрезвычайно обрадовало и успокоило Ѳому Ѳомича.

— Ѳома Ѳомичъ! а Ѳома Ѳомичъ! что же, братецъ, скоро ли лотерея? спросилъ Михайло Михайловичъ Желчный, когда общество поусѣлось.

— Ожидаемъ только Александра Петровича... нашего совѣтника...

— Какъ! и онъ будетъ... Ба! ба! ба... да я этого и не зналъ, произнесъ Сила Мамонтовичъ, обтирая потъ, капавшій у него съ носа: – у тебя, какъ я вижу, Ѳома Ѳомичъ, балъ не на шутку...

— Даже Александръ Петровичъ самъ два билета взялъ...

— Какъ! и два билета взялъ! ну, братъ, молодецъ!

— Вѣрно какъ-нибудь да самъ подсунулъ, сказалъ Желчный на ухо Акулѣ Герасимовичу Ершову, состоящему въ должности экзекутора.

— Акула Герасимовичъ, мое вамъ нижайшее почтеніе, произнесъ Ѳома Ѳомичъ, подходя къ нему: — благодарю за посѣщеніе...

— Очень радъ... не стоитъ благодарности...

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, продолжалъ Крутобрюшковъ, увидя Масляникова съ Ванюшею:

— сколько лѣтъ, сколько зимъ... ка́къ вы въ своемъ здоровьѣ?

— Вашими молитвами, почтеннѣйшій Ѳома Ѳомичъ...

— Здравствуй, Ваня... да какой онъ у васъ умница...

— Душенька, поцалуй же дядиньку, сказалъ Иванъ Ивановичъ, гладя по головкѣ сына.

— А которой годокъ?

— Да въ день Фрола и Лавра шестой пошелъ.

— Шестой!... зовутъ, Иванъ Ивановичъ... извините... Ѳома Ѳомичъ вышелъ въ корридоръ.

— Тятинька... тятинька... то, вотъ это такое? спросилъ Ванюша, показывая на фортепьяны.

— А это музыка, душенька... вотъ что играютъ.

— Музыка... а это то такое, продолжалъ ребенокъ, вскарабкавшись на фортепьяно и трогая трубку, часы и ящикъ изъ Италіи.

— Не тронь, не тронь, душенька, не равно раскокаешь... это трубка.

— Тубка!

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Ивановичъ, какъ здоровье вашей супруги? спросила Софья Ивановна.

— Благодарю покорно, вашими молитвами... надѣюсь, что скоро будетъ всему конецъ.

— Какъ, развѣ она еще не родила?

— Нѣтъ, но на этихъ дняхъ...

— Ѳома Ѳомичъ! Софья Ивановна! что же лотерея? произнесли нѣсколько голосовъ.

— Сію минуту, господа, сію минуту; повремените немного... я думаю тотчасъ пріѣдетъ Александръ Петровичъ; согласитесь, что безъ него нельзя же...

— Да и не устроено у тебя, кажется, еще ничего на счетъ билетовъ, сказала кума Арина Петровна.

— Все готово, только не ѣдетъ Александръ Петровичъ...

— А кто станетъ вынимать билеты?

— Кто нибудь, все равно.

— Нѣтъ, Ѳома Ѳомичъ, надобно, чтобы непремѣнно вынималъ ихъ ребенокъ... это вездѣ такъ водится... произнесъ Михайла Михайловичъ Желчный, находившій неизъяснимое удовольствіе ставить всѣхъ въ затруднительное положеніе...

— Да, разумѣется, продолжалъ Сила Мамонтовичъ: разумѣется, долженъ вынимать билеты ребенокъ... это такъ сказать эмблема невинности, ангелъ Божій...

— Въ такомъ случаѣ, Иванъ Ивановичъ одолжитъ намъ своего Ваничку.

— Очень радъ, очень пріятно... Ваня, Ваня, хочешь вынимать лотерею?

— Качу... лотерею...

— Какой миленькій ребенокъ, сказала Наталья Васильевна, подходя къ Масляникову съ дочерьми Крутобрюшкова... и который годокъ?

— Въ день Фрола и Лавра шестой-съ пошелъ...

— Поцалуй меня, душенька, продолжала г-жа Семяничкина.

— Поцалуй же тётиньку...

Иванъ Ивановичъ былъ чрезвычайно доволенъ, что гости Ѳомы Ѳомича принимаютъ такое живое участіе въ его сынѣ; онъ посадилъ его къ себѣ на колѣни.

— Ну, что́, плутишка, ты кого больше любишь: мамашу или папашу?

— Ма...ма... и папашу.

— Ахъ, какой умница! поцалуй меня, душенька! какой умный мальчикъ! какъ это сейчасъ видно въ ребенкѣ, что будетъ умницею! произнесли вдругъ въ толпѣ, окружившей Ивана Ивановича.

Масляниковъ былъ внѣ себѣ отъ радости, и чтобъ еще болѣе похвастать передъ гостьми остроуміемъ Ванюши, спросилъ его:

— Ну, а кого бы ты хотѣлъ, пузырь ты этакой, чтобы родила мамашинька, братца или сестрицу?

«Ла... ла... лашадку, бойко отвѣчалъ Ванюша. Толпа захохотала. Иванъ Ивановичъ, неожидавшій такого отвѣта, сконфузился такъ, что опустилъ сына на полъ и началъ безъ всякой причины шарить у себя въ карманѣ. Въ самую эту минуту въ дверяхъ показался совѣтникъ Александръ Петровичъ Цвиркуляевъ, а въ слѣдъ за нимъ и хозяинъ дома. Поклонившись довольно важно, Александръ Петро-

вичъ какимъ-то принужденнымъ тономъ сказалъ Ѳомѣ Ѳомичу:

— Представъ же меня твоей женѣ... я хочу съ нею познакомиться.

— Софья Ивановна... Софь... вотъ я... Александръ Петровичъ... и Крутобрюшковъ толкалъ впередъ жену и дочерей.

— Да онѣ у тебя, братецъ, еще молоденькія, произнесъ совѣтникъ съ нѣкоторою нѣжностью, тряся Надиньку безъ церемоніи за подбородокъ... ну, а что же лотерея?

— Сію минуту, Александръ Петровичъ, сію минуту...

Все общество окружило фортепьяно; Михайло Михайловичъ Желчный и экзекуторъ старались болѣе другихъ стать на виду совѣтника.

Ванюша, къ совершенному удовольствію отца, былъ посаженъ на фортепьяно между рабочимъ ящикомъ и пѣнковою трубкою, все еще лежащею на тарелкѣ, съ назначеніемъ вынимать пустыя бумажки или выигрыши. Нумера говорила Анфиса Владиміровна, старшая дочь г-жи Семяничкиной.

Лотерея началась.

Два только лица не приняли участія въ розъигрышѣ лотереи: чувствительная Вѣра Ѳоминишна и

Дмитрій Алексѣевичъ Волосковъ, уже съ давнихъ поръ чувствовавшій къ ней непреодолимое влеченіе. Они отошли въ сторону и предались молчанію, прерываемому только тяжкими вздохами; такъ проявлялась у нихъ любовь.

Между-тѣмъ, въ другомъ концѣ комнаты, совершенно противоположныя чувства волновали толпу. При каждомъ нумерѣ, вынимаемомъ Анфисою Владиміровною, и въ особенности каждый разъ, какъ маленькій Ванюша развертывалъ бумажку съ выигрышемъ или пустую, она сильно напирала на фортепьяно, томимая ожиданіемъ.

— Нумеръ девятый! произнесла Анфиса Марковна.

— Лопнулъ! сказалъ, радостно улыбнувшись, Михайло Михайловичъ.

— Нумеръ пятнадцатый!

— Лопнулъ!

— А! чортъ побери! сказалъ Акула Герасимовичъ Ершовъ: — проигралъ! впрочемъ я это зналъ навѣрное; еще сегодня говорилъ Михайлу Александровичу Поплевину, что навѣрное проиграю... ужь такая звѣзда!

— Я докладывалъ вамъ, шепнулъ ему на ухо Желчный: — что тутъ должна быть фальшъ, непре-

мѣнно фальшъ... вотъ посмотрите, если совѣтникъ что-нибудь да не выиграетъ.

— Нумеръ двадцать первый!

— Лопнулъ!

— Девяносто седьмой!

«Лопнулъ!

— Третій!

«Лопнулъ!

— Первый!

Наталья Васильевна обомлѣла. Это былъ ея нумеръ.

Иванъ Ивановичъ, неразлучный съ сыномъ, помогъ ему развернуть бумажку и, видя что-то писанное, прочелъ довольно внятно:

«Пѣнковая трубка, въ серебряной оправѣ, и большой власиной...»

— Ну, такъ и знала!... что бы выиграть рабочій ящикъ!... а все Владиміръ Макаровичъ!

Но отвѣта не было; должно быть, г. Семяничкинъ куда-нибудь да прислонился.

Лотерея продолжалась.

— Нумеръ тринадцатый!

«Лопнулъ!

— Пятьдесять-шестой!

«Лопнулъ!

— Сотый !

Иванъ Ивановичъ прочелъ :

«Ящикъ изъ Италіи.

— Какъ, я выигралъ? спросилъ съ самодовольною улыбкою совѣтникъ. — Ну, признаюсь, не ожидалъ...

— Честь имѣемъ поздравить, сказали въ одно время Ершовъ и Желчный.

— Прикажете, Александръ Петровичъ, принести вамъ на домъ, или угодно будетъ самимъ взять выигрышъ ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, я лучше самъ возьму его, отвѣчалъ совѣтникъ.

— Я говорилъ, что фальшъ ! шепнулъ Михайло Михайловичъ экзекутору.

— Теперь самъ это очень хорошо вижу.

Вскорѣ лотерея кончилась ; фортепьяны достались какому-то чиновнику, не присутствующему на вечерѣ ; остальныя вещи почти всѣ снова перешли въ руки хозяина дома.

Александръ Петровичъ, не смотря на увѣщанія Софьи Ивановны и Ѳомы Ѳомича выкушать хоть одну чашечку чая, уѣхалъ тотчасъ же послѣ розъигрыша съ своимъ ящикомъ, отговариваясь дѣлами. Ванюша тоже разстался съ обществомъ и былъ уложенъ заботливымъ отцомъ и Надинькою на

двухспальную постель. — Остальныя лица разбрелись по компатамъ, разсуждая о превратности счастія и капризахъ судьбы.

Послѣ отъѣзда Александра Петровича, Крутобрюшковъ сдѣлался какъ-то развязнѣе; онъ бѣгалъ отъ одного пріятеля къ другому съ картами въ рукахъ, упрашивая ихъ составить партію.

– Скажите, пожалуйста, почтеннѣйшій Акула Герасимовичъ, сказалъ въ полголоса Михайло Михайловичъ:—насъ вѣрно пригласили сюда съ тѣмъ, чтобы уморить съ голода... ну ужь вечеринка!... А еще написано «съ угощеніемъ и разными забавами» — хороши забавы, когда ѣсть не даютъ...

— Да, я самъ что-то проголодался...

– Ну, слава Богу, кажется, несутъ пунштикъ...

Дѣйствительно, изъ корридора показалась Савишна съ огромнымъ подносомъ въ рукахъ, обставленнымъ стаканами и чашками; за нею шла Надинька, неся, съ потупленнымъ взоромъ, корзину съ сухарями и ломтиками бѣлаго хлѣба.

Гости окружили подносъ.

– Ну, пунштикъ, продолжалъ Михайло Михайловичъ на ухо экзекутору: — только слава, что пунштикъ... просто, какой-то жиденькій чаишка.... э! хе, хе!...

– Я думаю, можно подлить туда не много, знаете, того… ромашки…

— Послушай, милая, какъ тебя зовутъ?

— Савишна-съ.

— Знаешь ли, Савишна, нельзя-ли какъ нибудь подлить въ наши стаканы ромцу, а?

— Нѣтъ, Софья Ивановна и то заругалась, говоритъ: много налила…

— Что ты врешь, дурища ты этакая! вскричала Софья Ивановна, лицо которой побагровѣло отъ досады.—Извините-съ, Михайло Михайловичъ, глупая баба, только-что изъ деревни сію минуту… пожалуйте вашъ стаканъ…

— Деревенская простота-съ, замѣтилъ Михайло Михайловичъ, злобно улыбаясь... Ахъ ты Савишна, Савишна! вчерашняя-давишня! продолжалъ онъ, глядя на смутившуюся бабу.

Наталья Васильевна Семяничкина, ея дочь, кума Арина Петровна, дочери Крутобрюшкова и Иванъ Ивановичъ, расположившіеся на диванѣ и стульяхъ около круглаго столика, со вниманіемъ слушали Силу Мамонтовича Буслова, выхвалявшаго не безъ особеннаго краснорѣчія почтамтскихъ и жуковскихъ пѣвчихъ. Онъ увѣрялъ, что послѣдніе поютъ какъ-то *фостонически*, и собственно потому предпочиталъ ихъ первымъ.

Во время этого разговора, въ гостиную Крутобрюшковыхъ вошла вдова Пелагея Кузминишна Кувыркова, съ двумя дочками и сыномъ, молодымъ человѣкомъ чрезвычайно вертлявымъ, съ тщательно завитымъ хохоликомъ. Во всѣхъ своихъ движеніяхъ обнаруживалъ онъ претензію на ловкаго молодаго человѣка.

Онъ былъ въ коричневомъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, голубомъ галстухѣ, лиловомъ жилетѣ и резинчатыхъ брюкахъ, которыми, казалось, былъ чрезвычайно доволенъ, ибо поминутно гладилъ ихъ ладонью, вытянувъ напередъ ногу.

Пелагея Кузминишна подвела дочекъ къ хозяйкѣ дома; молодой Кувырковъ поочередно сталъ подходить къ ручкамъ всѣхъ барынь безъ исключенія.

— Ахъ! какъ жаль, любезная Пелагея Кузминишна, что вы не поспѣли къ лотереѣ.

— Что жь дѣлать, милая Софья Ивановна, не было никакой возможности... но гдѣ же вашъ Ѳома Ѳомичъ?...

— Засѣлъ по обыкновенію съ пріятелями въ карты... Позвольте представить вамъ пріятельницу мою, Наталью Васильевну Семяничкину.

— Очень пріятно... прошу полюбить...

Дамы поцаловались.

Въ это время, Петръ Петровичъ (такъ звали молодаго Кувыркова) успѣлъ уже наговорить кучу любезностей и пріобрѣлъ общее расположеніе. Онъ стоялъ теперь противъ Любови Ѳоминишны, умоляя ее танцовать съ нимъ первую французскую кадриль.

— Пелагея Кузминишна, пожалуйте... чаю, сказала Софья Ивановна, указывая ей на подносъ, носимый Савишною... барышни, неугодно ли вамъ?.. Петръ Петровичъ!... не прикажете ли чаю?...

— Нѣтъ-съ, покорно благодарю, мнѣ здѣсь го-

раздо пріятнѣе всякаго чая... тѣмъ болѣе, что имѣю удовольствіе разговаривать съ вашею дочкою.

— Какой онъ у васъ, право, Пелагея Кузминишна... гдѣ только барышни, такъ вотъ и льнетъ...

— Да ужь не говорите, такой ферлакуръ, что просто бѣда...

— Что жь, перебила Наталья Васильевна: — для молодаго человѣка это очень-хорошо, это даже необходимо, и я нахожу, что вашъ сынъ вполнѣ свѣтскій и образованный молодой человѣкъ.

Аполлонъ Игнатьевичъ, чиновникъ чрезвычайно великаго роста, худощавый, одѣтый въ виц-мундиръ свѣтлозеленаго цвѣта, сѣлъ за фортепьяно. Звуки: ну Карлуша не робѣй, возвѣстили начало бала; кавалеры засуетились подлѣ своихъ дамъ, остальныя лица прижались къ стѣнкамъ.

Начались танцы.

Между-тѣмъ, во второй комнатѣ игра становилась горячѣе и горячѣе; Вакхъ Онуфріевичъ, который, вопреки приказаніямъ, даннымъ Софьею Ивановной кухаркѣ, подавать гостямъ не болѣе одного стакана пунша, успѣлъ какимъ-то способомъ подхватить пару, горячился не въ примѣръ другимъ.

— Нѣтъ, братецъ ты мой, какъ хочешь, кричалъ онъ Акулѣ Герасимовичу, ударяя кулакомъ по сто-

лу: – а не смѣй сбрасывать трефовой дамы; этого, братъ, ты не смѣй!...

– Во-первыхъ, я не ты, сердито отвѣчалъ ему экзекуторъ; а во-вторыхъ, не имѣя чести васъ знать лично, я спрашиваю васъ, м. г., по какому праву вы осмѣливаетесь здѣсь кричать?...

– Что? что?...

– Полноте, господа! Вакхъ Онуфріевичъ, какъ тебѣ не стыдно! сказалъ Ѳома Ѳомичъ: – эка бѣда, что Акула Герасимовичъ сбросилъ трефульку, а тебѣ бы козырнуть, да козырнуть, и дѣло было бы съ концомъ.

Не знаю, чѣмъ бы окончилось все это, еслибъ звуки первой французской кадрили, шарканье танцующихъ, и въ особенности неистовыя притаптыванія молодаго Кувыркова не возбудили въ игрокахъ желанія посмотрѣть, что̀ происходило въ гостиной. Дѣйствительно, было чѣмъ полюбоваться; Петръ Петровичъ, танцующій съ Любовію Ѳоминишною, казалось, хотѣлъ на этотъ разъ превзойти самого себя. То съ какимъ-то страстнымъ томленіемъ провожалъ онъ свою даму глазами; то вдругъ вскидывался въ сторону и семенилъ ногами чрезвычайно быстро; когда дамѣ его слѣдовало дѣлать балансе, онъ преклонялъ предъ нею одно колѣно, махалъ

по воздуху платкомъ и улыбался такъ, что сама Любочка невольно должна была потуплять глаза.

Были и другія лица, достойныя вниманія, какъ напримѣръ, Волосковъ и еще какой-то молодой чиновникъ въ черномъ фракѣ, танцующій съ дочерью Силы Мамонтовича, и который употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы обратить на себя вниманіе, но они рѣшительно исчезали передъ удалью Петра Петровича.

— Ну ужь признаюсь, сударыня, вашъ сынъ

такъ танцуетъ, сказалъ толстый бухгалтеръ Пелагеѣ Кузминишнѣ: — что я и сказать не умѣю... и гдѣ это онъ такъ ловко навострился?...

— Мой Петинька еще по сію пору не покидаетъ уроковъ... каждую субботу аккуратно посѣщаетъ онъ танц-классы.

— А должно быть тамъ очень хорошо учатъ, въ этихъ танц-классахъ?

— Онъ говоритъ, что нигдѣ такъ нельзя научиться танцамъ... кромѣ этого, общество, *компанія*, все это тамъ такъ хорошо, благовоспитанно...

— Конечно, сказала Наталья Васильевна: — для молодаго человѣка съ образованіемъ это много значитъ, въ особенности если тамъ, какъ вы говорите, общество, внушающее ему блескъ, лоскъ, этакъ, знаете необходимый... лессе-алле... тутъ дама запуталась, или, какъ говоритъ Гоголь, зарапортовалась.

— А позвольте узнать, сударыня, сколько тамъ платятъ, или это такъ приглашеніе какое-нибудь? продолжалъ разспрашивать простодушный бухгалтеръ.

— О, нѣтъ-съ, платятъ такъ же, какъ и въ Клубѣ Соединеннаго Общества, отвѣчала не менѣе простодушная Пелагея Кузминишна. — Только не знаю

сколько... да вотъ, Петинька, Петинька! сколько ты платишь въ танц-классѣ за урокъ?

— Цѣлковый! звонко закричалъ молодой Кувырковъ, дѣлая антраша.

— Скажите, пожалуйста, да это просто кладъ.

— Ужь не говорите...

Кадрили шли одна за другой и прерывались только Софьею Ивановной и Савишной, разносившими гостямъ (какъ-бы нарочно во время танцевъ) яблоки, пастилу и винныя ягоды.

Одушевленіе танцующихъ возрастало съ каждымъ часомъ; даже Дмитрій Алексѣевичъ Волосковъ, танцовавшій во все время бала съ Вѣрочкою и не сказавшій ей ни единаго слова, рѣшился наконецъ начать разговоръ.

— Какія вы бѣленькія... сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ и потупляя взоръ.

— Ахъ, что̀ вы говорите-съ! я совсѣмъ не бѣленькая.

— Нѣтъ-съ, вы право очень бѣленькія...

— Нѣтъ-съ, совсѣмъ напротивъ того-съ...

Впрочемъ, ихъ разговоръ не былъ продолжителенъ; они въ одно время сконфузились и снова замолчали.

Самъ Иванъ Ивановичъ Масляниковъ не могъ

утерпѣть, чтобы не присоединиться къ танцующимъ; онъ пригласилъ младшую дочь г-жи Семяничкиной и пустился въ плясъ.

Скачки и прыжки молодаго Кувыркова все болѣе и болѣе приковывали общее вниманіе; но когда дѣло дошло до мазурки и онъ пустился въ первой парѣ съ Надинькой, не только раздались восклицанія, но даже въ нѣкоторыхъ концахъ залы послышались рукоплесканія.

– Ахъ, Боже мой, какое счастіе имѣть такого сына! Какой прекрасный молодой человѣкъ! Какая ловкость! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Пелагея Кузминишна была внѣ себя отъ радости и материнской гордости.

Толпа болѣе и болѣе окружала танцующихъ. Кувырковъ болѣе и болѣе горячился; вдругъ, въ ту самую минуту, какъ онъ сталъ посреди залы, чтобы выкинуть какую-то штуку, панталоны его, которые для большаго эффекта были резинчатые, на этотъ разъ измѣнили ему: штрибка лопнула, и молодой Кувырковъ очутился посреди гостиной съ обнаженною ногою!!....

Кто опишетъ дѣйствіе, произведенное этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ на гостей Крутобрюшкова? Чья кисть въ состояніи будетъ изобразить

фигуру Петра Петровича, принужденнаго показать всему обществу натуральную красоту ноги своей?

Мазурка остановилась, страшный хохотъ раздался повсюду (Михайло Михайловичъ хохоталъ громче всѣхъ), барышни съ визгомъ закрыли лицо руками; Пелагея Кузминишна не могла устоять противу такого крутаго переворота судьбы; съ нею сдѣлалось дурно; словомъ, смятеніе было неописанное.

Кувырковъ, прикрывъ кое-какъ ногу платкомъ, побѣжалъ, сломя голову, въ кухню, сбилъ съ ногъ Савишну, которая въ свою очередь опрокинула

на полъ подносъ уже съ готовыми бутербродами, и не взирая на послѣдствія побѣга, направился домой.

Какъ бы то ни было, обстоятельство это сильно подѣйствовало на общее удовольствіе. Пелагея Кузминишна, не смотря ни на какія увѣщанія, не согласилась остаться на вечерѣ послѣ случившагося съ возлюбленнымъ ея сыномъ скандала и тотчасъ же уѣхала. Игравшіе въ карты и прерванные посреди партіи общимъ смятеніемъ, не изъявили большаго желанія продолжать игру, тѣмъ болѣе, что Вакхъ Онуфріевичъ снова бурлилъ, грозя экзекутору уничтожить его, если онъ осмѣлится еще разъ сбросить пиковую осьмерку. Аполлонъ Игнатьевичъ также не изъявилъ особеннаго желанія продолжать играть на фортепьяно и отговаривался усталостію, словомъ, все способствовало къ прекращенію увеселенія.

Рѣшили, что пора было перекусить. — Не станемъ здѣсь распространяться объ ужинѣ; скажемъ только, что кулебяка, въ особенности бутерброды были найдены чрезвычайно вкусными и заслужили Софьѣ Ивановнѣ лестныя похвалы, отъ всѣхъ, за исключеніемъ Михайла Михайловича Желчнаго, который и тутъ не могъ утерпѣть, чтобы не сказать

на-ухо экзекутору, что кулебяка слишкомъ поджарена, а на бутербродахъ, вмѣсто пармезана, насыпана пыль. Икорка также была весьма кстати; но Ѳома Ѳомичъ отчаявался, видя, сколько ошибся въ разсчетѣ, замѣнивъ ею телятину, ибо возбуждая жажду, она заставляла гостей безпрерывно прибѣгать къ напиткамъ, которыхъ не осталось ни единой капельки. Вакхъ Онуфріевичъ, во время закуски, до того прикладывался къ разнымъ водкамъ, что вопреки долга, чести, приличія, снялъ съ себя виц-мундиръ, и не взирая на присутствіе барышень, наговорилъ кучу неблагопристойностей, за что и былъ выведенъ подъ руки на улицу.

Вскорѣ послѣ этого, гости стали мало-по-малу приготовляться къ отъѣзду. Первыми дезертерами оказались Семяничкины.

— Ну, прощайте, душенька, Софья Ивановна, благодарствуйте за-хлѣбъ за-соль, да смотрите же, не позабывайте насъ... Ашинька, ты трубку не позабыла?

– Нѣтъ-съ, маменька, она у меня.

— Ну, хорошо, а гдѣ же Владиміръ Макаровичъ? Владиміръ Макаровичъ!...

Но Владиміръ Макаровичъ не откликался; въ комнатахъ его не было. Стали искать. Перешарили

рѣшительно всѣ комнаты; Семяничкина нѣтъ какъ нѣтъ. Ѳома Ѳомичъ бѣгалъ взадъ и впередъ изъ гостиной въ кухню, изъ кухни въ гостиную, заглядывалъ даже подъ столы и диваны, Семяничкинъ все-таки не отъискивался. Все общество принимало живѣйшее участіе въ пропажѣ чиновника. Наталья Васильевна была въ ужасномъ волненіи; Анфиса и Аннинька плакали. Наконецъ, Михайло Михайловичъ Желчный шепнулъ что-то на-ухо Ѳомѣ Ѳомичу, а хозяинъ дома произнесъ улыбнувшись: — А вотъ я сію минуту приведу его, не безпокойтесь...

Вскорѣ явился онъ, держа за руку Владиміра Макаровича, у котораго были заспанные глаза и платье въ чрезвычайномъ безпорядкѣ.

– Ахъ, Боже мой! вскричала Наталья Васильевна, краснѣя: – гдѣ же онъ былъ? гдѣ?...

— Владиміръ Макаровичъ... пошелъ... ну, да и заснулъ...

– Нѣтъ... я... такъ немножко-съ... я ничего-съ... я ничего-съ...

— Какова на дворѣ погодка? спросилъ улыбаясь Михайло Михайловичъ у Семяничкина.

Всѣ захохотали.

— Покорно благодарю-съ... холодно... пробормоталъ Владиміръ Макаровичъ, робко озираясь во всѣ стороны и не находя мѣста, куда бы спрятаться.

— Прощайте же, Софья Ивановна, сказала Наталья Васильевна. — Ѳома Ѳомичъ, мое почтеніе... вотъ я тебѣ задамъ послѣ... дурачина!... срамить меня здѣсь вздумалъ... погоди!... продолжала она на-ухо мужу, въ то время, какъ пробиралась съ нимъ по корридору.

— Я ей-Богу... Наталья Васильевна... ничего... такъ... только...

— Вотъ я тебѣ ничего... дай только пріѣхать... прощайте, любезная Софья Ивановна... прощайте...

Ѳома Ѳомичъ взялъ въ кухнѣ свѣчку, чтобъ проводить гостей, потому-что, отъискивая въ сѣняхъ Семяничкина, нашелъ огарки сгорѣвшими; вмѣсто нихъ на лѣстницѣ валялись однѣ только рѣпы.

— Мое почтеніе, Наталья Васильевна...

— Прощайте, Ѳома Ѳомичъ... не простудитесь.

Владиміръ Макаровичъ ничего не сказалъ, потому-что былъ ни живъ ни мертвъ въ ожиданіи грозы, обѣщанной ему дражайшею его половиною.

Михайло Михайловичъ и Акула Герасимовичъ не замедлили проститься съ Крутобрюшковыми, и первый не переставалъ ругать наповалъ экзеку-

тору всѣхъ и каждаго во все продолженіе дороги. Напрасно Ѳома Ѳомичъ уговаривалъ Силу Мамонтовича остаться еще на часочикъ и поиграть въ преферансъ, но и Сила Мамонтовичъ послѣдовалъ общему примѣру и отказался отъ приглашенія. Пока все общество занято было отъѣздомъ, и хозяева дома находились въ кухнѣ, Дмитрій Алексѣевичъ Волосковъ остановилъ Вѣрочку у окна гостиной, твердо рѣшившись на этотъ разъ сдѣлать ей формальное изъясненіе въ любви.

– Нѣтъ, вы меня теперь позабудете, говорилъ онъ, переминая въ рукахъ шляпу. – Вѣра Ѳоминишна, вы не захотите даже и вспомнить...

– Ахъ, перестаньте...

– Нѣтъ, я никакъ не могу перестать... я... вы... вы построили на сердцахъ любящихъ васъ людей... храмъ вѣчныхъ мученій...

«Нѣтъ, напротивъ того-съ... вы меня обижаете...

– Нѣтъ, Вѣра Ѳоминишна... я васъ не могу, я не смѣю обижать... я всю жизнь желалъ бы остаться съ вами... я теперь одинъ... безъ васъ я готовъ умереть...

– Я также одна останусь... и... когда вы уѣдете... радужныхъ цвѣтовъ будетъ очень мало...

*

Богъ знаетъ до чего бы дошелъ діалогъ влюбленныхъ, еслибъ кума Арина Петровна не явилась въ гостиную отыскивать Вѣру, съ которою непремѣнно хотѣла проститься. Молодой Волосковъ долженъ былъ поневолѣ разстаться съ своей возлюбленной.

Не прошло четверти часа, какъ квартира Крутобрюшкова опустѣла; одинъ только Иванъ Ивановичъ Масляниковъ никакъ не могъ управиться съ Ванюшею, который какъ-то послѣ сна былъ вовсе не любезенъ и, не взирая на ласки и увѣщанія Софьи Ивановны, безмилосердно тузилъ отца въ правую щеку.

Всѣ разошлись и разъѣхались съ полными карманами и ридикюлями пересудовъ и весьма остроумныхъ замѣчаній на счетъ бала и домочадцевъ Ѳомы Ѳомича Крутобрюшкова. Что жъ дѣлать! вездѣ такъ водится; на томъ свѣтъ стоитъ.

Что жъ касается до Софьи Ивановны, то она, проговоривъ послѣднее сладенькое прощанье послѣднему гостю, за которымъ затворилась дверь, мгновенно перемѣнила интонацію и накинулась на простодушную Савишну.

— Отличилась, родимая; срѣзала ты мою головуш-

ку!... да съ чего ты тогда одурѣла, болванъ! деревенщина ты этакая!...

Тутъ Софья Ивановна, начавшая-было распекать кухарку съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, стала вдругъ, какъ выражался ея мужъ, *угощать* ее такими отборными словами, что мы не рѣшаемся передать ихъ бумагѣ.

Савишна задремала, стоя передъ своей барыней, и прослушавъ наставленіе, чуть не повалилась отъ сна.

Самъ Ѳома Ѳомичъ едва держался на ногахъ; впрочемъ, онъ еще довольно долго ходилъ по комнатѣ; не совсѣмъ обыденныя мысли мелькали въ головѣ его. Ѳому Ѳомича мучилъ демонъ самолюбія и честолюбія. – Онъ совершенно былъ увѣренъ, что много выигралъ своимъ баломъ. — Одно то, что отъ пуншика перепились, чрезвычайно утѣшала его, какъ хозяина. Онъ завтра же въ департаментѣ, весьма ловко и скромно, въ одушевленномъ мѣстѣ своего разсказа о вчерашнемъ торжествѣ, могъ вставить Вакха Ануфріевича, человѣка почтеннаго, но совершенно лишившагося благоразумнаго управленія своими способностями отъ радушнаго угощенія и хлѣбосольства хозяина. — Такимъ образомъ, Ѳома Ѳомичъ, за двадцать руб-

лей, могъ прослыть хлѣбосоломъ, да наконецъ и то, что ящикъ изъ Италіи достался совѣтнику. — «Это все кстати, думалъ Крутобрюшковъ: — оно хоть и ничего на дѣлѣ-то; можетъ-быть ящикъ-то изъ Италіи ему и совсѣмъ не нуженъ, можетъ-быть, завтра же пожертвуетъ имъ въ пользу Авдотьи Семеновны, или другимъ какимъ образомъ распорядится; но все-таки этимъ ящикомъ я успѣлъ найдти въ человѣкѣ, угодить. Я умѣлъ забѣжать кстати; оно хорошо, оно пригодится; кстати забѣжать всегда пригодится... и Ѳома Ѳомичъ заснулъ съ мыслями о томъ, на что пригодится иногда забѣжать кстати.

Съ своей стороны, Софья Ивановна сначала думала о пуншткѣ, потомъ мысль ея весьма постепенно перешла къ лентамъ на чепцѣ Натальи Васильевны и восьми фунтамъ телятины, замѣненнымъ икрою; потомъ еще постепеннѣе перешли онѣ къ Ванюшѣ, тузящему въ правую щеку своего папеньку и новымъ башмакамъ Нади; далѣе занялась она дороговизною дровъ и полтинникомъ, сданнымъ ей когда-то какимъ-то купчикомъ недурной наружности, у котораго былъ разодраный рукавъ... она долго и заботливо думала о крендель кумушки Арины Петровны и наконецъ съ удоволь-

ствіемъ остановилась на дородствѣ Силы Мамонтовича...

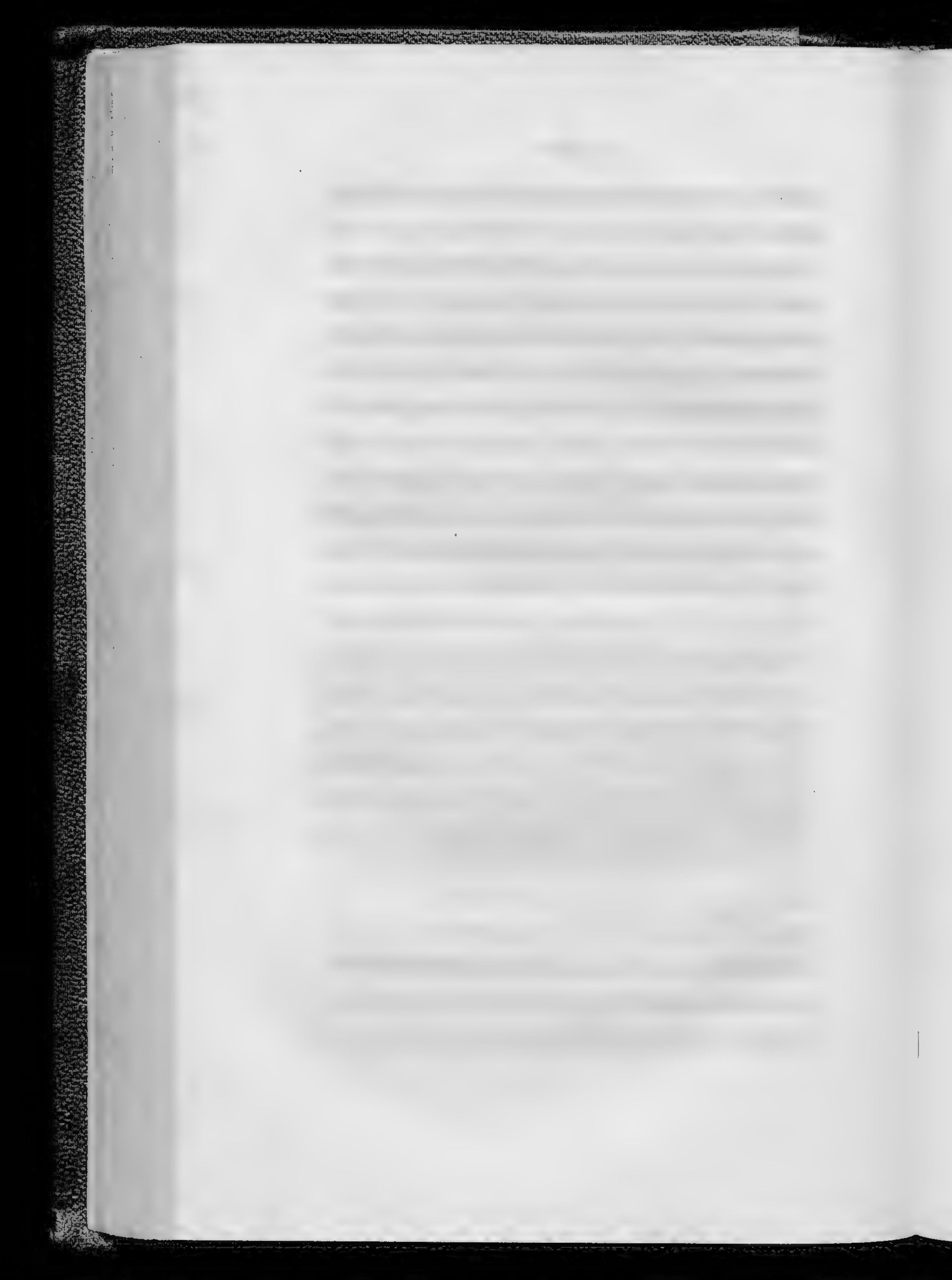
Вѣрочка долго мечтала о Волосковѣ; мысли ея также переходили въ разныя стороны, но однако все вертѣлись вокругъ любимаго предмета. Что жь касается до Любы и Нади, то — онѣ просто заснули. - Вообще всѣ три были очень довольны, что попрыгали.

Но Савишна была недовольна; во-первыхъ, потому-что Михайло Михайловичъ Желчный сказалъ ей, что она вчерашняя давишняя, тогда какъ всему свѣту извѣстно, что она ужь бабій вѣкъ доживала; во-вторыхъ, что сильно заругалась хозяйка.

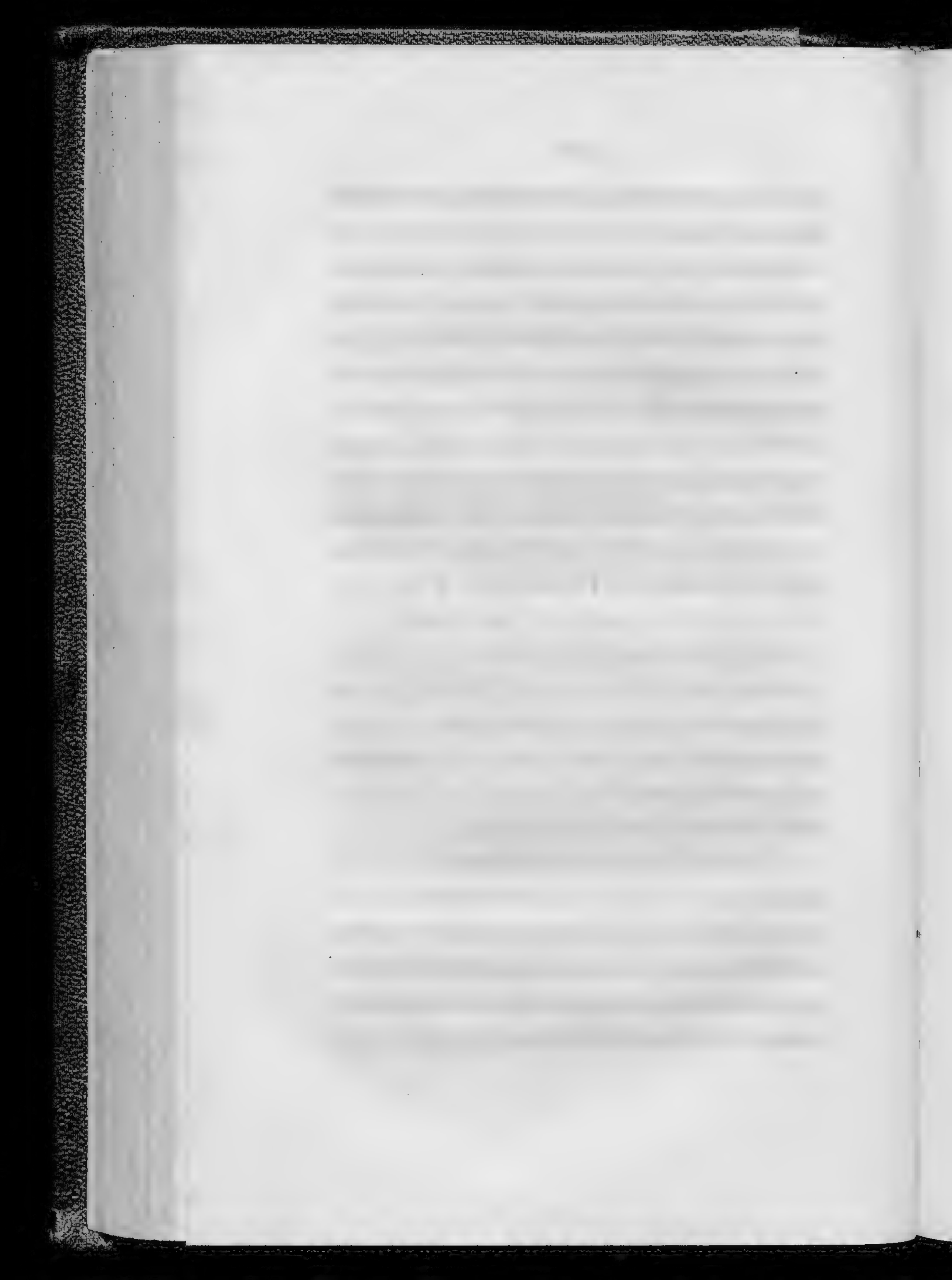
Неизвѣстно, на чемъ еще бродили ея мысли; но достовѣрно извѣстно въ этой совершенно правдивой исторіи, что Савишна долго потягивалась, много зѣвала и нѣсколько разъ приподнималась на рукѣ съ кровати, чтобы прикрикнуть на голодную кошку, съ какимъ-то остервенѣніемъ глодавшую кость:

— Брысь! ты окаянная!!...

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

Петербургскій
ФЁЛЬЕТОНИСТЪ.

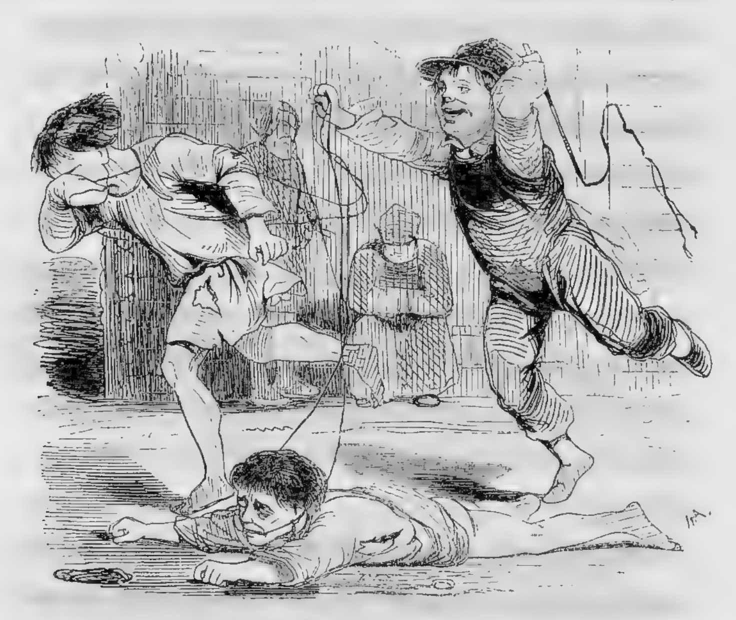
ПЕТЕРБУРГСКІЙ ФЁЛЬЕТОНИСТЪ.

«Я самъ по примѣру твоему, душа Тряпичкинъ, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу: точно надо чѣмъ нибудь высокимъ заняться...» *(Ревизоръ.)*

I.

Онъ, будущій петербургскій фёльетонистъ, воспитывается до извѣстнаго возраста дома, какъ воспытываются въ Россіи иныя барскія дѣти — по деревнямъ, среди грязныхъ и оборванныхъ дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, которыми онъ — ребенокъ — повелѣваетъ самовластно. Исторія его дѣтства — исторія дѣтства многихъ изъ насъ. Здѣсь подробности не нужны. Попечительные и нѣжные родители, какъ водится, пичкаютъ въ него булки и пряники съ утра до ночи. Аппетитъ у дитяти, нечего Бога гнѣвить, изрядный, потому-что онъ цѣлый день въ движеніи, цѣлый день бѣгаетъ по двору, да го-

пяетъ кнутомъ дворовыхъ мальчишекъ, огрызаясь съ бабами и лакеями. Между-тѣмъ, онъ кое-чему и

учится—и даже *зубритъ* (употребляя школьное выраженіе) французскіе вокабулы. Лѣтъ въ 12 онъ уже достаточно вытянулся. Попечительные и нѣжные родители (у которыхъ отъ 200 осталось только 45 заложенныхъ и перезаложенныхъ душъ) находятъ неприличнымъ держать его долѣе дома и отсылаютъ въ Москву въ пансіонъ. — Въ пансіонѣ его учатъ всему понемножку и ничему не выучиваютъ; однако лѣтъ въ 15 онъ переводитъ съ французскаго на русскій довольно сносно, и начинаетъ

чувствовать страстишку къ чтенію. На школьной лавкѣ потихоньку отъ гувернеровъ и учитетей, перечитываетъ отъ всѣ романы (въ россійскихъ переводахъ) отъ г-жъ Котень и Жанлисъ до Вальтера Скотта включительно.

Эти романы возбуждаютъ въ немъ неопредѣленное и тревожное желаніе самому сдѣлаться сочинителемъ.

Учитель словесности — педантъ-семинаристъ — своими похвалами еще болѣе раздражаетъ въ немъ это желаніе. И герой мой, въ свободные отъ лекцій часы, сидитъ въ углу классной комнаты и тамъ на лоскуткахъ бумаги все пишетъ и написанное тщательно прячетъ отъ всѣхъ.

Однажды, когда онъ сидитъ надъ лоскуткомъ, грызетъ перо, качаетъ головой и бормочетъ что-то сквозь зубы, одинъ изъ его товарищей ловко подкрадывается къ нему и уноситъ его завѣтный лоскутокъ съ стишками... Будущій фёльетонистъ вскрикиваетъ отъ испуга, съ ожесточеніемъ бросается на товарища; но тотъ однимъ толчкомъ обезоруживаетъ безсильнаго поэта и убѣгаетъ отъ него съ своимъ пріобрѣтеніемъ... Черезъ двѣ минуты весь пансіонъ окружаетъ сочинителя. «У! у! сочинитель! сочинитель!» кричатъ мальчишки, дразня его

языкомъ, смѣясь и прыгая около него. Съ-тѣхъ-поръ ему не даютъ покоя; но не смотря на преслѣдованіе товарищей, охота писать не оставляетъ его. Онъ постоянно пачкаетъ бумагу или читаетъ разрозненные томы русскихъ журналовъ.

Наконецъ, ожесточеніе противъ него товарищей мало-по-малу прекращается: они, смѣясь надъ нимъ, не шутя пріучаются къ мысли, что онъ сочинитель. И бѣдняжка (ему почти 17 лѣтъ) нѣсколько ободряется: онъ въ подражаніе тѣмъ журналамъ, которые читалъ, хочетъ и самъ издавать журналъ для своего класса. Онъ покупаетъ для будущаго журнала прекрасную тетрадку, двѣ недѣли расписываетъ заглавный листъ, двѣ недѣли разрисовываетъ виньетку. Когда же и заглавный листъ и виньетка окончены, онъ начинаетъ думать о содержаніи своего журнала, пишетъ для него и стишки и повѣсти и критики... Стишки и повѣсти немного затрудняютъ его. «Подбирать рифмы не легко, выдумывать *сюжетцы* для повѣстей также трудновато» думаетъ онъ: «критика легче, а можетъ-быть она мое «истинное призваніе» (эту фразу онъ—плутъ —вычиталъ въ журналѣ). *Критика?..* Что̀, если я буду когда-нибудь *настоящимъ* сочинителемъ? Кажется, можно сойти съ ума отъ радости, видя въ пе-

чати свои сочиненія!..» И отдаваясь этимъ мечтамъ соблазнительнымъ, онъ — тихій и скромный мальчикъ — аккуратно и красиво переписываетъ свои сочиненія въ тетрадку. Проходятъ 2 мѣсяца: вся тетрадка исписана, журналъ готовъ, онъ уже переходитъ изъ рукъ въ руки. Страшная минута для издателя!.. У него замираетъ духъ.

Чѣмъ-то рѣшится его участь?... Но надъ нимъ уже не смѣются, его читаютъ, его даже немножко похваливаютъ... Весело быть сочинителемъ!

Скоро затворническая жизнь его кончается; изъ мальчика, онъ дѣлается молодымъ человѣкомъ, и держитъ экзаменъ въ университетъ.

Онъ уже студентъ! Онъ вмѣсто отложныхъ воротничковъ носитъ галстухъ; онъ безъ провожатаго ходитъ по московскимъ улицамъ и бульварамъ; онъ послѣ лекцій забѣгаетъ въ лавку *Пера* съѣсть пирожокъ. Перспектива жизни открывается передъ нимъ: сколько соблазновъ! Театръ, слоеные пирожки, хорошенькія дѣвушки, вино и журнальныя статейки...

Молодой человѣкъ, по маленьку пользуясь жизнію, переходитъ во второй курсъ; физіономія его принимаетъ болѣе серьёзное выраженіе. Онъ надѣваетъ очки, зѣваетъ на лекціяхъ, робко подглядываетъ подъ шляпки, насвистываетъ водевильные куплетцы и грезитъ о будущей литературной славѣ своей, переводя между-тѣмъ, для собственнаго удовольствія, разныя мелкія повѣсти и стишки изъ французскихъ журналовъ.

Очки придаютъ ему нѣкоторую важность и рождаютъ въ немъ маленькую самонадѣянность... «А почему же мнѣ не попытаться» говоритъ онъ самому себѣ, поправляя очки:— «почему не попытаться отослать хоть одинъ изъ моихъ переводовъ въ жур-

налъ? Очень вѣроятно, что и напечатаютъ... слогъ, кажется, не дуренъ... Право, отошлю!»

Письмо и статья отосланы. Съ этой минуты, болѣзнь ожиданія овладѣваетъ молодымъ человѣкомъ... Передъ выходомъ книжки журнала, онъ начинаетъ чувствовать лихорадку и біеніе сердца. Книжка вышла... Толкая и сбивая съ ногъ всѣхъ встрѣчающихся, бѣжитъ онъ въ книжную лавку. Его узнать нельзя: онъ безъ очковъ, потъ льется ручьями по лицу его, онъ тяжело переводитъ дыханіе, онъ, заикаясь, едва можетъ сказать сидѣльцу книжной лавки:

«Дайте мнѣ, пожалуйста... посмотрѣть... послѣдній нумеръ...»

Съ жадностію схватываетъ онъ поданную ему книжку, боязливо переворачиваетъ листъ за листомъ, руки его дрожатъ... о Боже!.. Онъ не вѣритъ глазамъ своимъ... напечатанъ! переводъ его напечатанъ!.. Онъ прочитываетъ его отъ начала до конца, потомъ отъ конца до начала... И поправокъ не такъ много!.. Онъ любуется печатными буквами и не налюбуется. Съ трудомъ отрывается онъ отъ книжки — и возвращается домой, съ неописаннымъ восторгомъ, напѣвая водевильный куплетецъ.

Участь его рѣшена окончательно. Онъ уже считаетъ себя литераторомъ и говоритъ одному офицеру, своему родственнику, пріѣхавшему въ отпускъ въ Москву изъ Харькова:

«Я, душа моя, заваленъ переводами, я вѣдь главный сотрудникъ въ журналѣ NN».

— Браво! замѣчаетъ офицеръ, крутя усъ и прищелкивая языкомъ, — ты чортъ возьми молодецъ, Петя! Прямо въ Пушкины, канальство, лѣзешь!

Студентъ не можетъ скрыть пріятной улыбки, крѣпко жметъ руку офицера и бѣжитъ къ журналисту, чтобъ начать поскорѣе пожинать литературные лавры. Журналистъ принимаетъ его съ сухою важностію, но когда молодой человѣкъ съ трепетомъ объявляетъ, что готовъ *безденежно* и постоянно трудиться въ его журналѣ — строгое и мудрое чело журналиста проясняется.

— Безденежно! — думаетъ журналистъ: — а, это дѣло другое!.. Этотъ молодой человѣкъ очень порядочный, по всему видно; я очень люблю этакихъ горяченькихъ новичковъ! Ктому же переводитъ онъ такъ себѣ — ничего. Мы имъ воспользуемся... Журналистъ мысленно прогоняетъ уже отъ себя своего сотрудника, который бралъ съ него по 20 р.

за переводный листъ — и, обращаясь къ моему герою, съ улыбкою произноситъ :

— Не хотите ли трубочки, почтеннѣйшій? а? Я почитаю корректуру, приищу вамъ кое-какую работу, а вы посидите покуда, да покурите...

О счастіе! Благоговѣйно осматриваетъ молодой человѣкъ комнатку, въ которую, по его мнѣнію, допускаются только свѣтила ума, избраннѣйшіе изъ избранныхъ... Груды рукописей, книгъ, газетъ и журналовъ французскихъ и нѣмецкихъ разбросаны по столамъ, пыльные и въ безпорядкѣ; корректуры валяются по полу. (Въ то время журналисты еще не украшали себя цвѣтами и мебелью

*

Гамбса). Что-то таинственное и заманчивое для героя моего въ этой довольно грязной комнаткѣ журналиста. И властелинъ этой комнатки, онъ, этотъ великій человѣкъ, для котораго не существуетъ никакихъ литературныхъ тайнъ, онъ, владѣтель этихъ бумажныхъ и пыльныхъ сокровищъ, могучій раздаватель славы и безсмертія, грозный и неумолимый судія, — сидитъ передъ нимъ, передъ бѣднымъ и неизвѣстнымъ студентомъ, и ставитъ чародѣйственныя каракульки всесильнымъ перомъ своимъ на грязныхъ корректурныхъ листахъ. Дивныя минуты! Студентъ мой готовъ для этого великаго человѣка трудиться не только безденежно, онъ былъ бы радъ отдать ему свои собственныя деньги, еслибъ онѣ у него были, за лестное позволеніе участвовать въ его журналѣ... Бѣдный фёльетонистъ, — въ сію минуту жалкое орудіе презрѣнной воли своего барина, какого-нибудь торгаша-газетчика, или журналиста, комокъ грязи въ предательской рукѣ его! Ты, можетъ-быть, забылъ эти дни своей невинности, безкорыстныя мечты своей свѣтлой юности!...

Но къ чему отступленія? Это и старо и пошло. На чемъ бишь я остановился?... Да... герой мой скоро изъ студента превращается въ кандидаты;

старичокъ - отецъ его умираетъ; матери его давнымъ - давно нѣтъ на свѣтѣ. Онъ круглый сирота — онъ вольная птица и наслѣдникъ 45 заложенныхъ и перезаложенныхъ душъ. Онъ продаетъ ихъ и выручаетъ за уплатою долга 5000.

Школьныя тетради подъ столомъ, бутылка шампанскаго на столѣ; ломбардный билетъ размѣненъ.

— Чокнемся, монширъ! говоритъ онъ своему родственнику офицеру, который (нельзя не замѣтить) уже вышелъ въ отставку и женился въ Москвѣ.—Я теперь не менѣе тебя чиномъ: я кандидатъ. Не шути, братъ, со мною!

«Чокнемся, дружище, чокнемся! со вздохомъ отвѣчаетъ отставной офицеръ: — что чины, братецъ, не въ чинахъ дѣло! Была бы воля своя. А то... (офицеръ махаетъ рукою). Не женись, Петя, не женись, милый... Напиши-ка, братецъ, куплеты противъ женидьбы. Ей богу, напиши... а ужь я вотъ какое тебѣ скажу за это спасибо...

Къ новому кандидату очень къ лицу его форменный фракъ съ пуфами на плечахъ, съ высокимъ воротникомъ и длинными фалдами! Блестящая пуговица сверкаетъ на его чорной манишкѣ; подбородокъ его то ныряетъ въ пестрый волнистый галстукъ, то снова выскакиваетъ на его поверхность;

лицо лоснится самодовольствіемъ. Комнатка его убрана съ большимъ вкусомъ. На стѣнѣ висятъ картиночки и портретцы великихъ людей. На этажеркѣ стоитъ серебряная сахарница, четыре книжки въ яркомъ переплетѣ и бумажникъ, подаренный *кузиною*, на которомъ стальнымъ бисеромъ по розовому полю вышито: *souvenir*... Онъ — сидитъ за письменнымъ столикомъ своимъ и сочиняетъ статейку, подъ заглавіемъ: *Теорія и практика краснорѣчія*, — глубокомысленная статейка!

Говорятъ, всѣ кандидаты начинаютъ въ Москвѣ обыкновенно свое служебное поприще съ учительства. И мой молодой человѣкъ дѣлается также учителемъ.

Начальство тѣхъ заведеній, гдѣ онъ учитъ, довольно его акуратностію. Его похваливаютъ и даютъ ему награжденіе. Слухи о его способностяхъ и главное — акуратности распространяются по Москвѣ. Родители его ищутъ, онъ въ иныхъ домахъ получаетъ уже по 10 рублей за часъ!

Жизнь шире и шире раздвигается передъ нимъ. Иногда онъ обѣдаетъ у Яра, а послѣ обѣда играетъ у пріятеля въ преферанчикъ и вистикъ; онъ танцуетъ на замоскворѣцкомъ балку. Онъ не пропускаетъ ни одного представленія, когда Мочало́въ играетъ

въ трагедіи... А деньги выходятъ незамѣтно. Проклятыя деньги! Прощайте же вы — невинныя грезы юности! Прощайте и вы, труды безкорыстные!

— Не хочу печатать въ журналѣ ни одной строчки безъ денегъ! думаетъ онъ, притопнувъ рѣшительно ногой. Надо же попить да повеселится!...

Въ свое время и любовь *идеальная* приходитъ. Какъ же безъ *идеальной* любви? Герой мой влюбляется въ барышню, вздыхаетъ, пишетъ стишки: «къ ней» и печатаетъ ихъ; онъ, разплываясь, смотритъ на *милую воровку своего покоя*, а отставной офицеръ подходитъ къ нему, ударяетъ его по плечу, и говоритъ: — Ахъ ты Марлинскій этакой! Ну, смотри, мечтатель!... Держи ухо востро, братецъ, а то и не увидишь, какъ скрутятъ!..

Впрочемъ, герою моему и не нужно предупрежденія. Онъ влюбился больше для того, чтобъ только писать стишки «къ ней». У него ужь теперь не любовь на умѣ... Ему смертельно хочется сдѣлаться редакторомъ какой-нибудь газеты, какого-нибудь повременнаго изданія. Вотъ какъ! — Эта мысль безпощадно повсюду гоняется за нимъ. Мысль — хорошая! Говорятъ, будто-бы точно очень лестно для самолюбія увидать въ концѣ газеты, или хоть биржеваго прейсъ-куранта, свое имя, набранное

капителью! У моего молодаго человѣка нѣтъ ни малѣйшей надежды выхлопотать себѣ позволеніе издавать журналъ или газету, — не смотря на то, онъ все пишетъ програмы журналовъ и газетъ и все толкуетъ объ литературной добросовѣстности и благонамѣренности...

Но въ Москвѣ скоро становится ему неловко и скучно.

Тамъ нѣтъ газетъ, тамъ нѣтъ фёльетонной литературы, тамъ не любятъ легкаго чтенія...

Москва не обращаетъ вниманія на остроумныя статейки моего молодаго человѣка... До того ли ей? Москва любомудрая хлопочетъ все о разрѣшеніи великихъ словено-христіанскихъ вопросовъ.

То ли дѣло Петербургъ!.. Петербургъ только и хлопочетъ о деньгахъ. Тамъ раздолье литературнымъ спекулянтамъ, шутамъ и гаерамъ... Тамъ ловкіе люди пріобрѣтаютъ великіе капиталы различными литературными продѣлками; тамъ пользуются литературной славой — господа не написавшіе ни одной строки... Тамъ... но мало ли чего нѣтъ тамъ?

Вотъ отрывокъ изъ письма, которое авторъ *Теоріи и Практики*, будущій петербургскій фельето-

нистъ, получилъ отъ одного петербургскаго дѣйствительнаго фельетониста — своего друга.

«Да, Петя, ваша Москва деревня въ сравненіи съ нашимъ Петербургомъ... Что тебѣ безъ всякой славы и вознагражденія работать въ московскихъ журналахъ, о существованіи которыхъ у насъ и не подозрѣваютъ? — Я знаю, что ты получаешь тамъ не больше 25 руб. за оригинальный листъ, хоть и прикидываешься, плутъ, будто не берешь менѣе 150 р., а здѣсь 4000 р. въ годъ получаетъ всякій корректоръ. Здѣсь, душа, корректурою наживаютъ себѣ славу... Я скажу тебѣ про себя, что, кромѣ жалованья, извѣстнаго тебѣ, я пользуюсь и другими невинными доходцами: всѣ кандитеры, напримѣръ, меня знаютъ; я всякій день захожу въ кандитерскія и ѣмъ даромъ просто сколько душѣ угодно; волочусь, дружокъ, безъ пощады; кремамомъ меня такъ и обдаютъ и купцы и актеры и офицеры... Словомъ, здѣсь настоящій рай земной... Образованіе въ Петербургѣ распространено во всѣхъ классахъ: когда я иду по Невскому, то всѣ проходящіе говорятъ: — а вонъ идетъ фёльетонистъ такой-то... Что, кончилъ ли ты свой водевильчикъ, который читалъ мнѣ прошлаго года, въ послѣдній пріѣздъ мой въ Москву? Нѣкоторые ку-

плетцы у тебя, я помню, чудо! Я самъ накаталъ водевильчикъ...» и проч.

«Въ Петербургъ! въ Петербургъ!» восклицаетъ герой мой, прочитавъ эти строки... «У меня есть въ Петербургѣ знакомый журналистъ; напишу къ нему, и предложу себя къ его услугамъ. Онъ человѣкъ добросовѣстный — это важное дѣло; мы съ нимъ, вѣрно, сойдемся... Я наживу себѣ въ нѣсколько лѣтъ капиталецъ, — заведу, можетъ-быть, со временемъ свой экипажецъ, своихъ лошадокъ... А между-тѣмъ и службой займусь. Въ Петербургѣ нельзя не служить... Деньги — деньгами, а чины — чинами. Одно другому не мѣшаетъ... Напротивъ... Я буду принадлежать къ самой добросовѣстной литературной партіи...» и прочее...

Извѣстно, что русская литература, въ существованіи которой еще многіе очень умные люди сомнѣваются, дѣлится на *партіи*; говорятъ, будто-бы, въ-слѣдствіе этого, и читающая публика также раздѣляется на *партіи*. Къ какой же партіи принадлежите вы, мой читатель?

II.

Вотъ что пишетъ герой мой къ другу своему, петербургскому фельетонисту:

«Дѣло рѣшено, душа моя, я ѣду въ Петербургъ. Мебель свою я продалъ, укладываю картинки, — боюсь, чтобъ въ дорогѣ стекла не перебились; пріищи мнѣ квартирку, mon cher; тебѣ это легко; ты со всѣми знакомъ и все знаешь. Я сошелся съ А** на выгодныхъ условіяхъ. Фёльетонъ газеты будетъ въ моемъ полномъ распоряженіи. Одинъ мой знакомый пріискалъ мнѣ также мѣсто въ ** департаментѣ. Сумма, которую я буду получать, обезпечиваетъ мою жизнь, даже можно будетъ и пожуировать разъ въ мѣсяцъ. Впрочемъ, только бы мнѣ добраться до Петербурга, а деньги наживать станемъ; у меня теперь въ запасѣ три водевиля, которые я передѣлалъ съ французскаго. Пущу ихъ на петербургскую сцену. Въ этихъ водевиляхъ, я тебѣ скажу по совѣсти, есть куплетцы презабористые... Надѣюсь, душа, что хотя мы фельетописты двухъ враждебныхъ газетъ, но это не помѣшаетъ нашимъ пріятельскимъ отношеніямъ. Въ моей добросовѣстности сомнѣваться тебѣ нечего. Хочу также, голубчикъ, приняться за переводъ Шекспира стихами. Надо познакомить нашу публику съ этимъ великимъ писателемъ. Ты знаешь, что я всегда былъ шекспиріанцемъ, mon cher. Къ томужъ переводомъ Шекспира въ стихахъ легко

можно составить себѣ въ литературѣ громкое имя. Въ Петербургъ! Въ Петербургъ!...

Въ Петербургѣ — то ли дѣло?
Въ Петербургѣ — просто рай.
Не робѣй... Пиши лишь смѣло,
Да деньжонки зашибай!

Adieu. Я твой whilst this machine is to him, какъ говоритъ Гамлетъ...»

По пріѣздѣ въ Петербургъ, фёльетонитсъ завивается у *Фаге*, покупаетъ галстухъ у *Чуркина*, шляпу у *Фалелѣева*, пахучія перчатки подъ вывѣскою *Оленя*, надѣваетъ синій сюртучокъ съ бранденбурами и кистями работы портнаго подъ вывѣскою: Au Journal, и идетъ гулять по Невскому Проспекту. Въ такомъ щегольскомъ нарядѣ онъ очень хорошъ! И, вѣроятно, чувствуя это, онъ появляется въ первый разъ на поприще фёльетонное подъ именемъ «свѣтскаго человѣка». Его сюртучокъ съ бранденбурами и кистями оправдываетъ смѣлость такой выходки. Дебюты моего фёльетониста блистательны. Онъ подражаетъ игривому и остроумному языку Жанена. Вотъ выдержка изъ нихъ:

«Самая восхитительная, самая упоительная, самая новая и въ одно и то же время самая старая новость въ Петербургѣ — *осень!*.. О да... осень, гряз-

ная, блѣдная, холодная, сырая, безъ солнышка, съ сѣдымъ небомъ, съ сѣдыми днями, съ темными ночами...»

«Въ Лѣтнемъ Саду грустно: желтыя листья лежатъ на дорожкахъ, какъ клочки разорванной бумаги на полу въ кабинетѣ писателя, или какъ папильотки въ будуарѣ аристократки; гуляющихъ почти нѣтъ. Лѣтній Садъ весною и осенью — какая безграничная разница! Это свѣтъ и тьма, день и ночь, улыбка и слезы (осень въ Петербургѣ дождливая)... Многіе жалуются на петербургскій климатъ; но всѣмъ и каждому извѣстно, что уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Лѣтнемъ Саду повсюду цвѣтутъ розы прелестныя, пышныя, роскошныя, душистыя, упоительныя; между этими розами встрѣчаются и лилеи — нѣжныя, прозрачныя, бѣлѣе карарскаго мрамора, даже ярче русскаго снѣга, озареннаго русскимъ солнцемъ!..»

Фёльетонистъ мой опредѣляется въ департаментъ.

Онъ принимается за службу ревностно; онъ приходитъ въ департаментъ первый и уходитъ послѣдній... Столоначальникъ имъ чрезвычайно доволенъ и даже разговаривая объ немъ однажды съ начальникомъ отдѣленія выражается про него такъ:

«Это, я вамъ доложу, Иванъ Кузьмичъ, такой молодой человѣкъ... такой, что просто я вамъ скажу ну! — если онъ будетъ все такъ продолжать... Ну, такъ тогда пойдетъ далеко, будетъ благонадежнымъ чиновникомъ-съ».

Но увы! Мой герой не оправдываетъ надеждъ своего столоначальника... Черезъ 2 мѣсяца, служба надоѣдаетъ ему. Онъ перестаетъ ходить въ департаментъ и, послѣ замѣчанія начальника отдѣленія о нерадѣніи, выходитъ въ отставку.

— Я вышелъ въ отставку за тѣмъ, говоритъ онъ одному своему трактирному пріятелю: — за тѣмъ, моншеръ, чтобъ, знаешь, посерьезнѣе этакъ на свободѣ заняться литературой.

Александрынскимъ Театромъ фёльетонистъ недоволенъ, однако онъ не пропускаетъ ни одного спектакля, отзываясь тѣмъ, будто ходитъ *по должности* (на послѣднее слово онъ сильно напираетъ); актеры ему не нравятся; однако онъ знакомится почти со всѣми и даже находитъ себѣ много истинныхъ друзей между ними. Онъ не только посвящаетъ себя во всѣ мелочныя закулисныя сплетни, но даже лично принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе. Этимъ отзываются всѣ его театральныя статейки. Онъ выбираетъ одного актёра (съ которымъ никакъ не могъ

сойтись по-пріятельски) и одну актриссу (которая находится подъ гнѣвомъ его друга актёра) — и этихъ двухъ онъ громитъ въ каждой своей статейкѣ во имя искусства, и передъ ихъ фамиліями ставитъ обыкновенно по четыре восклицательные знака въ скобкахъ. Надъ публикою Александрынскаго Театра онъ подсмѣивается, а между-тѣмъ, половина партера въ этомъ театрѣ состоитъ изъ его задушевныхъ пріятелей, хотя онъ не болѣе полугода въ Петербургѣ...

Онъ входитъ въ кресла, сбрасывая свою шинель на руки капельдинера, который кланяется ему и говоритъ съ пріятностію: «здравствуйте, батюшка, Петръ Семенычъ». Фёльетонистъ протираетъ очки и глаза и спрашиваетъ у капельдинера: Что̀? начали? — «Нѣтъ-съ еще-съ»... Значительно улыбаясь, съ чувствомъ собственнаго достоинства, онъ подходитъ къ своему другу, литературному фактору, который, не смотря на совершенную безграмотность, пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ изданіемъ кое-какихъ литературныхъ пьесокъ, альманаховъ и разныхъ другаго рода книжонокъ, ловко идущихъ съ рукъ.

— Здравствуй, душа, говоритъ ему фёльетонистъ, трепля его по плечу.

Факторъ оглядывается.

— А! Петя! Что это у тебя заспанные глаза?

Фельетонистъ поправляетъ очки.

— Что-то заспался, братецъ.

— Послушай-ка, Петя, знаешь...

Факторъ наклоняется къ уху фёльетониста и шепчетъ... Слышны только нѣкоторыя отдѣльныя слова: *кутили; пьяный; издаю; ее расхвалить; Репертуаръ... душка; мнѣ обѣщалъ... Пчела... Инвалидъ... Смотри же ты!..* Факторъ грозитъ пальцемъ фёльетонисту и хохочетъ, приговаривая: — Экая ты шельма, братецъ!

Минута молчанія.

Факторъ со вниманіемъ осматриваетъ первый рядъ креселъ и потомъ стремительно обертывается къ фельетонисту:

— Петя, Петя, — посмотри-ка, кто затесался въ первый-то рядъ...

Фельетонистъ протираетъ очки.

— Ба, ба, ба! да это нашъ Максимъ Петровичъ?

Максимъ Петровичъ, или, правильнѣе, Максимъ Петровъ — книгопродавецъ — и при томъ книгопродавецъ «добросовѣстный». Такъ по-крайней-мѣрѣ величаютъ его «добросовѣстные» журналисты.

Мой герой, разумѣется, въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, на самой короткой ногѣ съ «добросовѣстнымъ» книгопродавцемъ.

— Максимъ Петровичъ, Максимъ Петровичъ!... бормочетъ онъ дружески, кивая ему головой и маня его рукою...

Книгопродавецъ, отягощенный галантерейностями, подходитъ къ фёльетонисту и фактору, которые съ чувствомъ пожимаютъ ему руку.

— Ай да Максимъ Петровичъ! Экой франтъ!.. восклицаетъ фёльетонистъ, осматривая съ ногъ до головы книгопродавца... Нѣчего сказать, мастеръ одѣваться.

Книгопродавецъ ухмыляется.

— Что же-съ... ничего-съ, говоритъ онъ, пріятно обдергиваясь...

Въ эту минуту къ нимъ подходитъ офицеръ, имѣющій нѣкоторое поползновеніе къ литературѣ и сочинившій водевильчикъ. Снова взаимное пожиманіе рукъ.

Офицеръ посматриваетъ съ чувствомъ на фёльениста.

— Съ какимъ наслажденіемъ, говоритъ ему офицеръ: — я прочелъ вашу послѣднюю статейку о бенефисѣ Толченова... Какъ живо вы это все умѣете

описать и какъ это у васъ все выходитъ... такъ и льется точно вотъ какъ-будто...

Офицеръ останавливается, потому-что рѣшительно не знаетъ, что сказать далѣе.

— Да-съ, замѣчаетъ «добросовѣстный» книгопродавецъ: — ужь *они* на это мастера... *Прелесь* какое у *нихъ* перо! Такъ и нижутъ-съ, ей Богу.

Глазки фёльетониста принимаютъ масляное выраженіе... Онъ таетъ отъ этихъ похвалъ.

– Петръ Семеныч, продолжаетъ книгопродавецъ: – послѣ *спектактеля* не зайтить-ли въ ресторанчикъ?.. Выпить-бы бутылочку-другую шампанскаго не мѣшало.

— Съ удовольствіемъ.

Занавѣсъ поднимается. Во время представленія факторъ значительно перемигивается съ фёльетонистомъ.

Послѣ спектакля всѣ эти господа отправляются ужинать на счетъ «добросовѣстнаго» книгопродавца...

Славно и весело жить въ Петербургѣ! Петербургская жизнь сильно нравится моему фёльетонисту... Особенно онъ любитъ обѣдать на счетъ литературнаго фактора и ужинать на счетъ «добросовѣстнаго» книгопродавца. Винцо прекрасное и разговоры также не дурны. За этими обѣдами и ужинами ему не разъ удавалось между-прочимъ скропать нѣсколько удачныхъ куплетцовъ вмѣстѣ съ однимъ актеромъ. И куплетцамъ этимъ, говорятъ, очень аплодируютъ на сценѣ Александрынскаго-Театра.

Фёльетонистъ, кромѣ водевильчиковъ, занимается также сочиненіемъ повѣстей. Въ этихъ повѣстяхъ

героини, по-большой части, идеальныя и чувствительныя, омарлинизированныя дѣвицы, страстныя охотницы до *поэзіи*, *легкія*, *дымчатыя*, *туманныя*, у которыхъ волосы

....съ *неистовымъ извивомъ*
И заключены какъ сталь
Въ безконечную спираль!

а герои — юноши бурные, стремящіеся куда-то и къ чему-то, съ клокочущими страстями, презирающіе все земное и повседневное, порывающіеся непрестанно въ *высь* и разсуждающіе у Излера за растегайчикомъ о высокомъ и прекрасномъ, — потягивая по энергическому выраженію одного изъ нашихъ поэтовъ «*нервный сокъ винограда*,

«.... струю кроваву
До осушки стклянныхъ *донъ!*

Эти идеальныя дѣвицы *приковываютъ обыкновенно себя къ судьбамъ этихъ бурныхъ юношей*, — и повѣсти разрѣшаются трагически...

Въ первые дни своего пребыванія въ Петербургѣ, фёльетонистъ очень сердится на недобросовѣстность нѣкоторыхъ петербургскихъ журналистовъ и газетчиковъ, авторитеты которыхъ основаны на двадцати-пятилѣтней давности; онъ сильно бранитъ ихъ, потому-что оскорбленъ ими. До него дошли слухи,

что эти двадцати-пятилѣтніе авторитеты называютъ его *недоучившимся мальчишкой*, — и онъ хочетъ жестоко отдѣлать ихъ въ какой-то статейкѣ.

Онъ пишетъ въ Москву къ пріятелю:

«По пріѣздѣ въ Петербургъ, на меня, моншеръ, съ ожесточеніемъ накинулись Н. Н. и Ѳ. Ѳ. — эти литературные вампиры и хотѣли высосать изъ меня всю кровь; но я славно отдѣлалъ ихъ такъ, что они на долго теперь прикусятъ язычки. Ихъ недобросовѣстность возмутительна: я благодарю Бога за то, что принадлежу къ той литературной партіи, которая пользуется уваженіемъ всѣхъ достойныхъ людей... Вчера я былъ на литературномъ вечерѣ у князя...» и проч.

Онъ пишетъ, а внутренній голосъ говоритъ ему:

— «Послушай, голубчикъ, не ошибаешься ли ты, называя господъ Н. Н. и Ѳ. Ѳ. вампирами? Какіе они вампиры! они очень добрые и веселые люди и сочинители хорошіе; вѣдь они не признаютъ въ тебѣ достоинствъ потому только, что ты находишься въ работникахъ у заклятаго врага ихъ; отойди отъ него — и они пріймутъ тебя съ распростертыми объятіями, будутъ хвалить и восхищаться тобой и находить въ тебѣ замѣчательный талантъ... Они

могутъ доставить тебѣ настоящую извѣстность, которой ты такъ давно и напрасно добиваешься»... Фёльетонистъ задумывается и закуриваетъ трубку.

— Не ужели они меня пріймутъ съ распростертыми объятіями? недовѣрчиво спрашиваетъ онъ у своего внутренняго голоса, пріятно усмѣхаясь. — Впрочемъ, если-бы и такъ, то могу ли я теперь идти противъ самого себя, могу ли измѣнить собственнымъ мыслямъ, чувствамъ, убѣжденіямъ?

— «Сколько лѣтъ я постоянно толкую тебѣ, — отвѣчаетъ ему внутренній голосъ, — что у тебя нѣтъ ни мыслей, ни чувствъ, ни убѣжденія, а только небольшая претензія на все это, да пустой и глупой идеализмъ, изъ котораго тебѣ, какъ и всѣмъ тебѣ подобнымъ, нѣтъ выхода. Ты безпрестанно толкуешь о какой-то литературной добросовѣстности. Что́ же такое разумѣешь ты подъ этою литературною добросовѣстностію? Сегодня ты въ наймахъ у одного журналиста и по необходимости, а не по убѣжденію, прославляешь своего хозяина; этотъ теперешній хозяинъ твой, право, ничѣмъ не выше другихъ, враговъ его, на которыхъ ты теперь такъ жестоко нападаешь; завтра ты отойдешь *по обстоятельствамъ* къ этимъ другимъ (знай, что по собственному безсилію ты всегда будешь жалкимъ

рабомъ *обстоятельствъ* и *случая*); завтра, говорю я, отойдешь ты къ этимъ другимъ за лишнихъ 500 рублей въ годъ, и тѣ, въ которыхъ ты въ сію минуту кидаешь полемическіе шарики, принимая эти шарики за камни, станутъ твоими кумирами, и, по приказанію этихъ новыхъ кумировъ своихъ, ты будешь называть бѣлымъ то, что́ называлъ за день передъ тѣмъ чернымъ, и на оборотъ. Вѣдь это тебѣ ничего не сто́итъ. У тебя нѣтъ своего мнѣнія, своей воли; ты поешь, другъ мой, съ чужаго голоса; ты вѣчно останешься на посылкахъ у другихъ; отними у тебя постороннюю волю, заставляющую тебя двигаться — ты сейчасъ же превратишься въ автомата, въ куклу, въ ничто»...

Фёльетонистъ вскакиваетъ со стула, бросаетъ съ негодованіемъ изъ рукъ перо, поправляетъ судорожно очки и начинаетъ ходить въ волненіи по комнатѣ. Никогда еще такъ рѣзко не говорилъ съ нимъ до сей поры его внутренній голосъ.

— Нѣтъ, это ужь ни на что непохоже! восклицаетъ онъ: - внутренній голосъ мой просто нашептываетъ мнѣ нестерпимыя дерзости. Что въ-самомъ-дѣлѣ давать ему волю! Я задушу его... Такъ клеветать на меня! Ужь будто я не имѣю своего мнѣнія и своей воли! Нѣтъ, я неспособенъ быть дезер-

тёромъ... Я докажу это... Убѣжденія мои непоколебимы... я не...

Онъ не докапчиваетъ и только въ благородномъ гнѣвѣ затягивается и выпускаетъ изо рта тучу дыма.

— «Не горячись, голубчикъ»,—спокойно продолжаетъ его внутренній голосъ:—«мнѣнія своего точно ты не имѣешь: ты или выкраиваешь кое-какъ свои статейки изъ чужихъ статей, и послѣ неблагодарно злословишь благодѣтелей, снабжающихъ тебя новыми мыслями и новыми словами, или кропаешь статейки, по заказу своихъ хозяевъ... Твои же собственныя остроумныя сочиненія мнѣ на перечетъ извѣстны: одинъ разъ ты объявлялъ публикѣ за новость, что въ Петербургѣ осень; въ другой разъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Лѣтнемъ Саду цвѣтутъ розы и лилеи... въ третій»...

Фёльетонистъ робко осматривается кругомъ: онъ боится, не подслушиваетъ ли кто-нибудь его разговоръ съ внутреннимъ голосомъ...

—«Не бойся» говоритъ внутренній голосъ:—«насъ никто не можетъ подслушать... Я говорю слишкомъ тихо... Все это останется между нами,—не сердись... Я тебѣ объясню нѣсколько самого тебя и твои узкія понятьица, которыя безъ опредѣленія бродятъ въ головѣ твоей. Твои толки о добросовѣстности—верхъ

пошлости. Эти толки доказываютъ только твою ограниченность и неразвитость. Добросовѣстность— это изъѣзженный и избитый конекъ, на которомъ выѣзжаютъ изстари литературные гаэры и спекулянты, ломающіеся другъ передъ другомъ на литературномъ ристалищѣ на позоръ публики. Никто изъ этихъ господъ, точно такъ же какъ и ты, не имѣютъ никакихъ убѣжденій, никакихъ идей... Всѣ они только хлопочутъ о томъ, какъ бы нажить поскорѣе и по больше денегъ, да зажить *барами.*

«Немного въ вашей литературѣ людей съ мыслями, съ убѣжденіемъ. И кто понимаетъ ихъ? Кто ихъ оцѣниваетъ? Кто ихъ знаетъ? Не завидна ихъ участь въ настоящую минуту. Они изъ куска насущнаго хлѣба трудятся въ потѣ и крови, а литературные спекулянты, пользуясь ихъ трудомъ, умомъ и талантомъ, богатѣютъ, жирѣютъ, оплываютъ и пользуются славою на счетъ ихъ. Все это ты очень хорошо знаешь. Но съ этими немногими — тебѣ нечего дѣлать. Въ ихъ обществѣ нѣтъ тебѣ мѣста. Ты давно умеръ бы съ ними отъ тоски, еслибы не зналъ другихъ людей, — тѣхъ, которые въ Александрынскомъ Театрѣ какъ у себя дома; которые за ужиномъ въ какомъ-нибудь кафе-ресторанѣ, или за обѣдомъ у «Палкина» — *душа общества*, которые живутъ на распашку съ бутылкой въ одной рукѣ, съ картой въ другой... Первые – презираютъ тебя; при нихъ ты и рта не смѣешь разинуть, сидишь нахмуривъ брови да покуриваешь трубку, а самолюбьице твое, этотъ неугомонный червячокъ, подтачиваетъ тебя въ эти минуты, — и скрывая свое внутреннее безпокойство, ты безпрестанно поправляешь свои очки. Вотъ откуда вывожу я начало этой привычки твоей. Послѣдніе—всегда принимаютъ тебя съ распростертыми объятіями, ты избранный въ кругу

ихъ, — ты оракулъ въ ихъ обществѣ; ты читаешь имъ свои водевильные куплетцы, свои повѣсти и тебѣ они рукоплещутъ, у тебя они спрашиваютъ совѣтовъ... Съ первыми у тебя нѣтъ ничего общаго; съ послѣдними у тебя связь кровная и родственная. Ты не имѣешь силы воли для того, чтобы сдѣлаться *человѣкомъ* — и жить въ человѣческомъ обществѣ. Ты заклейменъ именемъ фёльетониста и въ могилу сойдешь съ этимъ именемъ. Пойди же къ своимъ и живи съ ними... Тамъ у Излера ожидаютъ тебя литературные факторы, книгопродавцы, актёры и другіе тому подобные...»

Фёльетонистъ чувствуетъ тяжесть въ головѣ и сухость на языкѣ... Онъ прохаживается по комнатѣ, поправляетъ очки, еще разъ затягивается и задумывается; чубукъ выпадаетъ изъ рукъ его.

Въ эту минуту дверь комнаты фёльетониста отворяется съ шумомъ, онъ вздрагиваетъ: передъ нимъ стоитъ его другъ — литературный факторъ...

— Петя, восклицаетъ онъ: — Петя, что это съ тобою? Ты какъ-будто чѣмъ-то разстроенъ; или статейку, плутъ, сочиняешь?

— Нѣтъ... не знаю... голова немножко болитъ.

— А я къ тебѣ, Петя, съ новостію... Б. Б. Б. отказался отъ фёльетона въ **... газетѣ. Вотъ бы,

Петя, тебѣ на его мѣсто! Что, братецъ, ты связался съ пустымъ народомъ! Вѣдь вашей газеты никто не читаетъ, — а наша имѣетъ 3000 подписчиковъ. Слышишь? 3000 человѣкъ будутъ читать твой фёльетонъ!... а? ей-Богу *наши* во всѣхъ отношеніяхъ лучше... *Мы*, братецъ, вѣсъ имѣемъ, — тебя будутъ въ нашей газетѣ расхваливать. Вѣдь Ѳ. Ѳ. отличный человѣкъ — и какъ живетъ весело... По воскресеньямъ мы будемъ у него обѣдать... Столъ славный и винцо — чудо!... Онъ ужь у меня спрашивалъ про тебя. Я тебя съ нимъ сведу непремѣнно.

— Странно! замѣчаетъ фёльетонистъ будто про себя: — то же самое сейчасъ совѣтовалъ мнѣ и мой внутренній голосъ.

— Кто такой? какой это внутренній голосъ?

— Нѣтъ, такъ, я не то хотѣлъ сказать.

— Ей-Богу, порѣшай-ка, дружокъ. А я хоть сейчасъ съѣзжу къ Ѳ. Ѳ., скажу, что ты согласенъ перейти къ намъ; сего дня же покончимъ все... А, Петя? Ну, по-рукамъ что ли?... и денегъ будешь вдоволь получать, и все такъ мило пойдетъ. Шампанеи на такой радости хватимъ, — ну, рѣшайся.

Фёльетонистъ поправляетъ очки.

— Видишь ли, душа моя, мнѣ немножко совѣстно передъ... передъ **...

— Ей Богу, и не думай, братецъ, о немъ, и не говори ему ничего; онъ и не узнаетъ,—перешелъ-себѣ отъ него, да и баста... А коли пріиметъ къ допросу... Ну, скажи, что... да ты самъ лучше меня выдумаешь, что́ сказать. По рукамъ, что ли, Петя?

—Дай, голубчикъ, подумать...Статьи я, пожалуй, начну писать *для вашей* газеты хоть теперь... Что же касается до полнаго согласія...

Однако черезъ нѣсколько времени фёльетонистъ мой торжественно подаетъ руку фактору. Рѣшено! Труденъ только первый шагъ, а тамъ—ничего, тамъ не страшно. Фёльетонистъ заключаетъ дружеское условіе съ тѣмъ газетчикомъ, котораго онъ за недѣлю передъ тѣмъ называлъ *вампиромъ*,—потихоньку, на цыпочкахъ перебирается въ его газету и, благословясь, начинаетъ работать на новосельѣ.

Фёльетонистъ очень доволенъ своимъ новымъ бариномъ. Онъ вмѣстѣ съ нимъ гуляетъ и пьетъ. Онъ лицемѣритъ передъ нимъ и смотритъ ему въ глаза. Онъ ужь безпощадно ругаетъ всѣхъ принадлежащихъ къ той литературной партіи, къ которой самъ принадлежалъ вчера. Онъ уже начинаетъ нападать на своего стараго хозяина,—сначала, правда, робко, съ

нѣкоторою осторожностію, — а потомъ подбочась, съ нахальствомъ и грубостію возмутительною. Онъ выбивается бѣдный изъ всѣхъ силъ, чтобы показать свое усердіе передъ новымъ бариномъ.

Незамѣтно и постепенно онъ теряетъ стыдъ и чувство приличія — послѣднее человѣческое чувство, отдѣляющее его отъ животнаго — и дѣлается способнымъ на все: онъ подшучиваетъ самымъ площаднымъ образомъ надъ благороднымъ тружеником науки, къ которому не благоволитъ его баринъ; онъ обвиняетъ въ невѣжествѣ и въ безграмотности литератора, скромно и безкорыстно трудящагося въ тиши своего кабинета, потому только, что тотъ не хочетъ участвовать въ изданіяхъ пріятелей его барина; онъ за сладкій пирожокъ пишетъ похвальное слово кандитеру; за десять сигарокъ восхваляетъ табачную фабрику; за фунтъ икры строитъ комплименты овощной лавочкѣ; онъ на литературной площади безсмѣнно стоитъ у дверей балагана своего хозяина и кричитъ: «къ намъ, къ намъ пожалуйте-съ! у насъ всѣ лучшіе товары-съ и безпристрастіе самое отличное-съ; насъ и публика любитъ; мы умнѣе и ученѣе всѣхъ; у насъ все работники съ хорошими аттестатами, — а въ той лавочкѣ, что́ напротивъ насъ, ей-Богу, все

невѣжды, безъ аттестатовъ; повѣрьте этому-съ, тамъ проповѣдуютъ разныя пустыя идеи... пожалуйте къ намъ-съ; раскаяваться не будете-съ!»

Цинизмъ совершенно овладѣваетъ моимъ фёльетонистомъ: онъ показывается неумытымъ передъ публикою, онъ лежитъ дома въ грязи... Рамы на его картинкахъ съ разбитыми стеклами, по стѣнамъ гирлянды паутины, на всей мёбели пыль слоями, на столѣ бутылки съ виномъ и опрокинутые стаканы; подъ столомъ карты и табачный пепелъ.

— Ты плутъ, Петя, а? Право, плутъ! кричитъ ему актёръ, развалившійся на оборванномъ диванѣ, безъ сюртука... Налей-ка мнѣ, канашка, еще стаканчикъ...

Но руки фёльетониста дрожатъ, онъ льетъ вино мимо стакана.

Факторъ, офицеръ, сочинившій водевильчикъ и «добросовѣстный» книгопродавецъ хохочутъ во все горло.

Офицеръ кричитъ: «Петя, я тебя непремѣнно выставлю въ моемъ новомъ водевилѣ.»

А книгопродавецъ прибавляетъ: — А мы напечатаемъ-съ вашъ водевильчикъ-съ, да еще съ политипажами-съ.

Входитъ корректоръ съ пробными оттисками.

Фёльетонистъ, пошатываясь, бросается на встрѣчу къ корректору съ стаканомъ вина, вырываетъ у него листы изъ рукъ и кричитъ; — ну брось, братецъ эту дрянь... брось все это; чокнемся-ка по пріятельски, за просто... Винцо доброе... мы всѣ, братецъ, братья, я тебя люблю душевно...

Такого рода пирушки чаще и чаще; рѣже и рѣже фёльетонъ украшается именемъ моего героя; у него глаза опухлые и вѣчно заспанные; корректуры читаются кое-какъ; въ газетѣ безчисленныя опечатки. Природная апатія фёльетониста превращается наконецъ въ совершенное отупѣніе и отвратительную лѣнь... Журналистъ-вампиръ, его новый хозяинъ, выгоняетъ его изъ своей лавочки.

журналистъ неумолимъ: онъ не хочетъ взять въ соображеніе прежнія заслуги своего клеврета: онъ забылъ, что бѣдняжка, не щадя себя, кувыркался передъ нимъ и передъ его пріятелями и заманивалъ прохожихъ въ его балаганъ, не жалѣя своего горла.

Куда же теперь пойдетъ мой прогнанный фёльетонистъ? что ему дѣлать?.. Водевили его, поставленные на сцену, ошиканы; мёбель его отдана за долги, платье изношено... Онъ въ положеніи ощипанной и заклеванной вороны въ баснѣ Крылова... Скрѣпивъ сердце, проходитъ онъ къ своему прежнему пріятелю и собутыльнику – «добросовѣстному» книгопродавцу, и униженно проситъ у него работы. Книгопродавецъ, отягченный галантерейностями, величаво стоитъ у своей конторки. Онъ не глядя на него бормочетъ: «послѣ зайдите-съ... теперь нѣкогда... видите сами: я занятъ... Мнѣ не до васъ...» Впрочемъ, черезъ недѣлю онъ заказываетъ ему перевести (разумѣется, за безцѣнокъ) дѣтскую книжку къ святой недѣлѣ, да двѣ брюшюрки; *о наивѣрнѣйшемъ средствѣ истреблять клоповъ* и проч.. да *о удивительнѣйшемъ элексирѣ, отращивающемъ на плѣшинахъ густые и отличные волосы*... Такого рода сочиненія, говорятъ, у насъ очень расходятся.....

«Такъ вотъ та литературная извѣстность, которой я добивался?» — говоритъ фёльетонистъ, поправляя разбитые очки, перевязанные ниточкой, и вмѣсто слезъ, по лицу его катятся капли холоднаго пота; — а внутренній голосъ пробуждается въ немъ послѣдній разъ, указываетъ ему на его безсиліе и ничтожество и съ злобною насмѣшкою говоритъ ему:

«И если карлой сотворенъ
То въ великаны не тянися!»

Проходитъ годъ. Бездѣльно шатается по петербургскимъ улицамъ отставной фёльетонистъ въ старой, забрызганной грязью шинели; клочки ваты висятъ бахрамой на ея подолѣ; калоши сваливаются съ его ногъ. Онъ заходитъ въ кандитерскую, садится на стулъ и дремлетъ... Шумъ и крикъ заставляютъ его очнуться. Въ комнату входятъ всѣ прежніе друзья его: литературный факторъ, офицеръ, сочинившій водевильчикъ, Б. Б. Б., снова поступившій въ званіе фёльетониста на его мѣсто, водевильный актёръ, и «добросовѣстный» книгопродавецъ, отягченный галантерейностями... Всѣ они очень веселы. Отставной фёльетонистъ, увидя ихъ, закрываетъ лицо свое огромнымъ листомъ французской газеты и не шевелясь долго просиживаетъ за этими ширмами.

— Посмотри-ка, говоритъ факторъ, прищуриваясь и толкая локтемъ Б. Б. Б. : — вѣдь это, mon cher, Петя. Бѣдняжка, до чего дошелъ! на него и посмотрѣть гадко!... Гарсонъ! рюмку ликеру!...

— Толковалъ я вамъ, господа, — возражаетъ Б. Б. Б..., обращаясь къ фактору, офицеру, актеру и книгопродавцу: — что въ вашемъ Петѣ никогда никакого толку не было. Онъ былъ рѣшительно не-

способенъ для фёльетонной работы; вѣдь для этого, господа, нужно остроуміе, ловкость, своего рода тактъ...

— А ужь водевильчики его — признаюсь! замѣчаетъ актеръ:

— «Вѣдь такіе водевили
Просто хуже всякой гили...»

— Браво! браво! восклицаетъ офицеръ. — Вотъ вамъ и начало куплетца.

Отставной фёльетонистъ тихонько прокрадывается къ двери — и нечаянно натыкается на «добросовѣстнаго» книгопродавца, отягченнаго галантерейностями. — «Добросовѣстный» книгопродавецъ съ презрѣніемъ осматриваетъ его съ ногъ до головы — и потомъ подходитъ къ зеркалу и охорашивается. Съ этого дня мой герой пропадаетъ безъ вѣсти: его ни гдѣ не видно: ни на улицахъ, ни въ трактирахъ, ни въ кандитерскихъ... Онъ сошелъ со сцены... На эту сцену входятъ другіе, не менѣе достойные его...

Подобныхъ русскихъ фёльетонистовъ — Гоголь заклеймилъ именемъ *Тряпичкиныхъ*. Лучшаго имени для нихъ нельзя придумать! Друзья *Тряпичкиныхъ* — *Хлестаковы и Ноздревы.*

ИВ. ПАНАЕВЪ.

ОГЛАВЛЕНIЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Рисунки дѣланы г. *Коврыгинымъ* и др.

